

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE - P
Дискурс★*Ни*

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 21 (4) 2024

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 21 (4) 2024

IPL INSTITUTE of
&L PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★Пи
Екатеринбург – 2024

«ДИСКУРС-ПИ»
Т. 21. № 4
Декабрь 2024

Научный журнал
Издается с 2001 года
Выходит четыре раза в год

Учредитель:
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:
Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 22.02.2025 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 18,14
Тираж 500 экз.
Заказ № 6143

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются
Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**
620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – академик РАН, председатель УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нина Антанович – Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Адилбек Еремекбаев – Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Макаров – Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартынов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Издательский Дом «Дискурс-Пи», Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (K1) по следующим специальностям:

– 5.5.1. История и теория политики (политические науки),

– 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

– 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки);

– 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),

– 5.7.2. История философии (философские науки),

– 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал входит в базу данных RSCI, «Киберленинка», в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS.

DISCOURSE-P
Vol. 21. No 4
December 2024

Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on February 22, 2025
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 18,14
Issues – 500
Order # 6143

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The author guide can be found
on the Journal's website
and at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

All issues of the journal
are available on the website
www.madipi.ru

When cited the reference to the Journal
is obligatory

The authors are requested to adhere
to the academic style

Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Academician of RAS, Chairman of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Deputy Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Nina Antanovich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Adilbek Yermekbayev – Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Makarov – Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasily Rusakov – Publishing House «Discourse-P», Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The Scientific Journal «Discourse-P» is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (K1). The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is included into the Russian Science Citation Index (RSCI),
the «CyberLeninka» database,
in the European Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

Т. 21. № 4

Тропы метода

Горбань В.С.

Историографическое значение творчества Канта в свете философской и политико-правовой мысли.....10

Володенков С.В., Федорченко С.Н.

Суверенизация цифровых общественно-политических коммуникаций: анализ академического дискурса.....26

Гузаеров Р.И.

Три концепта доктринального дискурса Турции при Р.Т. Эрдогане 48

Парадигмы и процессы

Русакова О.Ф., Кант Т.В.

Стратегическое партнерство России и Китая в сфере образования как фактор роста мягкой силы ШОС и БРИКС.....60

Мошкин С.В.

Воспоминания о советском спорте.
Опыт социологического наблюдения.....82

Иващенко Т.В.

Изменение уровня доверия молодежи к правительству КНР на фоне COVID-19.....99

Салгириев А.Р.

Факторы и динамика делегитимации политических элит Северного Кавказа 118

Вахрушева Е.А., Кочухова Е.С.

Ценностная повестка Года семьи: локальное измерение государственной культурной политики.....136

Четвертая власть

Николайчук И.А., Якова Т.С., Янглева М.М.

Медиагеографические исследования ментальных ландшафтов
Северо-Кавказского региона РФ в контексте обострения
Палестино-Израильского конфликта 152

Еникеева И.И., Юлбаев Р.З.

Особенности влияния процессов и механизмов цифрового повествования
на гражданскую идентичность молодежи поколения Z
(на примере г. Уфы, Республика Башкортостан) 177

Рецензии и обзоры

Грибовод Е.Г.

Модель советского общества: контуры исследования
и аспекты медиатизации 202

Vol. 21. No 4

Tropes of Method

Gorban, V.S.

Exploring the Historiographical Significance of Kant's
Contributions to Philosophy and Political-Legal Thought 10

Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N.

Sovereignization of Digital Communications in the Socio-Political Sphere:
An Analysis of Academic Discourse.....26

Guzaerov, R.I.

Three Concepts of Turkey's Doctrinal Discourse
under Recep Tayyip Erdogan.....48

Paradigms and Processes

Rusakova, O.F., Kant, T.V.

Strategic Partnership Between Russia and China in Education:
Enhancing Soft Power Among the SCO and BRICS.....60

Moshkin, S.V.

Recollections of the Soviet Sports. A Preliminary Sociological Survey 82

Ivashchenko, T.V.

Changes in Youth Trust Towards the Chinese Government During
the COVID-19 Pandemic.....99

Salgiriev, A.R.

Factors and Dynamics of the Delegitimization of the Political Elites
in the North Caucasus (Russian Federation) 118

Vakhrusheva, E.A., Kochukhova, E.S.

The Year of the Family: Assessing the Value Agenda.
Local Perspectives Within State Cultural Policy..... 136

The Fourth Power

Nikolaychuk, I.A., Yakova, T.S., Yanglyaeva, M.M.

Exploring the Mental Landscape of the North Caucasus:

A Mediageographical Study in the Context

of the Palestinian-Israeli Conflict.....152

Enikeeva, I.I., Yulbaev, R.Z.

Critical Thinking and Civic Engagement Among Generation Z:

A Randomized Control Trial in the City of Ufa,

Republic of Bashkortostan (Russian Federation).....177

Book Reviews

Gribovod, E.G.

Outlining a Model of Soviet Society: Mediatization Aspects 202

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА КАНТА В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Владимир Сергеевич Горбань,

Институт государства и права РАН,
Москва, Россия,
gorbanv@gmail.com

Получена 20.09.2024.

Поступила после рецензирования 22.10.2024.

Принята к публикации 09.12.2024.

Для цитирования: Горбань В.С. Историкографическое значение творчества Канта в свете философской и политико-правовой мысли // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 10–25. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_10

Аннотация

В статье рассматривается проблематика уточнения и разъяснения значения философского творчества немецкого философа Канта в свете современных научных задач по формированию новых подходов к историографии политико-правовой мысли. Наследие Канта является одним из тех культурных феноменов, которые на протяжении уже более чем двух столетий формируют существенную часть повестки науки истории политико-правовой мысли, общетеоретических и прикладных вопросов в юридических исследованиях. Вместе с тем значительная часть философских идей и размышлений Канта пребывает в контексте его апологетики в качестве лишь воспроизводимых, но надлежащим образом не разработанных и критически не осмыс-

© Горбань В.С., 2024

ленных моментов содержания философии права, истории политико-правовой мысли. Актуальность и востребованность обращения к кантовской проблематике в контексте историографических исследований политико-правовых знаний обуславливаются наличием существенных пробелов в освещении смысловых характеристик его критицизма и основных начал учения о праве в истории политико-правовой мысли. Отсутствие соответствующих разработок диктует необходимость точнее и полнее выявить значение кантовской философии как маркера для комплекса вопросов формирования более полной и верифицируемой историографии. В связи с этим во внимание принимаются его оригинальные тексты на немецком языке, особенности используемого им понятийного языка, приемы историко-филологической работы. В исследовании подчеркивается, что историографическая значимость творчества Канта может быть установлена только в контексте такой значимой для понимания его учения характеристики, как допущение определенного типа культуры в качестве системы определенных эпистемологических и нравственных приемов, оказывающих влияние на социально-религиозное сознание. Правовые взгляды Канта могут быть установлены только на основе общих начал критической философии, которые определили целый комплекс направлений исследований права как «чистого» логико-понятийного феномена и как психологического явления.

Ключевые слова:

философия Канта, критицизм, догматизм, историография политико-правовой мысли, философия истории, общественно-религиозное сознание, философия права, понятие свободы, право, нравственность

Источники финансирования:

исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075–15–2024–639).

EXPLORING THE HISTORIOGRAPHICAL SIGNIFICANCE OF KANT'S CONTRIBUTIONS TO PHILOSOPHY AND POLITICAL-LEGAL THOUGHT

Vladimir S. Gorban,

Institute of State and Law,
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
gorbanv@gmail.com

Received 20.09.2024.

Revised 22.10.2024.

Accepted 09.12.2024.

For citation: Gorban, V.S. (2024). Exploring the Historiographical Significance of Kant's Contributions to the Philosophy and Political-Legal Thought. *Discourse-P*, 21(4), 8–25. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_8

Abstract

The article explores the challenges of clarifying the philosophical contributions of the German philosopher Immanuel Kant in the light of contemporary scientific endeavors aimed at developing new approaches to the historiography of political and legal thought. Kant's legacy has been a significant cultural phenomenon for over two centuries, forming an essential part of the academic discourse in the history of political and legal thought, as well as addressing general theoretical and applied issues in legal research. However, many of Kant's philosophical ideas and reflections remain within the realm of apologetics, often reproduced, but not properly developed and critically analyzed in the context of legal philosophy and the history of political and legal thought. The relevance of examining Kant's work within historiographical studies of political and legal knowledge is determined by notable gaps in the understanding of the semantic nuances of his critiques and the foundational principles of his legal doctrine. The lack of such crucial analysis highlights the necessity of more precisely and thoroughly articulating the significance of Kant's philosophy as a reference point for a broader and more verifiable historiography. In this regard, the article takes into account Kant's original texts in German, the distinctive features of his conceptual language, and the methodologies of historical and philological analysis.

The study emphasizes that the historiographical significance of Kant's work can only be fully appreciated within the context of a critical understanding of his teachings, particularly the notion of culture as a system of certain epistemological and moral techniques that shape socio-religious consciousness. Furthermore, Kant's legal perspectives can be really established only through the foundational principles of his critical philosophy, which defines a whole range of research areas concerning law as a pure logical-conceptual phenomenon and as a psychological phenomenon.

Keywords:

Kant's philosophy, critique, dogmatism, historiography of political and legal thought, philosophy of history, socio-religious consciousness, philosophy of law, the concept of freedom, law, private morality

Funding:

This research was conducted as part of the scientific project titled "Creating a Russian historiographical model of Political and Legal Knowledge and Its Application to Develop Promising Means of Countering Ideological Distortions of Russia's Civilizational Development". The project received financial support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

Философское учение Канта как историографический эон

Философское учение Канта еще при жизни автора стало заметным и контрастным водоразделом в различных сферах интеллектуальной культуры в странах Западной Европы, активно распространяясь дальше по мировым ландшафтам истории мысли и научно-литературного творчества. Он выразил в своих размышлениях насущные запросы эпохи, резюмировал общественно-религиозные и культурно-просветительские идеалы борьбы протестантов и в целом христианской Европы за религиозную и политическую свободу (Шершеневич, 2001). Темы и сюжеты его учения не были чем-то принципиально новым для общей истории философской мысли: агностицизм, критицизм, субъективизм, – все это и раньше присутствовало в научном обиходе – у известных философов и философских школ еще в Античности. Однако гуманистические тенденции, формировавшие культурные черты облика Европы уже с исхода позднего Средневековья, давно требовали очередной «победы» очередной раз «просвещенного» разума над историей, над преданием, традицией, которые часто оказывались в заложниках у инертных схоластических приемов познания, средневековой общественно-религиозной культуры, закостенелых форм

политического и правового мышления. Почву для кантовского критицизма и агностицизма создавали и другие мыслители, например шотландские и британские эмпирики, впечатлявшие Канта, особенно Юм (Lauener, 1969).

В дальнейшем о Канте было столько написано и сказано, что нередко явно превосходит то, что собственно немецкий философ хотел сказать. Существует в русле непосредственно учения Канта, кантианства и неокантианства целая апологетика его взглядов, которые, однако, зачастую по-школярски, как заученный урок, воспроизводятся до сих пор в истории философской мысли или, например, политико-правовой. Нет никаких сомнений, что Кант своим творчеством в области философии давно и прочно занял себе самостоятельное место в литературе последних двух столетий. Но не менее странно и вопреки чаяниям самого немецкого философа было бы превращать его в то самое авторитетное мнение, против диктата которых он так решительно боролся. Ему определенно хотелось быть создателем и проводником новых идей в философии, но, строго говоря, если мы доверяем призывам Канта и считаем его аргументы хоть немного убедительными, то они должны рассматриваться как объект той же самой критики, без которой, как он уверял, никакая надлежащая философия просто-таки невозможна. Гносеологические рецепты Канта, по уверению его же самого, тоже нуждаются в проверке. А его зачастую превращают в догматику, его идеи – в авторитетную, филодоксическую (Кант, 1994а, с. 35), по терминологии самого же Канта, основу для современного осмысления философских и иных релевантных вопросов. И тогда мы снова впадаем в то же состояние интеллектуальной дремоты, которое беспокоило немецкого мыслителя и которое совершенно не способствует развитию мысли, ее культурному расцвету и цивилизационной адаптации.

Если мы действительно обратим внимание на характер и направления влияния Канта в литературе у него на родине, в других странах, то можно глубже и панорамнее показать, что процессы эти не имели такого однозначного и прямого выражения. До сих пор немецкие ученые крайне удивляются тому, как идеи того же Канта воспринимаются за рубежом, поскольку в самой Германии внимание к его творчеству выглядит иначе, часто гораздо скромнее, чем кажется со стороны. Кант для немцев не открыл новую философию. Он обобщил идеи предшественников и придал мощное логическое обоснования основным положениям протестантизма: отказ от любой догматики, непознаваемость, ориентация на субъективную мироощущение и т. п. Все это легко обнаружить, если последовательно и основательно сравнить идеи протестантизма, в том числе пиетизма, к которому принадлежал воспитанный с детства в глубоко протестантском религиозном духе сам Кант, и начала его философского учения, темы, сюжеты, аргументы. П. А. Флоренский писал: «Философия есть беглая дочь своей матери; но и в странствии и падении она несет в себе родные кровь, и черты, и манеры, и в них видится нам религия, и не уйти философии от самое себя. И вот: изжив свои страсти, с угасшей кровью она утрачивает свой пыл к самостоятельности, и возвращается под родимый кров и, не найдя в живых своей родительницы, старая и живущая в прошлом, старается устроить в доме все, как было когда-то, по-старому, сама уподобившись прежней хозяйке» (Флоренский, 2014, с. 99).

При этом всем Кант – это по-настоящему хороший писатель, отличающийся (имея в виду оригинальные немецкоязычные тексты Канта и его современников) стройным языком изложения своих мыслей, ясностью текстов (с учетом их философского языка), умеющий в некоторой степени поэтически-тропированно выразить наиболее востребованные идеи, соображения и размышления. Большое значение имело и то, что Кант, в отличие от того же реформатора Томазия, требовавшего следовать исключительно латыни, уже мог себе позволить творить и писать на родном для него немецком языке. Роль языка всегда была и остается чрезвычайно важной. Римский император и философ Марк Аврелий, к огорчению своего учителя риторики, писал самые сокровенные мысли на более удобном греческом, а не на стилистически тяжелой, инертной латыни, более подходящей для официального делопроизводственного языка, юридического и политического.

Кант имеет большое значение для понимания и прояснения историографии общественной мысли, в частности в политико-правовой сфере. Хотя сам Кант антиисторичен, как и вся эпоха XVIII в., тем не менее и по содержанию своих философских сюжетов и познавательных установок, и по своему влиянию в истории мысли он несомненно представляет существенный интерес равно как для догматического, так и критического освещения и историографического моделирования в области политико-правовых знаний.

Мир науки и мысли значительно разнообразнее и многообразнее (Вернадский, 1991, с. 25), чем его обычно представляют в западной литературе, мешая тем самым естественной внутренней эволюции своих же достижений, осознанию просчетов и ошибок, которых было также немало, как и положительных результатов, расширению своего кругозора. Европейская литература, не осознающая объективные изменения в мире и не реагирующая на них, вместо того чтобы, так сказать, смотреть на эти вопросы как здравомыслящий кантианец, не сопровождая свои познавательные возможности адекватной критикой, начинает заметно отставать в современной культурно-цивилизационной динамике. Известный призыв «Назад к Канту!» в современных условиях мог бы успешно рассматриваться как настойчивое требование проверки познавательных способностей, но только не как чистой логической возможности, а как способности получения новых и достоверных знаний. Существенный недостаток многих современных работ в том, что Канта делают кумиром вместо того, чтобы просто работать с его творчеством (как других): критиковать, проверять на жизнеспособность, логическую состоятельность, полноту. Но для этого наука, по крайней мере юридическая, должна осознать свой творческий и конструктивно-критический, а не описательно-подражательный характер.

Например, И. Кант, как и позже Л. Толстой, верит в исключительную силу морального закона, а право у него высушенный, неодушевленный (в смысле безмотивный) продукт внешнего дисциплинирования (И. А. Ильин называл это внешней дрессурой (Ильин, 2006)). Позже Р. Иеринг, один из самых известных в мире юристов XIX в., современник Л. Толстого, прошел долгий творческий путь, заявив в итоге: право нужно для того, чтобы приструнить эгоизм и подготовить человека для жизни нравственной, да и само оно – право – отныне

должно пониматься как «телеологическая система нравственного миропорядка» (Jhering, 1889, p. X). Так, русский и мировой классик тоже верил во всеспасительную силу нравственности, скептически, как большинство писателей и поэтов, относясь к исторической роли позитивного (подчеркнуто карательного) права. Но по какой-то незатейливой «логике» о немцах пишут как о сторонниках положительной роли, даже ценности права (в каком-то при этом неразъясненном смысле, поскольку Толстой имел в виду совершенно определенную историческую сторону права). По Иерингу, право рождается в трудном и напряженном процессе постоянно прогрессирующего исторического становления, который длится тысячелетиями, сопряжен с активной работой человеческого духа и страданиями миллионов человеческих жизней и судеб (Jhering, 1852, p. 98)). О взглядах же Толстого судят не по сути и не по совокупности содержания и характера всего его творчества, а лишь по некоторым эмоциональным высказываниям.

Привлекательность философии Канта, как представляется, связана в первую очередь с тем, что она стремится не к познанию мира, чем по преимуществу занималась философия во все времена, а к изучению сознания, которое вновь становится чуть ли не микрокосмосом, охватывающим все философские заботы. Как говорили его современники: Кант заставил весь мир «вращаться вокруг сознания». Однако, как верно заметил С. Франк, «понятия “сознания”, “разума” и т. п. употреблялись Кантом в столь многозначном и мало выясненном смысле, что, как известно, весьма трудно уловить подлинное значение соответствующих утверждений Канта» (Франк, 1909, с. IX).

В смысле интереса к природе самого человеческого сознания Кант схож с Сократом или Декартом, прорывное значение представлений которых было также во многом связано с изменением вектора внимания, а именно к вопросам самого познания, его характера и природы. Представляется, что и современная, особенно юридическая, наука может существенно выиграть от того, что обратит свой пристальный взор к вопросам природы собственной науки, в том числе ее прочных и достоверных историографических оснований. Можно было бы сказать, что у каждой правовой идеи, правового понятия есть своего рода интеллектуальный паспорт. Они меняют время от времени прописку, приобретают новые черты, но в целом можно установить генетическую родословную компонентов словаря юридической науки или философии права. А это есть важнейшее условие для ее уверенного развития и раскрытия ее собственного мышления как науки.

Кант, в том числе в России, стал настолько большой величиной в философии, что многие еще в начале XX в. даже не отваживались взглянуть дальше Канта. Весьма примечательно эту ситуацию описывал русский филолог и философ Г.Г. Шпет. В своей диссертации «История как проблема логики» он писал: «Эпидемия новокантианства распространилась с молниеносной быстротой, – и много ли философски настроенных представителей нашего поколения избежали ее более или менее острой заразы? С вершин кантианства мелким и ничтожным представлялось то, что располагалось по обе стороны этого философского кряжа: догматическая, и, – что еще хуже, – скептическая докантовская философия; философия эпигонов – послекантовская...» (Шпет, 2011, с. III–IV).

Наряду с апологетикой, в русской философской литературе имеется и глубокая критика философского учения Канта, которая, на наш взгляд, в целом точно характеризует нацеленность и характерные черты размышлений немецкого философа-идеалиста, например, в работах Н.А. Бердяева и П.А. Флоренского. Первый называл философию Канта «образцом чисто полицейской философии», которая «имеет некую связь с полицейским государством, с обществом секуляризованным», то есть «из священного гнозиса превратилась философия в полицейский распорядок отвлеченной мысли, в охрану, в градостроительство, к которому обращаются за разрешением устроить то или иное в царстве мысли и познания» (Бердяев, 1989, с. 19). «Поэтому, – пишет Н.А. Бердяев, – философия и зашла в тупик, поэтому кризис ее и представляется таким безысходным...» (Бердяев, 1989, с. 20). Флоренский еще более резко и небезосновательно охарактеризовал философию Канта: «Нет системы более уклончиво-скользкой, более “лицемерной”, по апостолу Иакову, более “лукавой”, по слову Спасителя, нежели философия Канта: всякое положение ее, всякий термин ее, всякий ход мысли есть: ни да, ни нет» (Флоренский, 2014, с. 103). Несмотря на это философия Канта, особенно неокантианства, оказала большое влияние на оттачивание логического инструментария, в частности, правового мышления, основных юридических понятий в их, так сказать, теоретической и методологической чистоте.

Природа, характер и место юридического неокантианства в русской литературе очень удачно, полно и точно проанализированы и обобщены в трудах Е.А. Фроловой, а оценки значения юристов-неокантианцев, данные ею, к примеру, о том, что они «подняли на новый теоретический уровень аксиологию (ценностный подход к личности) и деонтологию (в виде формального критерия построения правовых систем)» (Фролова, 2013, с. 4), совершенно справедливо могут быть применены к определению роли юридического неокантианства в зарубежной литературе.

Кант и историография политико-правовых учений

Историографическое значение кантовской философии для области политико-правовых знаний заключается в ряде существенных моментов: 1) водораздел между догматизмом и гносеологическим критицизмом в эволюции политико-правовой мысли, включая также вопросы научности философии права – «метафизика как наука», роль математики, форма как исключительно познаваемое, вслед за греческими философами; 2) влияние общественно-религиозного сознания на развитие политико-правовой мысли (протестантская философия по смыслу, сюжетам и аргументам), а значит реконструкция других путей, более древних по своим истокам – в русле неразделенного христианства, православия и инославных версий. Но не в смысле замены одного типа другим. Даже с чисто гносеологической точки зрения (то ли «*Consensus patrum*» – принцип «согласия отцов» в православии, то ли принцип догматического развития и учительства Церкви – у католиков, то ли просто субъективное мироощущение – у протестантов), это все фундаментально разные подходы к познанию вероисповедальных истин,

которые формировали веками образы культуры мышления, в том числе философии; 3) возможности построения «чистых» учений о праве. Еще при жизни Канта появилось невероятное множество различных «чистых» учений о праве и государстве. «Чистый» употреблялось в значении логико-гносеологическом. Почти полтора века спустя появилось «Чистое Учение о Праве»¹ австрийца Г. Кельзена. До него было создано множество самых разнообразных «чистых» учений о праве (Горбань, 2023). И для историографии политико-правовой мысли пока остается открытой разработка истории объемлющего количества «чистых» учений о праве и вариантов их интерпретации. Во французской литературе это название тоже было популярным, но употреблялось совсем в другом значении – в социологическом – «чистое право» (Picard, 1899); 4) Кант интересен, безусловно, с точки зрения его влияния на развитие психологических теорий права; 5) по набору сюжетов при разработке историографии прав человека: автономия личности, самоценность личности, разграничение свободы, трактовка свободы воли; соотношения права и нравственности – легальности и моральности поступков.

Для юридической науки, как ни странно, действительное значение имеют не столько размышления Канта о праве, высказанные прежде всего в его одной из последних работ «Метафизические начала учения о праве», а в целом его гносеология, изложенная в первую очередь в его «Критике чистого разума». Кант, как известно, преподавал все дисциплины, кроме права. В сочинении «О религии в пределах только разума» Кант рассуждает о том, как возможна на земле «победа доброго принципа над злым» или, что то же самое, об «основании царства божьего на земле» (Кант, 1994b). «Господство же доброго принципа, – как пишет Кант, – ... достижимо... только посредством создания и распространения общества, устроенного согласно законам добродетели...» (Кант, 1994b, с. 98). Моральный закон, по Канту, должен обращаться не только к каждому в отдельности, но и «обозначить сборный пункт для всех тех, кто любит добро, дабы объединиться под этим знаменем и таким образом впервые получить перевес над неустанно воинствующим злом» (Кант, 1994b, с. 98). Такое объединение людей будет называться «этически-гражданским» или «этическим общежитием». Однако для этого нужно государство или политическая общность, которая есть «юридически-гражданское общежитие» (Кант, 1994b, с. 98–99). Аналогичные по характеру размышления мы можем найти, например, у одного из основателей русской традиции политико-правовой мысли митрополита Илариона в пасхальной проповеди «Слово о Законе и Благодати» (Иларион, 1994).

¹ У Кельзена оно написано именно так, а именно все слова с большой буквы, как нечто религиозно-символическое. Дело в том, что и определение «чистое» автором пишется с большой буквы, что очень схоже с сопоставимой по времени тенденцией символизма в культуре. Поэтому, чтобы передать подлинный стиль автора и смысл, вкладываемый им в наименование своего учения, необходимо показать, что оно использовалось в названии и тексте именно в таком символическом ключе. Кроме того, Кельзен сам подчеркивал, что его авторской задумкой было создание такого учения об интерпретации права, которое было аналогично религиозной догматике.

Еще более глубокие и пока совершенно не изученные корни большой сквозной темы в истории политико-правовой мысли о роли внешнего приготовления, инициации и пр. ритуальных представлений об испытаниях, связанных с вхождением взрослого человека в состав общины, через суровые и принудительные испытания, мы найдем в народном фольклоре древнейших периодов истории (Пропп, 2021), мифологии, религиях, философских учениях.

Среди современников Канта предпринимались попытки написания учения о праве на основе критической кантовской философии еще до выхода в свет «Метафизических начал учения о праве» Канта. Это интересный научный историографический факт, который пока остается без должного внимания ученых. Не менее интересной выглядит попытка создания философского учения «нормального права» (Eschenmayer, 1819).

Кант в своих философских построениях – это глубоко религиозный философ, как бы ни хотели утверждать противоположное. Он просто не может быть другим. Иное мнение возможно было бы признать убедительным только в том случае, если протестантизм рассматривать не как религию, не как инославную версию христианства. В своей «Критике чистого разума» в качестве главных вопросов философии он сам называет: *о Боге, свободе и бессмертии* (Кант, 1994а, с. 44).

Автор одного из наиболее авторитетных и популярных в Германии современных изданий по философии права А. Кауфманн пишет, что в XIX в. философские учения немецких идеалистов или марксизм почти не оказали никакого существенного влияния на философию права и правоведение, за некоторыми небольшими исключениями (Kaufmann, Hassemer, Neumann, 2004, S. 70). Хотя при этом, называя Фихте, Шеллинга, гегельянство в целом, автор загадочным образом не упоминает Канта в основном по причине личной симпатии к творчеству протестантского философа. А вот «в современной философии, – пишет А. Кауфманн, – все удивительным образом изменилось; философы немецкого идеализма... все больше привлекают к себе внимание» (Kaufmann, Hassemer, Neumann, 2004, S. 70). Эта точка зрения весьма познавательна. Однако в полной мере с ней согласиться нельзя. На самом деле в трудах немецких юристов и философов права идеи философов-идеалистов проявлялись многообразно и способствовали возникновению теоретического каркаса того, что теперь понимается под собственно теорией права.

То, что содержит в себе протестантизм как форма общественно-религиозного сознания, уже безотносительно к его основным положениям (у Канта постулаты протестантизма, ставшие основой его учения, излагаются понятийным

Так что незамеченная ранее комментаторами и исследователями творчества Кельзена особенность написания названия его работы и употребления этого названия в оригинальных текстах заслуживает внимания для определения характера, содержания и места его взглядов в истории политико-правовой мысли. Как пример более традиционного и просто написания названия «чистое учение о праве» могут быть приведены многочисленные варианты сочинений с таким названием конца XVIII – начала XIX в. Это обстоятельство подчеркивает важность источниковедческих исследований.

философским языком (см. также: Васечко, 2024)), и является по существу тем моментом притягательности, который вызывал симпатии современников и потомков, а именно протест против догматики, ее инертности, избыточности авторитетных мнений и комментариев², господства логики, основанной на чистом силлогизме, схоластики, оторванной от жизни и субъективного мировосприятия. Все это в итоге привело самого Канта к идее автономии личности – в протестантизме это звучит следующим образом: личность сама себе есть церковь, а субъективное чувство личности, ее сознание представляет собой достаточный источник для богопознания и миропонимания.

П. Флоренский, критикуя Канта, дал ему такую характеристику: «единственная осмысленная реальность для него сам он, и поставление себя в безусловный центр мироздания» создает «два царства: царство субъективных истин и царство вне-истинных объективностей» (Флоренский, 2014, с. 104–105).

Однако, читая Канта, современники и потомки услышали призыв к индивидуальной свободе, автономии воли, освобождению сознания от инертного догматизма, не подвергающего сомнению способность познать мир исчерпывающим образом. Кант скорее оживил известный еще с античности субъективизм в философии и придал ему такую логическую форму, которая в конкретно-исторических условиях эпохи Просвещения, возвышения роли национальных языков и культур, совпадала с базовыми структурами общественного сознания.

Считая невозможным существование метафизики как науки только в виде догматизма, присущего и доктрине естественного права в том виде, в каком она сформировалась в XVII и XVIII вв., Кант своим критицизмом, утверждением, что метафизика как наука возможна только как догматика и критика (самой способности суждения), нанес, как пишут в немецкой литературе, «смертельный удар» по доктрине рационального естественного права (Kaufmann, Hassemer, Neumann, 2004, S. 56). А работу на земле доделала историческая школа права.

Философские представления Канта остаются и поныне привлекательными для научных исследований. Например, идея свободы, на которую опирается он в своих размышлениях, учитывая ее прямую связь с пониманием свободы (свободы воли) в протестантизме, отнюдь не исчерпывает ее понимание в различных традициях философии и с позиции общественно-религиозного сознания. Так, православие никогда не отрицало свободу воли, подчеркивая, что божественная воля не может реализоваться без соучастия самого человека. Яркий пример того, как фиксируется эта тема, демонстрирует русская литература (у Ф.М. Достоевского персонаж по фамилии Ставрогин в романе

² Г. Штефани, современник Канта, в своих комментариях по случаю издания Кантом своей работы «Метафизические начала учения о праве», заметил, что тот, кто отваживается теперь говорить о темах, о которых вещает глубокомысленный язык Канта, должен раз и навсегда отказаться от пристрастия к авторитетам и предаваться только вопросам истины (см.: Stephani, H. (1797). Anmerkungen zu Kants metaphysischen Anfangsgrunden: des Rechtslehre. Erlangen. In I. Kant, Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, Königsberg: F. Nicolovius).

«Бесы», у него же во вставной новелле «Великий инквизитор» в романе «Братья Карамазовы»³ целый трактат о свободе), которая предлагает даже самому отчаянному грешнику выбор пути спасения, правильного пути. И только сам человек принимает решение о выборе. В этом смысле русская литература в обсуждении свободы исходит из назидательно-поучительного разъяснения одной из основополагающих идей христианства в его ортодоксальной (православной) версии. Трактовка свободы в русской культуре и литературе – так называемое пространственное понимание свободы – отражена в трудах Д. С. Лихачева (Лихачев, 2022, с. 17). Она может быть раскрыта с точки зрения морфемной природы русского языка, выражающей совершенно определенный образ бытийно-лингвистической связи. Так, например, основываясь на природе английского аналитического языка, поступает Г. Харт, называя признаками права и свободного «открытого» правового мышления собственно признаки самого английского языка (Hart, 1970).

Большое влияние на всю последующую юридическую мысль оказало представление Канта о том, что подлинная наука подобна математике и что в каждой науке столько науки, сколько в ней математики. Отсюда следовало, что идея правовой формы, как единственно закономерной для познания, в отличие от непостоянной эмпирии, должна составлять настоящий предмет учения о праве, так как наиболее достоверной формальной наукой является математика. При этом эта форма права сводилась отныне к формам представлений о нем, формам логического описания, представления и осмысления права. До Канта, особенно в XVII в., крайне популярны учения о пантометрии, с помощью которой философы намеревались измерить математическими приемами весь мир (Спекторский, 1910).

Критицизм Канта, на наш взгляд, безусловно, является значимым этапом в развитии гносеологии, в том числе в сфере правопознания. Однако, он не может быть принят в кантовской трактовке, которая не учитывает другие важные аспекты развития философии права и ее эвристические возможности. Он скорее интересен как общий принцип, как насущное требование, что догматизм должен непременно сопровождаться адекватной, критически оцениваемой и верифицируемой программой изучения познавательных приемов и средств, что попытки исчерпывающим образом объяснить основные вопросы философии, отреагировать на животрепещущие заботы настоящего времени и спрогнозировать правовой образ будущего всегда оказываются скромнее, чем реальная жизненная практика во всем ее разнообразии.

Кант явно не хотел отменить достоверность в науке своей ссылкой на агностицизм и необходимость чистой гносеологии. Они должны были дополнить догматику, а не заменить ее, побороть инертность догматизма, связанного прежде всего с католицизмом и господствовавшей со Средневековья схоластикой. Рационализм сам не мог преодолеть ее логические ограничения. Однако уже возникшее в тесной связи с неокантианством новое прочтение чистого учения о праве (популярное и расхожее название ориентированных на философию Канта

³ Достоевский, Ф.М. (2019). Братья Карамазовы. Санкт-Петербург: Азбука. С. 262–282.

работ немецких ученых конца XVIII – начала XIX в.) в работах Г. Кельзена из-за «бесцельного должного» и якобы «чистых» форм интерпретации права небезосновательно характеризовалось прежде всего известными немецкими правоведами, в том числе Г. Кленнером, А. Кауфманном, как «правовая пустота» (Klenner 1972; Kaufmann, Hassemer, Neumann, 2004, S. 126).

Следует предположить, и для этого есть все основания, что кантовское требование сочетания догматизма с критицизмом может быть дополнено еще и здравомысленным историзмом. Д. С. Лихачев отмечал: «... человек – существо нравственно оседлое, даже и тот, кто был кочевником, для него тоже существовала “оседлость” в просторах его привольных кочевий. Только безнравственный человек не обладает оседлостью и способен убивать оседлость в других» (Лихачев, 2022, с. 92). Кантовская философия не есть учение вне культуры. Оно у Канта предполагает существование определенной культуры, системы нравственности, причем определенной общественно-религиозным сознанием, языком и др., о чем, собственно говоря, напрямую пишет сам немецкий философ. Его размышления и идеи могут способствовать совершенству.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. (1989). *Философия свободы*. Москва: Правда.
2. Васечко, В. Ю. (2024). Кант и Библия: Священное Писание как объект национально-критической рефлексии. *Антиномии*, 24(1), 7–25. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_7
3. Вернадский, В. И. (1991). *Научная мысль как планетное явление*. Москва: Наука.
4. Горбань, В. С. (2023). «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки. *Журнал российского права*, 27(12), 68–84. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.139>
5. Иларион, митр. Киевский (1994). *Слово о Законе и Благодати*. Москва: ПИФ «Столица».
6. Ильин, И. А. (2006). *Общее учение о праве и государстве*. Москва: АСТ: Хранитель.
7. Кант, И. (1994а). *Собрание сочинений в восьми томах* (Т. 3). Москва: Чоро.
8. Кант, И. (1994б). *Собрание сочинений в восьми томах* (Т. 6). Москва: Чоро.
9. Лихачев, Д. С. (2022). *Русская культура*. Москва: Иллюминатор.
10. Пропп, В. Я. (2021). *Исторические корни волшебной сказки*. Санкт-Петербург: Азбука.
11. Спекторский, Е. В. (1910). *Проблема социальной физики в XVII столетии* (Т. 1). Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа.
12. Флоренский, П. А. (2014). *Философия культа: (опыт православной*

антроподицеи). Москва: Академ. проект.

13. Франк, С. (1909). Предисловие. В Э. Гуссерль, *Логические исследования* (Ч. 1). Санкт-Петербург: Образование.
14. Фролова, Е.А. (2013). *Неокантианство в русской философии права во второй половине XIX–первой половине XX века* [Дис. ... д-ра юрид. наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (юридический факультет)]. Российская государственная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005537346/
15. Шершеневич, Г.Ф. (2001). *История философии права*. Санкт-Петербург: Лань и др.
16. Шпет, Г.Г. (2011). *История как проблема логики: критические и методологические исследования* (3-е изд.). Москва: URSS.
17. Eschenmayer, C.A. (1819). *Normal-Recht*. Stuttgart [u.a.]: Cotta.
18. Hart, H. (1970). *The concept of law*. Oxford: Clarendon Press.
19. Jhering, R. (1852). *Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung* (Erster Teil). Leipzig.
20. Jhering, R. (1889). *Der Besitzwille: zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode*. Jena: Fischer.
21. Kaufmann, A., Hassemer, W., & Neumann, U. (Hrsg.) (2004). *Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart* (7., neu bearb. und erw. Aufl.). Heidelberg: Müller.
22. Klenner, H. (1972). *Rechtsleere – Verurteilung der reinen Rechtslehre. Frankfurt am Main: Verl. Marxistische Blätter.*
23. Lauener, H. (1969). *Hume und Kant: systematische Gegenüberstellung einiger Hauptpunkte ihrer Lehren*. Bern [u.a.]: Francke.
24. Picard, E. (1899). *Le droit pur*. Bruxelles: Veuve F. Larcier; Paris: Alcan.

References

1. Berdyaev, N.A. (1989). *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow: Pravda.
2. Eschenmayer, C.A. (1819). *Normal-Recht* [Normal-Right]. Stuttgart [et al.]: Cotta.
3. Florensky, P.A. (2014). *Filosofiya kul'ta: (opyt pravoslavnoy antropoditsej)* [Philosophy of Cult: (the Experience of Orthodox Anthropodicy)]. Moscow: Akadem. proekt.
4. Frank, S. (1909). Predislovie [Preface]. In E. Gusserl', *Logicheskie issledovaniya* (Pt. 1). St. Petersburg: Obrazovanie.
5. Frolova, E.A. (2013). *Neokantianstvo v russkoy filosofii prava vo vtoroy polovine XIX – pervoy polovine XX veka* [Neo-Kantianism in the Russian Philosophy of Law in the Second Half of the XIX – First Half of the XX Century] [Dissertation, Lomonosov Moscow State University]. Russian State Library. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005537346/

6. Gorban, V.S. (2023). “Chistye” ucheniya o prave: ikh mnogoobrazie v istorii pravovoy mysli i vliyaniye na kharakter sovremennoy yuridicheskoy nauki [The “Pure” Doctrines of Law: Their Diversity in the History of Legal Thought and Their Influence on the Nature of Modern Legal Science]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 27(12), 68–84. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.139>
7. Hart, H. (1970). *The concept of law*. Oxford: Clarendon Press.
8. Hilarion, Metropolitan of Kiev (1994). *Slovo o Zakone i Blagodati* [The Word about Law and Grace]. Moscow: PIF “Stolitsa”.
9. Ilyin, I.A. (2006). *Obshchee uchenie o prave i gosudarstve* [The General Doctrine of Law and the State]. Moscow: AST: Khranitel’.
10. Jhering, R. (1852). *Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung* (Erster Teil) [The Spirit of Roman Law at the Various Stages of its Development (Pt. 1)]. Leipzig.
11. Jhering, R. (1889). *Der Besitzwille: zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode* [The Will to Possess: at the Same Time a Critique of the Prevailing Legal Method]. Jena: Fischer.
12. Kant, I. (1994). *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* (T. 3) [Collected Works in Eight Volumes (Vol. 3)]. Moscow: Choro.
13. Kant, I. (1994). *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* (T. 6) [Collected Works in Eight Volumes (Vol. 6)]. Moscow: Choro.
14. Kaufmann, A., Hassemer, W., & Neumann, U. (Eds.) (2004). *Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtslehre der Gegenwart* (7., neu bearb. und erw. Aufl.) [Introduction to Legal Philosophy and Legal Theory of the Present (7th ed., rev. and augm.)]. Heidelberg: Müller.
15. Klenner, H. (1972). *Rechtsleere – Verurteilung der reinen Rechtslehre* [Lawless – Condemnation of Pure Legal Doctrine]. Frankfurt am Main: Verl. Marxistische Blätter.
16. Lauener, H. (1969). *Hume und Kant: systematische Gegenüberstellung einiger Hauptpunkte ihrer Lehren* [Hume and Kant: a Systematic Comparison of Some of the Main Points of Their Teachings]. Bern [et al.]: Francke.
17. Likhachev, D.S. (2022). *Russkaya kul'tura* [Russian Culture], Moscow: Illyuminator.
18. Picard, E. (1899). *Le droit pur* [Pure Law]. Bruxelles: Veuve F. Larcier; Paris: Alcan.
19. Propp, V. Ya. (2021). *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Historical Roots of a Fairy Tale]. St. Petersburg: Azbuka.
20. Shershenevich, G.F. (2001). *Istoriya filosofii prava* [History of Philosophy of Law]. St. Petersburg: Lan’ i dr.
21. Shpet, G.G. (2011). *Istoriya kak problema logiki: kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya* (3-e izd.) [History as a Problem of Logic (3rd ed.)]. Moscow: URSS.
22. Spectorsky, E.V. (1910). *Problema sotsial'noy fiziki v XVII stoletii* (T. 1) [The Problem of Social Physics in the XVII Century (Vol. 1)]. Warsaw: Tip. Varshav. ucheb. okruga.

23. Vasechko, V. Yu. (2024). *Kant i Bibliya: Svyashchennoe Pisanie kak ob'ekt natsional'no-kriticheskoy refleksii* [Kant and the Bible: Holy Scripture as an Object of Rational and Critical Reflection]. *Antinomii*, 24(1), 7–25. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_7

24. Vernadsky, V.I. (1991). *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе

Владимир Сергеевич Горбань, доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8054-2605>, e-mail: gorbanv@gmail.com

Information about the author

Vladimir S. Gorban, Doctor of Law (habil.), Head of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8054-2605>, e-mail: gorbanv@gmail.com

---

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ: АНАЛИЗ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Сергей Владимирович Володенков,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Получена 02.10.2024.

Поступила после рецензирования 20.11.2024.

Принята к публикации 11.12.2024.

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н. Суверенизация цифровых общественно-политических коммуникаций: анализ академического дискурса // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 26–47. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_26

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., 2024

Аннотация

В условиях кризиса однополярного порядка и возросшей в связи с этим геополитической турбулентности на фоне одновременно происходящих в мире глобальных цифровых технологических трансформаций актуализируются процессы формирования, усиления и защиты нового типа государственного суверенитета – цифрового. Такие процессы создают запрос на активизацию академического дискурса и проведение дополнительных исследований в сфере существующих предпосылок, препятствий, экономических, политических и ценностно-цивилизационных особенностей трансформации существующих и формирования новых суверенных моделей цифровых общественно-политических коммуникаций, обеспечивающих реализацию национальных интересов. В связи с целью настоящей работы стало выявление специфики современного академического дискурса, посвященного проблеме суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций. Методологическая оптика критического дискурс-анализа научных работ была в основном сфокусирована на двух исследовательских критериях: (1) поиске существующих теоретических попыток объяснения причин суверенизации цифровых коммуникаций и (2) выявлении условных складывающихся моделей суверенизации цифровых коммуникаций. В ходе исследования был выявлен рост популярности в современном академическом дискурсе категорий цифрового суверенитета, кибербезопасности, суверенитета данных, цифровых границ, цифровой балканизации. По итогам работы делается вывод о том, что теории цифрового колониализма, колониализма данных, платформенного империализма и вепонизации Интернета не противоречат друг другу, но, напротив, дополняют существующую научную картину происходящих трансформаций в цифровом пространстве. Вместе с тем сопоставление существующих теоретических концептов позволило обнаружить их содержательные различия. Также по итогам проведенного анализа академических исследований был выявлен спектр формирующихся моделей суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций, появление и развитие которых во многом было обусловлено несогласием ряда государств с господством американоцентричной глобальной модели управления цифровым пространством. По итогам исследования авторы делают вывод о необходимости формирования российской модели суверенизации цифровых коммуникаций, формулируя ее ключевые характеристики, определяющие ее уникальность в сравнении со складывающимися аналогичными моделями в других странах и регионах мира.

Ключевые слова:

цифровой суверенитет, цифровые общественно-политические коммуникации, цифровая колонизация, платформенный империализм, суверенизация коммуникаций

Источники финансирования:

исследование выполнено в рамках проекта «FZNF-2024–0006 – Суверенная модель стратегического развития цифровых общественно-политических коммуникаций в современной России: ключевые потенциалы и сценарии формирования» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

UDC 32.019.5

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_4_26

SOVEREIGNIZATION OF DIGITAL COMMUNICATIONS IN THE SOCIO-POLITICAL SPHERE: AN ANALYSIS OF ACADEMIC DISCOURSE

Sergey V. Volodenkov,

State Academic University of Humanities,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
s.v.cyber@gmail.com

Sergey N. Fedorchenko,

State Academic University of Humanities,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Received 02.10.2024.

Revised 20.11.2024.

Accepted 11.12.2024.

For citation: Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N. (2024). Sovereignization of Digital Communications in the Socio-Political Sphere: An Analysis of Academic Discourse. *Discourse-P*, 21(4), 26–47. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_26

Abstract

Amid the crisis of the unipolar order and the ensuing geopolitical turbulence, which are further intensified by global digital technological transformations, the establishment, reinforcement, and protection of a new form of state sovereignty – digital sovereignty – has become increasingly pertinent. This situation necessitates further academic research into the existing prerequisites, obstacles, challenges, as well as the civilizational characteristics influencing the transformation of current sovereignty models. It also requires development of new sovereign frameworks for digital communications in the socio-political sphere that would effectively safeguard national interests. This study aims to identify the specifics of contemporary academic discourse surrounding the issue of sovereignization in terms of digital communication in the socio-political context. Employing a methodological framework of critical discourse analysis, the research focuses on two primary criteria: (1) exploring theoretical frameworks that explain the motivations behind the sovereignization of digital communications, and (2) identifying sovereignization models that emerge these days in relation to digital communication. The findings indicate a rising emphasis on such concepts as *digital sovereignty*, *cybersecurity*, *data sovereignty*, *digital borders*, and *digital balkanization* within current academic discussions. The study concludes that the theories of digital colonialism, data colonialism, platform imperialism, and the weaponization of the Internet are not mutually exclusive; rather they complement the existing scholarly understanding of the ongoing transformations in the digital realm. A comparative analysis of these concepts and theories reveals nuanced distinctions between them. Furthermore, the examination of academic literature has uncovered a range of emerging sovereignization models of digital communications in the socio-political sphere, largely driven by the discontent of various states with the prevailing US-centric global governance in the digital realm. Consequently, the authors advocate for the development of a Russian sovereignization model of digital communication, outlining its key characteristics that distinguish it from similar emerging models in other countries and regions of the world.

Keywords:

digital sovereignty, digital communications, sovereignization, socio-political sphere, digital colonization, platform imperialism, sovereignization models of digital communications

Funding:

The study was conducted as part of the project “FZNF-2024-0006 – Sovereign Model of Strategic Development of Digital Socio-Political Communications in Contemporary Russia: Key Potentials and Formation Scenarios”. The project received financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

Введение

Развитие глобальных технологических корпораций, рост их цифровых экосистем, претензии цифровых платформ на роль нового социального клея в условиях кризиса прежнего однополярного порядка, возросшей геополитической турбулентности и вызванного ею увеличения интенсивности информационных войн между странами определили вызовы для формирования, усиления и защиты нового типа суверенитета государства – цифрового. Такие вызовы создают запрос на активизацию академического дискурса и проведение дополнительных исследований в сфере существующих предпосылок, препятствий, экономических, политических и ценностно-цивилизационных особенностей для трансформации различных моделей цифровых общественно-политических коммуникаций.

Следует подчеркнуть, что под общественно-политическими коммуникациями мы понимаем совокупность базовых коммуникативных площадок, каналов, арен взаимодействия общества, государства и человека по различным вопросам экономики, политики, культуры.

Особую стратегическую значимость таким коммуникациям придает их цифровой характер, определяющийся в связанности с цифровыми стандартами, алгоритмами, программным обеспечением, выпускаемыми конкретными разработчиками. Безусловно, базовую нагрузку в анализе цифровых общественно-политических коммуникаций должен нести Интернет, однако не стоит забывать и о связанных с ним платформах, веб-приложениях, Интернете вещей, нейронных сетях и разнообразных «сквозных технологиях», из которых может быть соткана метавселенная, дополненная реальность и другие цифровые экосистемы.

При этом общественно-политический спектр коммуникационного пространства выбран нами не случайно. Степень зависимости государства от технологических корпоративных гигантов, не являющихся его резидентами, влияет на уровень объективных угроз для выстраиваемой им системы обратной связи с обществом, без которой государственные служащие не могут объективно определить контур актуальных проблем граждан. Последние, в свою очередь, лишаются полноценной возможности своевременно сообщать о таких проблемах государству. В результате санкций, иницируемых и вводящихся технологическими корпорациями в интересах враждебных государств, страна может столкнуться со снижением собственной информационной безопасности, ухудшением качества коммуникации между гражданами, регулярными нарушениями конфиденциальности их данных. Определенные риски не стоит исключать и в плане навязывания искаженных, ложных моделей существующей политической реальности, генерируемых транснациональными корпорациями по договоренности с заказчиком и чреватых возникновением новых конфликтных ситуаций, конфликтов в области межнациональных, политических, социальных или межрелигиозных отношений.

Существование такого рода особенностей, рисков и трендов определяет в качестве цели настоящей работы выявление специфики современного академического дискурса, посвященного проблеме суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций.

Краткий обзор научной литературы

Обращаясь к обзору академической литературы по выбранной проблематике, для начала важно рассмотреть само явление суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций. Как отмечает российский политолог А. М. Ваховский, такая суверенизация подразумевает аспекты регулирования глобальной компьютерной сети в условиях санкций и угроз отключения государства от возможностей и ресурсов Интернета (Ваховский, 2019, с. 12). Согласно такой позиции, можно разделять внутреннюю и внешнюю суверенизацию цифровых коммуникаций. Если внутренняя суверенизация в большей мере сосредоточена на развитии и обретении независимости национального коммуникационного сегмента государства от внешних акторов, то внешняя суверенизация, как правило, обусловлена ответами на дополнительные вызовы со стороны иных государств. Такой подход позволяет изучать суверенизацию коммуникаций в качестве ответа на вызов десуверенизации.

Суверенизация цифровых общественно-политических коммуникаций означает достижение важных качественных показателей государства в сфере киберпространства. Сначала в отечественной политической науке не обращались к цифровому суверенитету, предпочитая говорить о коммуникационном суверенитете. При этом подобные термины часто бывают схожи по своей сути, касаясь одних и тех же явлений, процессов, феноменов. Так, И. Н. Панарин под коммуникационным суверенитетом России понимал не только защищенность личности, государства, общества от коммуникационной агрессии, но и «состояние безопасности коммуникационного пространства страны». Примечательно, что в коммуникационный суверенитет Панарин включает духовный суверенитет, информационный суверенитет (доминирование в информационном поле страны позитивного контента о национальных ценностях, героях, истории), а также киберсуверенитет (кибербезопасность страны) (Панарин, 2013, с. 13). Вместе с тем, категория цифрового суверенитета, все чаще встречаясь в современных отечественных политологических трудах, вовсе не отменяет термин коммуникационный суверенитет, а, скорее, дополняет его, учитывая фактор технологических конфликтов между политически мотивированными корпоративными техногигантами (Ромашкина, Киричук, 2023, с. 853). В зарубежной политической науке не существует однозначного ответа на то, что такое цифровой суверенитет. Хотя трехлетнее исследование на базе Лундского университета показало, что цифровой суверенитет связан с инициативой государственных служащих, недовольством их в существующем наборе цифровых артефактов, веб-приложений, а не только с желанием государства контролировать данные и разработку программного обеспечения (Paulsson, Fred, 2024).

Ярким проявлением суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций выступает зарождение в киберпространстве так называемых «цифровых границ» (Zhang, Morris, 2023). Скорее, это можно считать не причинами, а последствиями суверенизации. К этому феномену авторы серьезно стали обращаться сравнительно недавно, отталкиваясь от кейса КНР,

в котором пользователи разделяют контент, распространяемый внутри границ китайской коммуникационной сферы (neiwang), и контент, циркулирующий за ее пределами (waiwang). Между тем эта тема только на первый взгляд может показаться совершенно новой: ранее до нее уже появились осторожные размышления (Weichselbaum et al., 2016) по поводу эффекта цифровой балканизации или кибербалканизации (cyberbalkanization), понимаемой в виде событий, способствующих фрагментации не только Интернета, но и любой коммуникационной деятельности в цифровом пространстве. Изначально такая балканизация объяснялась ростом интернет-пользователей за пределами Соединенных Штатов. Другие авторы (Rinesi, 2018), допуская употребление такой неоднозначной категории, использовали для описания происходящей фрагментации киберпространства термин «выравнивание» (alignment). Это означало, что государства не столько пытались создать собственный локальный Интернет, сколько начать играть более активную роль в управлении цифровыми общественно-политическими коммуникациями.

На первый взгляд проблему суверенизации цифровых общественно-политических коммуникации можно и нужно рассматривать через призму суверенитета данных (data sovereignty), так как явление Big Data больше связано именно с цифровыми, а не традиционными коммуникационными каналами. По оценке исследователей из Университета Эрлангена – Нюрнберга, дискуссия вокруг суверенитета данных сосредоточена вокруг аспектов власти над данными и проектирования IT-архитектуры (Hummel et al., 2021). Научные труды других авторов показывают, что суверенитет данных невозможен без суверенитета платформ, концепт которых также начал сравнительно недавно разрабатываться в связи с попытками корпоративных техногигантов (особенно американских Google, Apple, Amazon и др.) полностью контролировать собственные цифровые инфраструктуры, используя практику властных отношений, повторения, создания иллюзии выбора для граждан. Отмечаемая демонстрация платформами своего технического превосходства над правительствами, возможно, является одной из причин актуализации темы цифрового суверенитета в разных государствах (Heuvel, 2023). Различные причины суверенизации цифровых коммуникаций (информационная политика США и их геополитических союзников, политизация деятельности технологических корпораций, риски санкций) позволили начать говорить некоторым ученым об ответной реакции – зарождении моделей суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций (Еко, 2001).

Итак, краткий обзор научных работ показывает, что наиболее важные аспекты выбранной для анализа темы касаются причин суверенизации и ее последствий, а также проявлений суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций. Отталкиваясь от этой стартовой дихотомии, методологическая оптика критического дискурс-анализа научных работ была в основном сфокусирована на двух исследовательских критериях: (1) поиске существующих теоретических попыток объяснения причин суверенизации цифровых коммуникаций и (2) выявлении условных складывающихся моделей суверенизации цифровых коммуникаций.

Попытки объяснения причин цифровой суверенизации

Крах биполярной системы международных отношений и возникновение периода однополярного мирового порядка с ключевой геополитической ролью Соединенных Штатов создали условия для неолиберальной экономической и цифровой глобализации, в процессе которой сформировалась модель многостороннего управления глобальными цифровыми коммуникациями на основе международных организаций. Данный глобальный порядок отвергал создание государственных альтернативных моделей в виде национальных сегментов суверенного киберпространства (Barrinha, Christou, 2022). Тем не менее, продвижение одной американоцентричной глобальной модели управления киберсредой не остановило другие государства от попыток разработки иных принципов цифровых коммуникационных экосистем, отвечающих их политическим интересам. Критическое отношение формировалось и в отношении созданной при участии американского правительства корпорации ICANN, ответственной за управление IP-адресами и доменными именами. Свою роль сыграли и разоблачения Эдварда Сноудена, экономические противоречия стран.

Одной из причин суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций выступает цифровая колонизация, соответственно, появилась целая *теория цифрового колониализма*, которая пытается объяснить этот тренд. На примере Канады имеются свидетельства, что цифровые корпорации способны разрушать саму социальную ткань, традиционные ценности и нормы общественной коммуникации (Young, 2019). Крупнейший специалист в области исследования проблем цифровой колонизации, сотрудник Йельского университета М. Квет полагает, что в современное время появились три формы новой цифровой власти, связанные с контролем над сетевым подключением, оборудованием и программным обеспечением (Kwet, 2019, p. 6). Контроль над сетевым подключением включает совокупность стандартов, протоколов, отношение интернет-провайдеров к контенту, трафику, проходящему через поддерживаемые ими коммуникации (например, встречается практика замедления подключения до минимальных значений). Если пользователи не могут изменить код, а предоставляемый интерфейс разрабатывается на стороннем оборудовании (компьютерах, облачных сервисах корпорации, где осуществляются вычисления), то мы сталкиваемся с рисками и угрозами контроля над оборудованием (аппаратным обеспечением). В случае если инструкциями ограничивается пользовательский опыт, посредством программ определяются правила публикационной политики, то можно говорить о контроле над программным обеспечением.

Квет подчеркивает, что цифровая колонизация осуществляется в режиме капитализма слежения, реализуемого крупными технологическими корпорациями (big tech), которые наделяют США в странах глобального Юга большой политической, социальной и экономической властью (имперским государственным надзором) через практики этих видов цифрового контроля. Ученый считает, что цифровые формы контроля являются результатом эволюции прежней модели вмешательства американских властей в политику Южной

Африки (практики наблюдения за работой шахтеров в XIX в., использование перфокарт IBM для создания системы апартеида по четырем расовым категориям в XX в.) (Kwet, 2019, p. 13). Другие же исследования позволяют изучать такие цифровые процессы не только с точки зрения цифровой колонизации, односторонней информационной активности и агрессии Соединенных Штатов, но и посмотреть на эту проблему через призму американо-китайского соперничества, проявляющегося в возникновении двух конкурирующих цифровых пространств, специфических форм государственного платформенного капитализма, разных типов взаимодействия государства и технологических корпораций (Rolf, Schindler, 2023). Данное обстоятельство вызывает необходимость рассмотреть дополнительные доказательства существования цифрового колониализма.

Примечательно, что некоторые исследования по перспективам деколонизации цифровых коммуникаций, по сути, выходят на проблемный фон суверенизации. Например, М. Манн (Университет Виктории в Веллингтоне) и А. Дэйли (Университет Данди) в своей довольно интересной работе утверждают, что современная Австралия, являясь страной Глобального Севера в регионе Глобального Юга (Global-North-in-South), осуществляет типичные практики цифрового колониализма и информационного империализма в отношении иных государств, входя в разведывательный альянс Five Eyes (вместе с США, Великобританией, Новой Зеландией и Канадой) и собирая для него информацию о странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Манн и Дэйли считают, что примером цифровых колониальных практик Австралии можно считать установление подслушивающих устройств в новом суверенном государстве Тиморе-Лешти (Mann, Daly, 2019). Как можно заметить, в рамках теории цифрового колониализма часто в качестве основных бенефициаров таких форм технологического контроля рассматриваются политически и экономически влиятельные государства.

Еще одной причиной суверенизации общественно-политических коммуникаций, как ответной реакции некоторых государств, можно назвать датификацию, глубокие трансформации самого капитализма, которые привели к возникновению капитализма слежения (или капитализма платформ). Одним из проявлений таких метаморфоз ученые называют зарождение рыночного сектора социальной квантификации, состоящего из крупных и мелких разработчиков программного обеспечения и производителей оборудования, связанного с анализом больших данных и брокерской активностью. На деле практически нерегулируемый рынок брокеров данных занимается алгоритмическим сбором данных, их упаковкой и продажей (рекламодателям, правительствам). Существование такого сектора пытаются объяснить с помощью *теории колониализма данных* (Couldry, Mejias, 2018), согласно которой на эволюцию исторических форм колониализма и капитализма нужно смотреть в совокупности. Колониализм данных меняет само общество, переводя социальные отношения на уровень отношений данных, преобразуя любую деятельность человека в новую абстрактную форму для бесконечного присвоения данных крупными корпорациями и их цифровыми платформами, что, безусловно, представляет непосредственную угрозу для цифрового суверенитета страны.

Теория колониализма данных выступает против тотальной датификации и схожа с теорией цифровой колонизации, но в основном сосредоточена на корпоративной угрозе и секторе социальной квантификации.

Однако теория колониализма данных поддерживается не всеми учеными. Так, С. Кальцати из Делфтского технического университета критикует ее за гиперболизацию процесса датификации, «универсализм данных», недостаточную аргументацию выделения особых, противостоящих друг другу колониальных держав данных (к примеру, США и КНР), излишнее отождествление пользователей с пассивными субъектами данных (Calzati, 2020, p. 5–12). Кальцати считает, что ситуация является намного более сложной, предлагая в качестве альтернативы модель «федеративных систем данных» для изучения активности консорциумов, в которых субъекты заимствуют и обрабатывают данные из общей сети (к примеру, формируется сложное переплетение интересов западных, китайских и африканских корпораций). Автор обращает внимание на то, что китайские корпорации участвуют в сложных системах, консорциумах, контролирующей интернет-структуру, состоящую из подводных кабелей, автономных систем, сетей доставки контента, тогда как американские корпорации в основном сконцентрировались на контроле программного обеспечения и интернет-сервисов. В то же время модель Кальцати не отрицает саму возможность внешнего влияния на цифровые общественно-политические коммуникации суверенной страны. Не исключено, что те государства (африканские, латиноамериканские, постсоветские, южноазиатские и др.), которые не могут себе позволить выбрать стратегию суверенизации цифровых коммуникаций (как Китай, США и Россия), вынуждены участвовать своими корпорациями в таких сложных консорциумах, чтобы не допустить доминирования в своем сегменте киберпространства какой-либо одной страны и ее технологических гигантов.

Риски десуверенизации современных государств также просчитываются рядом ученых в рамках *теории платформенного империализма*, одним из авторов которой является ученый Университета Саймона Фрезера Д. Джин (Jin, 2013). С. Баннерман из Макмастерского университета описывает ряд признаков, которые сближают эту концептуальную модель с теорией цифрового колониализма и теорией колониализма данных. Но в качестве специфики она отмечает, что теоретическая рамка платформенного империализма пытается объяснить, каким образом платформы (суверены платформ) наделяются полномочиями государств, а государства, наоборот, наделяются полномочиями платформ. Порядок платформенного империализма складывается не только на базе цифровых технологий, но и на основе глобальной системы интеллектуальной собственности, защищающей эти технологии с помощью патентного права. Платформенный империализм угрожает традиционному суверенитету государств, так как, с одной стороны, использует международные структуры власти, а, с другой стороны, пользуется принципами диффамации, практикуемой в период существования администрации Британской империи и запрещающей абсолютно любую критику колониальных практик (Bannerman, 2024). Теоретическая схема

платформенного империализма исходит из того, что цифровые платформы, так же как и государства, пытаются контролировать посредством властных приемов население, территории и общественно-политические коммуникации.

Справедливости ради стоит заметить, что ничего принципиально нового в идее осмысления такой формы империализма нет. Предшественницей данной теории является концепция медиа-империализма (медиатизированного империализма) О. Бойд-Барретта, оттолкнувшегося от трудов Г. Инниса, К. Бейли, Г. Шиллера, Э. Хермана, Н. Хомского, А. Маккоя и раскрывшего в своей монографии, каким образом крупные медиа-конгломераты могут становиться агентами империалистической деятельности (Бойд-Барретт, 2018, с. 29, 99–101). Бойд-Барретт также отметил зарождающиеся тренды сопротивления такой форме империализма на примере активизации российских, китайских, арабских и других национальных информационных агентств. Однако модель медиа-империализма хотя и пыталась связать действия медиа-олигополий с политическими интересами США и их западных союзников, практически обходила стороной феномен цифрового капитализма и рост значимости алгоритмов платформ, искусственного интеллекта.

В последнее время перспективной концепцией становится *вепонизация Интернета*. Вепонизация (от *weapon* – оружие, *weaponization* – оснащение оружием) в данном смысле означает использование в конфликтных, военных целях сфер, изначально не предназначенных для этого, внедрение в практику противоборства новейших типов информационного оружия, в том числе и на основе искусственного интеллекта, превращение пространств цифровых общественно-политических коммуникаций суверенных государств в арену геополитических войн нового типа. Согласно концепции вепонизации цифровых коммуникаций, сокращение пользовательской базы Соединенных Штатов относительно интернет-пользователей в других странах, неспособность США утвердить односторонний контроль над цифровыми коммуникациями в мире, сложность их централизации привели к тому, что американские власти изменили свою киберстратегию и стали добиваться сокращения доступа стран-противников к критически значимой интернет-инфраструктуре посредством односторонних киберсанкций и блокировок со стороны крупных технологических корпораций (Ortiz Freuler, 2023). В рамках такой цифровой вепонизации американские власти устанавливают режим массивированной слежки по всему миру, стремясь уже не подчинять своим интересам все мировые коммуникации, а способствовать расколу мирового киберпространства и одновременному формированию новой глобальной цифровой топографии из контролируемых ими пространств из цифровых узлов в зависимых государствах и блокируемых пространств из цифровых узлов стран-изгоев (Ирана, Китая, России и др.).

В результате проводимая Соединенными Штатами вепонизация киберпространства провоцирует в качестве ответной меры суверенизацию общественно-политических коммуникаций в разных странах. Однако необходимо заметить, что теоретическая схема вепонизации Интернета нуждается в более серьезной концептуальной проработке, тем более что факты

ведения алгоритмических войн, применения киберармий, информационного оружия, хакерских атак в политических целях существуют и требуют своего дальнейшего теоретического осмысления.

И здесь нам представляется необходимым перейти от теоретического осмысления к рассмотрению и анализу формирующихся сегодня моделей суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций, являющихся ответной реакцией государств на сложившиеся в настоящее время обстоятельства.

Намечающиеся модели цифровой суверенизации

Анализ научной литературы демонстрирует, что в мире складывается несколько условных моделей суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций. К примеру, в ответ на вызовы десуверенизации, связанные с цифровой колонизацией, платформенным империализмом и вепонизацией Интернета уже развивается отдельная *китайская модель* цифровой суверенизации. Китайская модель предполагает, с одной стороны, регулирование национального рынка цифровых коммуникаций и, с другой стороны, постепенное проникновение собственных крупных технологических корпораций на внешние рынки других стран. При этом регуляция общественно-политических коммуникаций обладает многоуровневым и комплексным характером. Речь идет о фильтрации информации посредством программного обеспечения, функционировании ответственных цензоров, системы наказания и наблюдения за потребителями и поставщиками контента с целью сохранения контроля государства за цифровыми коммуникациями и предупреждения негативного влияния информации на граждан. Интернет-шлюзы, созданные для контроля трафика информации, разделены на несколько уровней (Мельникова, 2022): локальный (коммуникационная система городов), основной (Сиань, Нанкин, Шэньян, Чанчжоу, Ухань, Чунцин, Чунцин) и национальный (Пекин, Гуанчжоу, Шанхай, подключенные к международным каналам). Но КНР не только сосредотачивается на внутренней регуляции киберпространства. Поддерживаемые властями крупные китайские технологические корпорации (например, Huawei, ZTE Corporation и др.) активно продвигают новые цифровые технологии в других государствах. Поэтому этот подход в научной литературе иногда называется моделью «развития двойной циркуляции» (Vecerra, Waisbord, 2021).

Существует мнение, что цифровой суверенитет важен и для институционализации кибервласти партии-государства. В некоторых работах (Vecerra, Waisbord, 2021) на этом основании делают вывод о существовании в Китае, Иране и России некой схожей модели кибернационализма (cybernationalism), ставшей преемницей модели медианационализма (media nationalism) – государственной политики контроля над международными медиа XX в. Но такой тезис приравнивания кибернационализма к цифровой суверенизации весьма спорен, так как, во-первых, не учитывает политическую, цивилизационную, экономическую специфику цифровых коммуникаций трех стран,

во-вторых, соотносится с некими нелиберальными попытками восстановления суверенитета, одновременно не поясняя суть либеральных попыток суверенизации цифровых коммуникаций, и, в третьих, замалчивает роль в цифровой колонизации (Kwet, 2019) крупных западных технологических корпораций, ставших, по сути, проводниками политических и экономических интересов Соединенных Штатов и их союзников. Корректнее сказать, что китайское правительство заинтересовано в существовании альтернативных западным социальным сетям (WeChat, Weibo).

Китайские цифровые коммуникации действительно обретают признаки террриторизации и цифровых границ, будучи зависимыми от национальной физической инфраструктуры и правовых практик (Zhang, Morris, 2023). Между тем Закон о кибербезопасности КНР, опубликованный в 2016 г., по мнению некоторых авторов, оговаривая китайскую власть над внутренней киберактивностью пользователей и трансграничными потоками данных, может спровоцировать ответные действия со стороны других стран. Конечно, китайская модель предусматривает проверку критически значимых сетевых услуг и продуктов, выпуск стандартов кибербезопасности, но некоторые стандарты местные власти вынуждены раскрывать ВТО, чтобы избежать негативной реакции, в том числе США (Hong, Goodnight, 2019). Таким образом, китайский суверенитет во внутренней цифровой сфере также ограничен существующими международными организациями. Более современные работы подтверждают эти наблюдения, ссылаясь на участие китайской стороны в работе проектной группы IETF по цифровым стандартам (Nanni, 2022).

С определенной степенью осторожности можно отметить функционирование *иранской модели* суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций. С китайской иранскую модель сближают присутствие цензуры, правительственный курс на развитие незападных, собственных цифровых коммуникаций и технологий. Иранские технологические корпорации стараются инициировать создание национальных операционных систем, собственных социальных сетей, приложений для обмена сообщениями (Sorouh, iGap), видеохостингов (Aparat). *Telecommunication Company of Iran* является крупнейшим оператором сотовой связи, учитывающим государственную медиаполитику. Принципиальным отличием иранской модели цифровой суверенизации от китайской является сосредоточенность местных технологических корпораций на внутренней аудитории. Иранские корпорации не могут активно работать в других странах, в том числе и из-за серьезных американских санкций, наложенных на страну.

Санкции препятствуют развитию национальной цифровой экономики, хотя существуют и приемы их обхода, и серый рынок. Цензура цифровых коммуникаций оправдывается иранскими властями необходимостью обеспечения национальной безопасности на фоне угроз государственного переворота, в котором заинтересованы Соединенные Штаты. С этой целью власти Ирана фильтруют западный контент, платформы и сервисы, противоречащие местным религиозным ценностям (Hashemzadegan, Gholami, 2022).

В свое время иранским государством были созданы Верховный совет по киберпространству, Центр национальной кибербезопасности, Совет по кибербезопасности, кибер-полиция.

Ученые фиксируют и особую *латиноамериканскую модель* суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций, которая означает постепенный переход от политики медианационализма (media nationalism) 1960–1970 гг. к более прагматичной цифровой политике XXI в. Развитие медианационализма Перу (1968–1975 гг.) и Венесуэлы (1974–1975 гг.) исследователи поясняли не только желанием их политических элит контролировать потоки международных новостей посредством нормативных инструментов, но и необходимостью защиты от угрозы американского медиа-империализма. Однако в 1980–1990-х гг. государственная медиаполитика латиноамериканских стран переориентировалась на рост иностранных инвестиций, дерегуляцию и сокращение значения государства в развитии медиаиндустрии (Vecerra, Waisbord, 2021). Государственный контроль над медиа в основном сохранялся на Кубе.

С начала 2000-х гг. фиксируется очередная попытка некоторых латиноамериканских стран (Венесуэлы, Бразилии, Аргентины, Боливии, Эквадора, Уругвая) пересмотреть политику дерегуляции коммуникаций, уйдя от неолиберального рыночного подхода к политике диверсификации собственности на медиа. Трансформация медиаполитики возникла из-за конфликта между государством и крупными корпорациями в латиноамериканских странах (Vecerra, Wagner, 2018). Власти этих государств серьезно опасались влияния крупных корпораций на суверенный политический процесс и общественные дискуссии из-за конструирования узкого предложения новостных программ. Тем не менее, современный латиноамериканский вариант суверенизации цифровых коммуникаций не включает существования некоего наднационального законодательства и регулятора, как в случае с ЕС.

Латиноамериканская модель обладает колебательным характером, зависит от внутривнутриполитической конъюнктуры и внешнеполитического давления. В основе такой модели лежит прагматизм, так как цифровая экономика стран Латинской Америки уступает по объему экономикам стран Запада или Азии, среди латиноамериканских государств пока не наблюдается геополитических игроков, сопоставимых с великими державами наподобие России, США и КНР. Напротив, местные правительства в основном вынуждены допускать доминирующую роль крупных американских технологических корпораций, привлекают инвестиции от китайских корпораций и стремятся адаптироваться к технологической конкуренции между Китаем и Соединенными Штатами, так как не могут противопоставить им активность своих компаний. Балансирование между американскими и китайскими технологическими корпорациями объясняется тем, что латиноамериканские правительства не пошли по пути «цифрового девелопментализма» – развития местных цифровых промышленных комплексов, рынков цифровых коммуникаций с важной ролью государства как регулятора их отношений (Vecerra, Waisbord, 2021).

На основании реальных кейсов и нормативной практики также можно выделить *европейскую модель* суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций, действующую в государствах – членах Европейского союза. В отличие от латиноамериканского варианта, европейская модель предполагает наличие регулятора в области киберпространства (в виде общеевропейских органов власти и законодательства ЕС), функция которого менялась с 1995 по 2021 г. (Flonk, Jachtenfuchs, Obendiek, 2024). Стратегия кибербезопасности ЕС (2020 г.) уже упоминает факторы лидерства, технологического суверенитета, устойчивости к киберугрозам, формирования производственных мощностей. Президент Европейского совета Ш. Мишель отмечал важность цифрового рынка, предполагающего европейские цифровые решения и определяющего правила. ЕС, как и латиноамериканские страны, выступает за установление двухсторонних и многосторонних отношений формирования киберпространства. Вместе с тем европейская модель цифровых коммуникаций означает суверенизацию, предполагающую защиту от цифрового влияния иных государств, купирование рисков со стороны американских и китайских крупных технологических корпораций, присваивающих и монетизирующих данные европейских пользователей (Barrinha, Christou, 2022). ЕС продвигает идею достижения устойчивой, безопасной технологической инфраструктуры.

Последние исследования трансформации законодательства ЕС свидетельствуют, что европейская модель суверенизации цифровых коммуникаций постепенно смещается с приоритетов открытости Интернета, свободного доступа к коммуникациям, расширения и укрепления прав пользователей на приоритеты поддержания общественного порядка (public order), защиты от вредоносного контента, дезинформации, диффамации, терроризма, враждебных иностранных субъектов. Усиливаются акценты борьбы с разжиганием ненависти, защиты либерально-демократического порядка. Такие категории, как контроль и власть, становятся все более актуальными в европейском дискурсе. В связи с этим некоторые авторы отмечают, что усиление контроля ЕС над контентом в европейских цифровых коммуникациях может иметь глобальные последствия, так как влияние европейского регулятора способно распространяться и на другие страны (Flonk, Jachtenfuchs, Obendiek, 2024).

Другие же авторы, напротив, полагают, что ЕС запоздал с регулированием цифровых коммуникаций, называя среди причин этого изначально слабое финансирование европейских программ в области конструирования киберпространства (например, существовавший в 1980–1984 гг. проект *Euronet* финансировался в меньшей степени по сравнению с американским проектом ARPANET), доминирование в мире американских и китайских крупных технологических корпораций (с которыми европейским компаниям сложно конкурировать), влияющих на социальную и экономическую жизнь в ЕС и находящихся вне его правового поля (Niemiinen, Padovani, Sousa, 2023). Хотя следует отметить, что европейский уровень управления региональным киберпространством все-таки существует, будучи представленным ETSI (Европейским институтом стандартов телекоммуникаций), ENISA (Агентством Европейского союза по кибербезопасности) и другими структурами.

Выводы

Подводя итоги проведенного критического дискурс-анализа академических работ, важно сформулировать несколько выводов.

Во-первых, изучение современной научной литературы показало, что появилось несколько теоретических конструктов, в рамках которых предпринимается попытка выявления каузальных механизмов суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций в ряде стран и регионов мира. В целом, фиксируемые концептуальные схемы вовсе не противоречат друг другу, а, напротив, дополняют нашу научную картину происходящих трансформаций в киберпространстве. Так, особенность теории цифрового колониализма заключается в ее интересе к бенефициарам технологического контроля – экономически и политически влиятельным государствам. В отличие от нее, концепция колониализма данных опирается на идею развития исторических форм капитализма и колониализма, акцентируя внимание исследователей на возрастных роли корпоративной власти, а также рынка социальной квантификации. В свою очередь, теория платформенного империализма во многом является развитием концепции медиа-империализма и фокусируется на рисках десуверенизации современных государств в связи с проникновением крупных технологических корпораций в социально-политическую и экономическую жизнь стран. Наконец, теория вепонизации Интернета пытается объяснить, каким образом частная корпоративная структура начинает играть роль нового типа оружия Соединенных Штатов, используемого ими против их геополитических конкурентов.

Во-вторых, на основе анализа научных работ были выявлены несколько формирующихся моделей суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций, развитие которых во многом было обусловлено несогласием ряда государств с господством американоцентричной глобальной модели управления киберсредой. Китайская модель сочетает регулирование внутреннего рынка цифровых коммуникаций с одновременным постепенным проникновением собственных крупных технологических корпораций на внешние рынки. Фактор цензуры внутреннего интернет-трафика во многом сближает иранскую модель с китайской. Однако принципиальными отличиями иранской модели остаются нахождение страны под сильными американскими санкциями и сосредоточенность местных технологических корпораций на внутренней аудитории. Европейская модель суверенизации цифровых коммуникаций схожа с латиноамериканской моделью тем, что в ней практикуются многосторонние отношения формирования киберпространства, присутствует лавирование между различными крупными технологическими корпорациями. При этом важным отличием европейской модели можно назвать наличие наднационального регулятора цифровых коммуникаций.

На данный момент сложно однозначно определить четкие признаки отдельной *российской модели* суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций, хотя запрос на ее создание есть как у общества, так и российского государства. Однако появление подобной модели объективно назрело из-за

серьезного конфликта США и стран коллективного Запада с Россией, формирования в этой связи существенных рисков информационных и алгоритмических войн, хакерских атак, угроз отсечения граждан от жизненно важной цифровой инфраструктуры. Об этом свидетельствует целый корпус работ российских ученых, посвященных теме цифрового суверенитета.

Между тем, по нашему мнению, российская модель суверенизации цифровых коммуникаций не должна просто копировать уже намечающиеся (и в основном условные) модели. Отечественная модель цифровых общественно-политических коммуникаций может задействовать возможности использования потенциалов таких международных организаций, как БРИКС и ШОС, параллельно развивая собственные суверенные решения в области опорных компонентов цифровой власти – программного обеспечения, компьютерного оборудования и сетевого подключения. Такая модель не должна означать некую замкнутость на собственном рынке цифровых коммуникаций, но предполагать активную поддержку российских технологических корпораций, проникающих и на цифровые рынки других стран и регионов. В рамках формирования российской модели суверенизации цифровых коммуникаций также важно учитывать и угрозы, риски, вызовы трансформации американской модели развития цифровых коммуникации, которая означает смещение от глобального варианта управления Интернетом к использованию санкций и провоцированию цифровой balkанизации, информационных конфликтов между странами и регионами. Так или иначе, представляется очевидным, что сегодня перед нашей страной стоит серьезный вызов, заключающийся в стратегическом выборе того пути, по которому будет развиваться отечественное пространство цифровых общественно-политических коммуникаций, и в том, в какой степени будет достигнута его суверенизация, являющаяся, по нашему глубокому убеждению, одним из важнейших факторов развития сильного, независимого и конкурентно-способного в геополитическом смысле российского государства.

Список литературы

1. Бойд-Баррет, О. (2018). *Медиа-империализм*. Харьков: Гуманит. Центр.
2. Ваховский, А.М. (2019). Суверенизация Интернета как проблема современного политического процесса. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (1), 11–18. <https://doi.org/10.24411/2071-6141-2019-10101>
3. Мельникова, О. (2022). Опыт Китая в защите национального киберсуверенитета. *Международная жизнь*, (12), 106–119.
4. Панарин, И.Н. (2013). Коммуникационный суверенитет России. *Обзор. НЦПТИ*, (2), 8–13.
5. Ромашкина, А.Б., Киричук, Д.А. (2023). Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверенитета. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 25(4), 848–861. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-848-861>

6. Bannerman, S. (2024). Platform imperialism, communications law and relational sovereignty. *New Media & Society*, 26(4), 1816–1833. <https://doi.org/10.1177/14614448221077284>
7. Barrinha, A., & Christou, G. (2022). Speaking sovereignty: the EU in the cyber domain. *European Security*, 31(3), 356–376. <https://doi.org/10.1080/09662839.2022.2102895#d1e284>
8. Becerra, M., & Wagner, C.M. (2018). Crisis of representation and new media policies in Latin America. *Latin American Perspectives*, 45(3), 86–102. <https://doi.org/10.1177/0094582X18766895>
9. Becerra, M., & Waisbord, S.R. (2021). The curious absence of cybernationalism in Latin America: Lessons for the study of digital sovereignty and governance. *Communication and the Public*, 6(1–4), 67–79. <https://doi.org/10.1177/205704732111046730>
10. Calzati, S. (2020). Decolonising “Data Colonialism” Propositions for Investigating the Realpolitik of Today’s Networked Ecology. *Television & New Media*, 152747642095726. <https://doi.org/10.1177/1527476420957267>
11. Couldry, N., & Mejias, U.A. (2018). Data Colonialism: Rethinking Big Data’s Relation to the Contemporary Subject. *Television & New Media*, 152747641879663. <https://doi.org/10.1177/1527476418796632>
12. Eko, L. (2001). Many Spiders, One Worldwide Web: Towards a Typology of Internet Regulation. *Communication Law and Policy*, 6(3), 445–484. https://doi.org/10.1207/s15326926clp0603_0
13. Flonk, D., Jachtenfuchs, M., & Obendiek, A. (2024). Controlling internet content in the EU: towards digital sovereignty. *Journal of European Public Policy*, 31(8), 2316–2342. <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2309179>
14. Hashemzadegan, A., & Gholami, A. (2022). Internet Censorship in Iran: An Inside Look. *Journal of Cyberspace Studies*, 6(2), 183–204. <https://doi.org/10.22059/jcss.2022.349715.1080>
15. Heylen, K. (2023). Enforcing platform sovereignty: A case study of platform responses to Australia’s News Media Bargaining Code. *New Media & Society*, 26(2). <https://doi.org/10.1177/14614448231166057>
16. Hong, Y., & Goodnight, G.T. (2019). How to think about cyber sovereignty: the case of China. *Chinese Journal of Communication*, (13), 1–19. <https://doi.org/10.1080/17544750.2019.1687536>
17. Jin, D.Y. (2013). The construction of platform imperialism in the globalization era. *Triplec: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, 11(1), 145–172. <https://doi.org/10.31269/triplec.v11i1.458>
18. Kwet, M. (2019). Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South. *Race & Class*, 60(4), 3–26. <https://doi.org/10.1177/0306396818823172>
19. Mann, M., & Daly, A. (2019). (Big) Data and the North-in-South: Australia’s Informational Imperialism and Digital Colonialism. *Television and New Media*, 20(4), 379–395. <https://doi.org/10.1177/1527476418806091>
20. Nanni, R. (2022). Digital sovereignty and Internet standards: normative

implications of public-private relations among Chinese stakeholders in the Internet Engineering Task Force. *Information, Communication & Society*, 25(16), 2342–2362. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2022.2129270>

21. Nieminen, H., Padovani, C., & Sousa, H. (2023). Why Has the EU Been Late in Regulating Social Media Platforms? *Javnost – The Public*, 30(2), 174–196. <https://doi.org/10.1080/13183222.2023.2200717>

22. Ortiz Freuler, J. (2023). The weaponization of private corporate infrastructure: Internet fragmentation and coercive diplomacy in the 21st century. *Global Media and China*, 8(1), 6–23. <https://doi.org/10.1177/20594364221139729>

23. Hummel, P., Braun, M., Tretter, M., & Dabrock, P. (2021). Data sovereignty: A review. *Big Data & Society*, 8(1), <https://doi.org/10.1177/2053951720982012>

24. Paulsson, A., & Fred, M. (2024). Making apps, owning data: Digital sovereignty and public authorities' arrangements to “byte” back. *Organization*. <https://doi.org/10.1177/13505084241246073>

25. Rinesi, M. (2018). Will the Internet fragment?: *Sovereignty, globalization and cyberspace*. *Prometheus*, (1–2), <https://doi.org/10.1080/08109028.2018.1505>

26. Rolf, S., & Schindler, S. (2023). The US-China rivalry and the emergence of state platform capitalism. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 55(5), 1255–1280. <https://doi.org/10.1177/0308518X221146545>

27. Weichselbaum, L., Spagnuolo, M., Lekies, S., & Janc, A. (2016). CSP is dead, long live CSP! On the insecurity of whitelists and the future of Content Security Policy. In *Proceedings of the 2016 ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security* (pp. 1376–1387).

28. Young, J.C. (2019). The new knowledge politics of digital colonialism. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 51(7), 1424–1441. <https://doi.org/10.1177/0308518X19858998>

29. Zhang, C., & Morris, C. (2023). Borders, bordering and sovereignty in digital space. *Territory, Politics, Governance*, 11(6), 1051–1058. <https://doi.org/10.1080/21622671.2023.2216737>

References

1. Bannerman, S. (2024). Platform imperialism, communications law and relational sovereignty. *New Media & Society*, 26(4), 1816–1833. <https://doi.org/10.1177/14614448221077284>

2. Barrinha, A., & Christou, G. (2022). Speaking sovereignty: the EU in the cyber domain. *European Security*, 31(3), 356–376. <https://doi.org/10.1080/09662839.2022.2102895#d1e284>

3. Becerra, M., & Wagner, C.M. (2018). Crisis of representation and new media policies in Latin America. *Latin American Perspectives*, 45(3), 86–102. <https://doi.org/10.1177/0094582X18766895>

4. Becerra, M., & Waisbord, S.R. (2021). The curious absence of cybernationalism in Latin America: Lessons for the study of digital sovereignty

and governance. *Communication and the Public*, 6(1–4), 67–79. <https://doi.org/10.1177/205704732111046730>

5. Boyd-Barrett, O. (2018). *Media-imperializm* [Media imperialism]. Kharkov: Gumanit. Tsentr.

6. Calzati, S. (2020). Decolonising “Data Colonialism” Propositions for Investigating the Realpolitik of Today’s Networked Ecology. *Television & New Media*, 152747642095726. <https://doi.org/10.1177/1527476420957267>

7. Couldry, N., & Mejias, U.A. (2018). Data Colonialism: Rethinking Big Data’s Relation to the Contemporary Subject. *Television & New Media*, 152747641879663. <https://doi.org/10.1177/1527476418796632>

8. Eko, L. (2001). Many Spiders, One Worldwide Web: Towards a Typology of Internet Regulation. *Communication Law and Policy*, 6(3), 445–484. https://doi.org/10.1207/s15326926clp0603_0

9. Flonk, D., Jachtenfuchs, M., & Obendiek, A. (2024). Controlling internet content in the EU: towards digital sovereignty. *Journal of European Public Policy*, 31(8), 2316–2342. <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2309179>

10. Hashemzadegan, A., & Gholami, A. (2022). Internet Censorship in Iran: An Inside Look. *Journal of Cyberspace Studies*, 6(2), 183–204. <https://doi.org/10.22059/jcss.2022.349715.1080>

11. Heylen, K. (2023). Enforcing platform sovereignty: A case study of platform responses to Australia’s News Media Bargaining Code. *New Media & Society*, 26(2). <https://doi.org/10.1177/14614448231166057>

12. Hong, Y., & Goodnight, G.T. (2019). How to think about cyber sovereignty: the case of China. *Chinese Journal of Communication*, (13), 1–19. <https://doi.org/10.1080/17544750.2019.1687536>

13. Hummel, P., Braun, M., Tretter, M., & Dabrock, P. (2021). Data sovereignty: A review. *Big Data & Society*, 8(1), <https://doi.org/10.1177/2053951720982012>

14. Jin, D.Y. (2013). The construction of platform imperialism in the globalization era. Triplec: *Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, 11(1), 145–172. <https://doi.org/10.31269/triplec.v11i1.458>

15. Kwet, M. (2019). Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South. *Race & Class*, 60(4), 3–26. <https://doi.org/10.1177/0306396818823172>

16. Mann, M., & Daly, A. (2019). (Big) Data and the North-in-South: Australia’s Informational Imperialism and Digital Colonialism. *Television and New Media*, 20(4), 379–395, <https://doi.org/10.1177/1527476418806091>

17. Melnikova, O. (2022). Opyt Kitaya v zashchite natsional’nogo kibersuvereniteta [China’s experience in protecting national cyber sovereignty]. *Mezhdunarodnaya zhizn’*, (12), 106–119.

18. Nanni, R. (2022). Digital sovereignty and Internet standards: normative implications of public-private relations among Chinese stakeholders in the Internet Engineering Task Force. *Information, Communication & Society*, 25(16), 2342–2362. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2022.2129270>

19. Nieminen, H., Padovani, C., & Sousa, H. (2023). Why Has the EU Been Late in Regulating Social Media Platforms? *Javnost – The Public*, 30(2), 174–196. <https://doi.org/10.1080/13183222.2023.2200717>
20. Ortiz Freuler, J. (2023). The weaponization of private corporate infrastructure: Internet fragmentation and coercive diplomacy in the 21st century. *Global Media and China*, 8(1), 6–23. <https://doi.org/10.1177/20594364221139729>
21. Panarin, I. N. (2013). Kommunikatsionnyy suverenitet Rossii [Communication sovereignty of Russia]. *Obzor. NTsPTI*, (2), 8–13.
22. Paulsson, A., & Fred, M. (2024). Making apps, owning data: Digital sovereignty and public authorities' arrangements to "byte" back. *Organization*. <https://doi.org/10.1177/13505084241246073>
23. Rinesi, M. (2018). Will the Internet fragment?: Sovereignty, globalization and cyberspace. *Prometheus*, (1–2), <https://doi.org/10.1080/08109028.2018.1505>
24. Rolf, S., & Schindler, S. (2023). The US-China rivalry and the emergence of state platform capitalism. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 55(5), 1255–1280. <https://doi.org/10.1177/0308518X221146545>
25. Romashkina, A. B., & Kirichuk, D. A. (2023). Politicheskaya sub»ektnost' tsifrovyykh aktantov v kontekste obespecheniya tsifrovogo suvereniteta [The political subjectivity of digital actors in the context of ensuring digital sovereignty]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 25(4), 848–861. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-848-861>
26. Vakhovskiy, A. M. (2019). Suverenizatsiya Interneta kak problema sovremennogo politicheskogo protsessa [Sovereignization of the internet as a problem modern political process]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (1), 11–18. <https://doi.org/10.24411/2071-6141-2019-10101>
27. Weichselbaum, L., Spagnuolo, M., Lekies, S., & Janc, A. (2016). CSP is dead, long live CSP! On the insecurity of whitelists and the future of Content Security Policy. In *Proceedings of the 2016 ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security* (pp. 1376–1387).
28. Young, J. C. (2019). The new knowledge politics of digital colonialism. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 51(7), 1424–1441. <https://doi.org/10.1177/0308518X19858998>
29. Zhang, C., & Morris, C. (2023). Borders, bordering and sovereignty in digital space. *Territory, Politics. Governance*, 11(6), 1051–1058. <https://doi.org/10.1080/21622671.2023.2216737>

Информация об авторах

Сергей Владимирович Володенков, доктор политических наук, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко, доктор политических наук, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Information about the authors

Sergey Vladimirovich Volodenkov, Doctor of Sciences (Political Sciences), Chief Researcher at the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department, State Academic University for the Humanities; Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Sergey Nikolaevich Fedorchenko, Doctor of Sciences (Political Sciences), Chief Researcher at the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department, State Academic University for the Humanities; Associate Professor of the Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

---

ТРИ КОНЦЕПТА ДОКТРИНАЛЬНОГО ДИСКУРСА ТУРЦИИ ПРИ Р.Т. ЭРДОГАНЕ

Разиль Илшатович Гузаеров,

Отдел Ближнего и Постсоветского Востока
ИНИОН РАН,
Москва, Россия,
guzaerov99@bk.ru

Получена 19.03.2024.

Поступила после рецензирования 08.04.2024.

Принята к публикации 11.11.2024.

Для цитирования: Гузаеров Р.И. Три концепта доктринального дискурса Турции при Р.Т. Эрдогане // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 48–59. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_48

Аннотация

В статье анализируется доктринальный дискурс турецкой политической элиты. Отсутствие в открытом доступе доктринальных документов Турции делает актуальным изучение трудов ведущих турецких политиков, где они излагают свои мысли и идеи о роли страны в системе международных отношений, ее задачах и возможностях. Отмечается, что труд «Стратегическая глубина. Международное положение Турции» А. Давутоглу явился первой попыткой концептуализации внешнеполитической стратегии страны. Давутоглу представил новую идею, которая заложила фундамент для трансформации внешнеполитической деятельности страны и очертила основные ее направления. Взгляды Р.Т. Эрдогана и Ф. Алтуна свидетельствуют о том, что в рамках доктринального дискурса турецкие политики выходят с регионального уровня на глобальный. Для них Турция предстает в качестве ключевого государства

© Гузаеров Р.И., 2024

на международной арене, которая должна участвовать в формировании нового мирового порядка. В статье подчеркивается, что несмотря на отход от ряда мыслей А. Давутоглу, а именно приоритета гуманитарной политики и «мягкой силы», труды Р.Т. Эрдогана и Ф. Алтуна лишь дополняют общую картину сложившейся внешнеполитической доктрины Турецкой Республики, привнося больше глобальности в турецкую политическую мысль. На уровне дискурса обосновываются глобальные притязания Анкары, где любое ее действие оправдывается категорией «справедливости», а сама Турция и вовсе получает новую роль «стабилизирующей державы». Делается вывод о том, в рамках постимперского синдрома, присущего современной Турции, внешняя политика приобретает все больше амбициозности, а инструменты ее реализации принимают наступательный характер.

Ключевые слова:

А. Давутоглу, Р.Т. Эрдоган, Ф. Алтун, доктринальный дискурс, неоосманизм, стратегическая глубина, справедливость

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_4_48

THREE CONCEPTS OF TURKEY'S DOCTRINAL DISCOURSE UNDER RECEP TAYYIP ERDOGAN

Razil I. Guzaerov,

Department of the Middle and Post-Soviet East
INION RAN,
Moscow, Russia,
guzaerov99@bk.ru

Received 19.03.2024.

Revised 08.04.2024.

Accepted 11.11.2024.

For citation: Guzaerov, R.I. (2024). Three Concepts of Turkey's Doctrinal Discourse under Recep Tayyip Erdogan. *Discourse-P*, 21(4), 48–59. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_48

Abstract

The article analyzes the doctrinal discourse of the Turkish political elite. The absence of Turkey's doctrinal documents in the public domain highlights the relevance to study the

works of leading Turkish politicians, where they express their thoughts and perspectives regarding the country's role in the international relations system, as well as its tasks and opportunities. Ahmet Davutoglu's work represents the first attempt to conceptualize the country's foreign policy thought; he was the one to introduced an idea that laid the foundation for the transformation of Turkish foreign policy and outlined its main directions. The perspectives of Recep Tayyip Erdogan and Fahrettin Altun indicate that within the framework of doctrinal discourse, Turkish politicians are shifting from a regional focus to a global one. For them, Turkey emerges as a key state on the international stage, tasked with participating in the formation of a new world order. Despite diverging from several Davutoglu's ideas – such as the prioritization of humanitarian policy and soft power, the works of Erdogan and Altun complement the overall picture of the current foreign policy doctrine of the Turkish Republic, adding a more global dimension to Turkish political thought. At the discourse level, Ankara's global ambitions are justified through the lens of justice, positioning Turkey as a certain “stabilizing power”. In conclusion, the article discusses that, within the framework of the post-imperial syndrome characteristic of modern Turkey, foreign policy is becoming increasingly ambitious, with its implementation tools becoming more assertive.

Keywords:

Ahmet Davutoglu, Recep Tayyip Erdogan, Fahrettin Altun, doctrinal discourse, neo-Ottomanism, strategic depth, justice

---

Введение

Турецкая Республика – активно развивающееся государство, чья деятельность привлекает особое внимание исследователей. В контексте изучения внешней политики Турции существует проблема в виде малого количества официальных и открытых источников, изучение которых могло бы помочь очертить основные траектории развития внешнеполитической деятельности Анкары.

На сайте Министерства иностранных дел Турции размещены некоторые документы, проливающие свет на определенные аспекты внешней политики страны, но не дающие полной картины, сложившейся внешнеполитической доктрины Анкары. Однако и персонализированный характер турецкой политической системы позволяет исследователям, анализирующим внешнеполитическую мысль Анкары, опираться на труды государственных деятелей (Аватков, 2019, с. 12), представляющие хорошо концептуализированные основы внешней политики страны.

«Стратегическая глубина» А. Давутоглу

Базовым трудом в деле создания концептуальных рамок внешнеполитической доктрины Турции стала книга А. Давутоглу «Стратегическая глубина.

Международное положение Турции» (Davutoğlu, 2010). Интерес к публикации обусловлен рядом причин. Во-первых, она стала одной из первой попыток теоретического осмысления роли Турции в системе международных отношений и выработки дальнейшей стратегии. Во-вторых, А. Давутоглу занимал посты министра иностранных дел и премьер-министра Турции, а значит имел достаточно большое политическое влияние для имплементации своих разработок в реальную политику страны.

Работа А. Давутоглу появилась в эпоху начала трансформаций как международной системы, так и политической системы страны. Конец биполярной эпохи и короткий период «однополярного момента» обусловили переходный характер системы международных отношений, которая начала двигаться к полицентричной структуре. Подобное положение дел привело к усложнению баланса сил и требовало от государств более динамичного подхода и моментального реагирования на события на международной арене.

Очерчивая теоретические рамки своего исследования, А. Давутоглу начинает с описания структуры системы международных отношений, которая предстает в виде шахматной доски, где фигурами выступают государства. Каждое государство имеет в системе свои особенности и вес, от чего зависит его способность влиять на всю систему. Автором выделяются супердержавы, великие, региональные державы и малые государства. Неизменной характеристикой системы является постоянное противоборство стран между собой. В целом А. Давутоглу рассматривает систему в реалистическом ключе.

Также А. Давутоглу выработал в своей книге формулу (см. Рисунок), с помощью которой можно было бы подсчитать силу государства и определить ее место в системе международных отношений. Данная формула интересна тем, что в ней обозначены главные области, с помощью которых государства (в том числе сама Турция) должны повысить свой статус в рамках системы международных отношений.

$$СГ = (СП+ПП)*(СМ*СПЛ*ПВ)$$

$$СП = И+Г+Н+К$$

$$ПП = ЭП+ТП+ВП$$

СГ – сила государства

И – история

СП – стабильные параметры

Г – география

ПП – параметры потенциала

Н – население

СМ – стратегическое мышление

К – культура

СПЛ – стратегическое
планирование

ЭП – экономический потенциал

ТП – технологический потенциал

ПВ – политическая воля

ВП – военный потенциал

Рисунок 1 – Формула А. Давутоглу
Figure 1 – The Formula of Ahmet Davutoglu

Представленная формула предполагает умелое использование факторов, не зависящих от воли государства (населения, географии, истории) для создания и использования параметров потенциала (экономика, технологии и военно-промышленный комплекс). Однако эффективное применение обозначенных факторов невозможно без трех составляющих: стратегического мышления, стратегического планирования, политической воли. Только те государства, имеющие широкий горизонт планирования, могут предлагать собственную повестку дня и влиять на события на международной арене. Как пишет А. Давутоглу, государства с политической волей наступают и создают новое, а без него – обороняются и реагируют (Davutoğlu, 2010, p. 32–33).

Большой акцент автор делает на историческом прошлом своей страны. Как подмечает А. Давутоглу, «турецкая внешняя политика опирается на уникальный исторический опыт и географию, которые еще больше усиливают в нас чувство ответственности» (Давутоглу, 2010). В данном ключе особой критике подвергается односторонний внешнеполитический курс страны, ориентированный на США и НАТО.

Данная часть книги представляет собой концептуальное формирование неосманского курса страны, который используется исследователями как характеристика современного внешнеполитического тренда ее развития (Цибенко, 2016, с. 395–396). Обладание уникальным географическим положением позволяет Турции становиться хабом не только между Западом и Востоком, но и между Севером и Югом, мусульманским и немусульманским мирами.

Подобное положение дает возможность Анкаре наращивать свое влияние на постосманском пространстве. Турция одновременно является частью нескольких регионов: европейского, балканского, ближневосточного, средиземноморского и кавказского (Davutoğlu, 2010, p. 92). Поэтому Анкара имеет серьезные основания, чтобы включиться в жизнь этих регионов, начать влиять на них и играть одну из ключевых ролей.

В своей статье «Беспроблемная внешняя политика Турции» (“Turkey’s zero problems foreign policy”¹) А. Давутоглу продолжил излагать свои взгляды на траектории развития внешней политики страны. Автор снова акцентировал внимание на том, что американская модель мирового порядка не сложилась и полностью потеряла привлекательность. А Турция в свою очередь готова проявить свою решимость к формированию новой системы международных отношений.

В качестве основы внешнеполитического курса выдвигаются методологические принципы: *дальновидный подход вместо кризисно-ориентированного* (необходимо искать эффективное применение турецкого видения для формирования политики), *ведение внешней политики в рамках последовательных и систематических основ* (подход к одному региону не должен противоречить

---

¹ Davutoğlu, A. (2010, May 20). Turkey’s Zero-Problems Foreign Policy. Foreign policy. Retrieved May 17, 2023, from <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/>

подходам к другим), *принятие нового дискурса и дипломатического стиля* (упор на мягкую силу во внешней политике). Данные методологические принципы дополняются операционными: «баланс безопасности и демократии, ноль проблем с соседями, активная и превентивная мирная дипломатия, многовекторная внешняя политика, ритмичная дипломатия»².

Данные принципы свидетельствуют о том, что курс А. Давутоглу направлен на увеличение роли Турции в системе международных отношений. Основным средством на пути к этому является налаживание отношений со всеми государствами и выстраивание такой системы, при которой взаимодействие с одной страной не влияет на отношения с другими. Таким образом, Анкара должна постепенно расширять географию своего влияния через инструменты «мягкой силы».

В конце первого десятилетия XXI в. была выдвинута новая морская концепция Турции. Впервые идея была озвучена турецким адмиралом Д. Гёрденизом и офицером турецкого флота Д. Яйджы в 2006 г. Авторы очертили новые морские границы Турции, установив юрисдикцию, сильно отличающуюся от принятых в рамках международного морского права. Так, Анкара стремится создать новую реальность, навязывая всем новое видение и содержание границ в рамках «географии судьбы» (Цибенко, 2022, с. 139). «Голубая родина» органично вписалась в концепцию А. Давутоглу. Единственным отличием от «Стратегической глубины» является то, что концепция Давутоглу имеет более охранительный характер, а «Голубая родина» – наступательный.

«Стратегическая глубина» стала концептуальной работой, которая основывалась на необходимости развития новой турецкой внешней политики в условиях полицентризации системы международных отношений. А. Давутоглу продемонстрировал необходимость формирования базы, на основе которой государство будет формировать свою внешнюю политику, а цели, обозначенные автором, на долгое время стали основными ориентирами страны.

«Более справедливый мир» Р. Т. Эрдогана

Продолжительное время «Стратегическая глубина» А. Давутоглу оставалась основным трудом в деле концептуализации внешней политики Турции. Эксперты спорили о ее имплементации, реализации и потери актуальности отдельных частей. С уходом А. Давутоглу со своего поста внешнеполитический курс Турции начал постепенно трансформироваться. Актуальный взгляд на него был представлен в книге президента Турции Р. Т. Эрдогана «Более справедливый мир возможен» (Erdoğan, 2021).

В книге центральное положение занимает вопрос о состоянии системы международных отношений, которая находится в процессе активной трансформации из-за ряда факторов. Во-первых, неспособность Запада сохранить свое лидерство привело к ослаблению западноцентричной модели. ЕС не смог стать

² Ibid.

глобальным актором и начинает концентрировать свое внимание на внутренних проблемах, которых становится только больше (Erdoğan, 2021, p. 51). США в свою очередь постепенно возвращаются к изоляционизму, демонстрируя неспособность сохранять статус сверхдержавы (Erdoğan, 2021, p. 55). Во-вторых, международные институты, в особенности ООН и Совет Безопасности, не смогли гарантировать стабильность, мирное сосуществование в мире и обеспечение интересов малых держав (Erdoğan, 2021, p. 121–123).

Анализируя данные факторы, Р.Т. Эрдоган рассматривает Турцию в качестве одной из ключевых держав в мире. Подобный глобальный взгляд бросает вызов сложившейся системе международных отношений, о чем свидетельствуют призывы к реформе ООН, которая являет собой суть мирового порядка, созданного после Второй мировой войны. Поэтому трансформация главного международного института должна стать отправной точкой для изменения всей системы. Однако в этих размышлениях турецкого президента основной акцент делается на двух реформах: расширении числа постоянных членов Совета Безопасности и отмене права вето. Таким путем турецкий лидер пытается скрыть истинное намерение Анкары: стать постоянным членом СБ ООН и тем самым повысить свою роль на международной арене (Аватков, Гузаеров, 2023).

Также в книге Р.Т. Эрдогана привлекает внимание особый акцент на мусульманах. Автор поднимает ряд проблем от роста исламофобии до активных конфликтов в мусульманских странах, демонстрируя, что Турцию заботят эти проблемы и что она чуть ли не единственная страна, которая освещает их на глобальном уровне.

Долгое время Турция позиционировала себя в качестве европейского государства, страны из западной «семьи», что в том числе проявлялось во внешнеполитических приоритетах страны. В данной книге заметна тенденция к расширению роли Анкары в мусульманском мире, где Турция должна стать лидером этой части мирового сообщества. Турция ищет новые возможности для увеличения своей значимости на международной арене. Исламский вектор в этом плане представляется для Турции перспективным направлением, где она в виду различных факторов смогла бы перехватить инициативу и стать лидером суннитской части исламского мира, тем самым обретя секторальное лидерство в глобальных масштабах (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 95). При этом важно отметить, что данные размышления Р.Т. Эрдогана соотносятся с идеями А. Давутоглу, который также формировал идейно-ценностную базу для преобразования Турции в глобальный центр ислама (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 95).

«Стабилизирующая держава» Ф. Алтуна

Дополнением к публикации Р.Т. Эрдогана стало издание книги Ф. Алтуна «Турция как стабилизирующая сила в эпоху потрясений» (Altun, 2022). Ф. Алтун – директор департамента по коммуникациям при президенте Турции. Автор работал в аналитической и научной сферах и, используя свой опыт государственной

службы и научной деятельности, попытался продемонстрировать новую роль Турции в системе международных отношений (Гузаеров, 2023, с. 170–171).

Если А. Давутоглу критиковал одноосный прозападный подход Турции, то Ф. Алтун начинает с критики вестернизации, которая многие годы, по его мнению, навязывалась стране. Вестернизация прививала турецкому обществу психологию побежденных, навязывая чувство неуверенности. Подобные комплексы заглушали имперские амбиции страны и позволяли западным странам влиять на развитие Турции. Приход к власти Р.Т. Эрдогана изменил ситуацию. Благодаря президенту страна перешла к формированию собственной модели модернизации, развивающейся на основе исторического выбора, культурной действительности, философской глубины, стратегических возможностей, политических достижений и притязаний страны.

Ф. Алтун повторяет тезисы Р.Т. Эрдогана о кризисном состоянии системы международных отношений, невозможности сохранения глобального лидерства Вашингтоном, кризисе деятельности международных организаций, в том числе НАТО и т. д. Весь мир представляется охваченным нестабильностью и хаосом. Однако обеспокоенность автора несостоятельностью международных институтов вызваны не переживаниями о мировом порядке, а тем, что Турция находится в кольце нестабильности и многочисленные конфликты вокруг ее границ негативно сказываются на чувстве безопасности страны. При этом не надо умалять роль самой Анкары в поддержании этой дуги нестабильности (Колотов, 2022, с. 266).

Новизна идей Ф. Алтуна проявляется в теоретической части книги, где автор размышляет о понятии «güç» (сила/держава). Отмечается, что глобальные изменения политической конъюнктуры в мире, содержание отношений между великими державами, а также перемены в социальном и технологическом развитии мира обусловили трансформацию понятия «сила». Ф. Алтун пишет, что такие виды сил, как «мягкая», «умная», статус-кво и ревизионистская, не смогли удержать систему международных отношений от дестабилизации (Altun, 2022, p. 25–26).

При этом существуют государства, чья политика, проводимая на международной арене, не может быть охарактеризована вышеупомянутыми определениями. Их действия выходят за пределы данных понятий и вносят совершенно новую характеристику в деятельность государств на международной арене. Такие государства называются стабилизирующими силами (державами) (Altun, 2022, p. 26). Действия данных государств направлены на реформирование и реабилитацию международной системы. Что более важно, данные державы действуют, исходя из чувства справедливости, а не законности. И безусловно, Турция, по мнению Ф. Алтуна и руководства страны, является одним из ярчайших примеров стабилизирующей силы.

В данном ключе следует выделить два интересных момента. Во-первых, Ф. Алтун заочно вступает в теоретический спор в А. Давутоглу, чья доктрина основывалась на «мягкой силе» и отказе от жестких методов ведения политики, что в дальнейшем выразилось в стратегии «ноль проблем с соседями».

Ф. Алтун в свою очередь указывает на несостоятельность подобной политики и необходимости перехода к более наступательной стратегии.

Во-вторых, приспосабливается новая формула внешней политики Турции: для Анкары закономерно все, что она посчитает справедливой. Это значит, что интересы страны, прикрытые ширмой категории «справедливость», ставятся выше международных норм, законности и т.д. По сути, это означает, что Турция переходит к наступательной стратегии во внешней политике, где она будет отстаивать свои интересы всеми доступными для нее способами. (Для большей наглядности приводим сравнительную таблицу основных сюжетов в доктринальных трудах турецких политиков.)

Таблица 1 – Сравнение основных сюжетов в доктринальных трудах турецких политиков

Table 1 – Comparison of the Main Narratives in the Doctrinal Writings of Turkish Politicians

	А. Давутоглу	Р.Т. Эрдоган	Ф. Алтун
Характеристика системы международных отношений	Шахматная доска, борьба всех против всех (анархия)	Западноцентричная модель, однако она ослабевает, Гегемония 5 постоянных членов СБ ООН	Западноцентричная модель, однако она ослабевает, Хаос и повышенная конфликтность
Состояние системы МО	кризис	трансформация	трансформация
Турция в системе МО	Хаб, центральное государство Евразии	Важная часть Незападного мира, лидер исламского мира	Стабилизирующая держава, потенциальный лидер
Цель Турции	Реализация потенциала страны	Обеспечение глобальной справедливости	Стабилизация международной системы, активное участие в создании нового мирового порядка
Стратегия Турции	Ноль проблем с соседями, концентрация на ближнем круге соседей, акцент на мягкую силу	Увеличение глобальной роли Турции через активную международную деятельность	Наступательная политика в целях «справедливости»

***

Турция эпохи Р.Т. Эрдогана проявляет особую активность на международной арене и стремится обосновать свои притязания на большую роль в системе международных отношений. Для этого прорабатывается и доктринальная основа политики страны, которая зачастую не оформляется в виде официального государственного документа. Представленные в статье публикации дают возможность проследить турецкий взгляд на многие вопросы.

А. Давутоглу смог сформулировать концептуальный взгляд на развитие Турции на международной арене, сформировав новую внешнеполитическую доктрину и стремясь претворить ее в жизнь. Несмотря на его уход из руководящих должностей, база, созданная А. Давутоглу, продолжает оставаться фундаментом для формирования внешней политики Турции. Однако наблюдается постепенная смена приоритетов внешнеполитических инструментов с «мягкой силы» на более наступательную политику и активную защиту национальных интересов. Краеугольным понятием в данной политике становится идеологема «справедливость», которая используется как моральный аргумент для обоснования всевозможных действий Турции на международной арене (Цибенко, 2023, с. 112).

На смену политике первого десятилетия XXI в. приходит политика на основе туркоцентричной картины мира, где Турция в глазах турецких элит становится важным центром силы с глобальными амбициями. Если А. Давутоглу концентрировался на региональных вопросах, то книги Р.Т. Эрдогана и Ф. Алтуна посвящены глобальным вопросам, формированию новой системы международных отношений. Для них Турция не просто региональная или средняя держава, а страна с глобальными амбициями, которая готова взять на себя порядокформирующую функцию. Синдром имперскости, присущий современной турецкой политической элите, становится причиной объявления столь амбициозных задач, расширения и трансформации доктринальных основ для обоснования глобальной роли Турции.

Список литературы

1. Аватков, В.А. (2019). *Турецкая Республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018*. Москва: Юрайт.
2. Аватков, В.А., Гузаеров, Р.И. (2023). «Мир больше пяти», или Справедливость по-турецки. *Современная Европа*, (1), 194–201. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010163>
3. Гузаеров, Р.И. (2023). «Стабилизирующая» Турция в нестабильном мире. *Дискурс-Пи*, 20(3), 168–179. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_168
4. Давутоглу, А. (2010). Внешняя политика Турции и Россия. *Россия в глобальной политике*, 8(1), 60–70. Взято 27 февраля 2023, с http://www.globalaffairs.ru/number/n_14562

5. Ирхин, А. А., Москаленко, О. А. (2021). «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 21(1), 91–107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
6. Колотов, В. Н. (2022). Большая игра и евразийская система дуг нестабильности на современном этапе. В Н. Н. Дьяков, П. И. Рысакова (Ред.). *Доклады XXXI Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Россия и Восток: К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени* (23–25 июня 2021 г., Санкт-Петербург) (Т. 2, ч. 1, с. 255–272). Санкт-Петербург: НП-Принт.
7. Цибенко, В. В. (2016). Обыкновенный неоосманизм: османские очаги и янычары дворца. В П. И. Погорельский, М. И. Василенко (Ред.), *Арабские маршруты в азиатском контексте: Arabian routes in the Asia context*: сборник (с. 394–404). Санкт-Петербург: МАЭ.
8. Цибенко, В. В. (2022). Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции. *Международная аналитика*, 13(3), 130–144. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144>
9. Цибенко, В. В. (2023). Идеологема справедливости и антиколониальный дискурс как обоснование инициативной внешней политики Турции. *Международная аналитика*, 14(2), 97–115. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-97-115>
10. Altun, F. (2022). *Kuresel belirsizlik çağında istikrarlaştırıcı güç Türkiye*. İstanbul: Paradigma yayınları.
11. Davutoğlu, A. (2010). *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. İstanbul: Küre yayınları.
12. Erdoğan, R. T. (2021). *Daha adil bir dünya mümkün*. İstanbul: Turkuvaz kitap.

References

1. Altun, F. (2022). *Kuresel belirsizlik çağında istikrarlaştırıcı güç Türkiye* [Turkey as a stabilizing power in an age of turmoil]. İstanbul: Paradigma yayınları.
2. Avatkov, V. A. (2019). *Turetskaya Respublika. Vneshnyaya politika: ot 2002 k 2018* [The Republic of Turkey. Foreign Policy: from 2002 to 2018]. Moscow: Yurayt.
3. Avatkov, V. A., & Guzaerov, R. I. (2023). “Mir bol'she pyati”, ili *Spravedlivost' po-turetski* [“The world is more than five”, or Turkish justice]. *Sovremennaya Evropa*, (1), 194–201. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010163>
4. Davutoğlu, A. (2010). *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu* [Strategic depth. Turkey's international position]. İstanbul: Küre yayınları.
5. Davutoglu, A. (2010). *Vneshnyaya politika Turtsii i Rossiya* [Turkey's Foreign Policy and Russia]. *Rossiya v global'noy politike*, 8(1), 60–70. Retrieved February 27, 2023, from http://www.globalaffairs.ru/number/n_14562

6. Erdoğan, R.T. (2021). *Daha adil bir dünya mümkün* [A fairer world is possible]. İstanbul: Turkuvaz kitap.
7. Guzaerov, R.I. (2023). “Stabiliziruyushchaya” Turtsiya v nestabil’nom mire [“Stabilizing” Türkiye in an unstable world]. *Diskurs-Pi*, 20(3), 168–179. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_168
8. Irkhin, A.A., & Moskalenko, O.A. (2021). “Mir bol’she pyati”. Stanovlenie Turtsii v kachestve global’nogo aktora mirovoy politiki: perspektivy i vyzovy dlya Rossii [“The world is bigger than five”. Turkey’s emergence as a global actor in world politics: prospects and challenges for Russia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 21(1), 91–107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
9. Kolotov, V.N. (2022). Bol’shaya igra i evraziyskaya sistema dug nestabil’nosti na sovremennom etape [The Big Game and the Eurasian system of arcs of instability at the present stage]. In N.N. Dyakov, P.I. Rysakova (Eds.), *Doklady XXXI Mezhdunarodnogo kongressa po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki. Rossiya i Vostok: K 100-letiyu politicheskikh i kul’turnykh svyazey noveyshego vremeni* (23–25 iyunya 2021 g., Sankt-Peterburg) (Vol. 2, pt. 1, pp. 255–272). St. Petersburg: NP-Print.
10. Tsibenko, V.V. (2016). Obyknovennyy neoosmanizm: osmanskie ochagi i yanychary dvortsa [Ordinary Neo-Ottomanism: Ottoman hearths and Janissaries of the palace]. In P.I. Pogorelsky, M.I. Vasilenko (Eds.), *Arabskie marshruty v aziatskom kontekste: Arabian routes in the Asia context: sbornik* (pp. 394–404). St. Petersburg: MAE.
11. Tsibenko, V.V. (2022). Konstruirovaniye ideologicheskogo diskursa o voobrazhaemoy geografii v Turtsii [Constructing an ideological discourse of imaginative geography in Turkey] *Mezhdunarodnaya analitika*, 13(3), 130–144. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144>
12. Tsibenko, V.V. (2023). Ideologema spravedlivosti i antikolonial’nyy diskurs kak obosnovaniye initsiativnoy vneshney politiki Turtsii [Ideologeme of justice and anticolonial discourse as justification for Türkiye’s foreign policy]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 14(2), 97–115. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-97-115>

Информация об авторе:

Разиль Илшатович Гузаеров, младший научный сотрудник, Отдел Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0006-9975>, e-mail: guzaerov99@bk.ru

Information about the author

Razil Ilshatovich Guzaerov, Junior Researcher, Department of the Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0006-9975>, e-mail: guzaerov99@bk.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РОСТА МЯГКОЙ СИЛЫ ШОС И БРИКС

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Татiana Владимировна Кант,

Центр дистанционных программ дополнительного образования
Дипломатической академии МИД России,
Москва, Россия,
tatiana.kant@bk.ru

Получена 26.09.2024.

Поступила после рецензирования 18.10.2024.

Принята к публикации 14.11.2024.

Для цитирования: Русакова О.Ф., Кант Т.В. Стратегическое партнерство России и Китая в сфере образования как фактор роста мягкой силы ШОС и БРИКС // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 60–81. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_60

© Русакова О.Ф., Кант Т.В., 2024

Аннотация

Основные цели настоящей статьи – показать, что укрепление стратегического партнерства между Россией и Китаем в сфере образования выступает одним из инструментов роста мягкой силы таких межгосударственных объединений, как ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества) и БРИКС (межгосударственный альянс, сложившийся на базе объединения Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики), сформулировать задачи, которые предстоит решать в ближайшее время в области развития данного направления деятельности.

В рамках исследования рассмотрены базовые теоретико-методологические подходы к изучению мягкой силы в контексте вопросов развития российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере, проведен анализ основных рамочных документов ШОС и БРИКС, относящихся к области образования, к межгосударственным контактам в образовательной сфере, проанализирована деятельность в области академических обменов, образовательной интеграции, междуниверситетских программ, осуществляемая в рамках стратегических образовательных проектов ШОС и БРИКС, осуществлен анализ нового университетского рейтинга БРИКС, в основу которого положен проект «Миссия трех университетов».

В качестве основных задач в области укрепления стратегического партнерства в образовательной сфере между государствами – членами ШОС и БРИКС нами выдвигаются следующие: 1) дальнейшее проведение теоретических исследований, направленных на разработку концепции общего роста образовательной мягкой силы государств-участников ШОС и БРИКС; 2) с учетом становления новой конфигурации мира, связанной с усилением конкурентной борьбы между странами коллективного Запада и сторонниками модели многополярного мира, следует обратить особое внимание на разработку альтернативных моделей рейтинга мягкой силы для государств ШОС и БРИКС; 3) одним из важнейших стратегических направлений координации деятельности ШОС и БРИКС должна стать работа по укреплению единой информационно-цифровой системы двух альянсов. Основными методологическими инструментами настоящего исследования являются: компаративный подход, аксиологический подход, метод контент-анализа, метод классификации и ранжирования, метод прогнозирования.

Ключевые слова:

российско-китайское стратегическое партнерство, мягкая сила, образовательное пространство, ШОС, БРИКС, университеты ШОС и БРИКС, академические обмены, университетский рейтинг

STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN EDUCATION: ENHANCING SOFT POWER AMONG THE SCO AND BRICS

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Tatiana Vladimirovna Kant,

Center for Distance Education Programs,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russia,
tatiana.Kant@bk.ru

Received 26.09.2024.

Revised 18.10.2024.

Accepted 14.11.2024.

For citation: Rusakova, O.F., Kant, T.V. (2024). Strategic Partnership Between Russia and China in Education: Enhancing Soft Power Among the SCO and BRICS. *Discourse-P*, 21(4), 60–81. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_60

Abstract

The primary objectives of this article are to demonstrate that strengthening of the strategic partnership between Russia and China in the field of education serves as a crucial instrument for enhancing the soft power of intergovernmental organizations such as the Shanghai Cooperation Organization (the SCO) and the BRICS alliance (comprising Brazil, Russia, India, China, and South Africa). This study formulates key tasks that need to be addressed in the near future; it examines basic theoretical approaches to studying soft power in Russian-Chinese educational cooperation, and framework documents from the SCO and BRICS covering both issues of education and intergovernmental relations.

In addition to that, the study further investigates the activities related to academic exchanges, educational integration, and inter-university programs, implemented within strategic educational projects of both the SCO and BRICS; it carries out an analysis of a new university ranking initiated by BRICS, which is based on the “Mission of the Three Universities” project. The main tasks identified for strengthening the strategic partnership in the educational sphere between the SCO and BRICS members include: 1) the continuation of theoretical research aimed at developing a concept for enhancing the educational soft power of the SCO and BRICS member countries; 2) given the emergence of a new geopolitical landscape marked by intensified competition between “the collective West” and those advocating for a multipolar world, special attention should be given to developing alternative soft power rating models for the SCO and BRICS states; and 3) one of the primary strategic directions for coordinating the SCO and BRICS activities should be the establishment of a unified informational and digital system for both alliances. The methodologies employed in this research include a comparative approach, axiological approach, content analysis, classification and ranking methods, and forecasting methods.

Keywords:

Russian-Chinese strategic partnership, soft power, educational space, the SCO, BRICS, Universities of the SCO and BRICS, educational integration, academic exchanges, university ranking

---

Введение

В современных условиях обострения глобального противостояния между американоцентричной моделью мирового устройства, поддерживаемой государствами коллективного Запада, и формирующейся моделью многополярного мира, олицетворяемой такими международными альянсами, как ШОС и БРИКС, все более актуальным становится вопрос о наращивании на платформах альтернативных западному миру разнообразных ресурсов мягкой силы, включая стратегическое партнерство в области образования.

В эпоху трансформаций мирового устройства применение мягкой силы в качестве инструмента и технологии влияния на другие международных акторов без применения силовых методов воздействия приобретает особую актуальность. В данном контексте сфера образования выступает одним из значимых компонентов, ресурсов и источников мягкой силы, от которого во многом зависит формирование общего образа страны в массовом сознании, ее репутационный престиж, обеспечение национально-государственных интересов.

Образовательная деятельность как один из структурный компонентов «мягкого» воздействия на ход глобальных процессов содержит в своем арсенале самые разнообразные компоненты: академические обмены, формирование межгосударственных научно-образовательных программ в целях подготовки новых

профессиональных кадров, проведение межвузовских научных исследований, совместных образовательных и культурных мероприятий и др. Эти и иные инициативы позволяют странам демонстрировать свои достижения и ценности, повышать уровень своего влияния за счет расширения круга лиц и институтов, разделяющих образовательные стандарты и научные традиции страны, которые обладают привлекательной силой. Особо следует отметить международную значимость такого феномена, как академическая мобильность, которая приводит в движение кадровые потоки специалистов и является эффективной формой практического использования образовательных ресурсов и технологий мягкой силы. Посредством академической мобильности происходит формирование зарубежных элит и новых представителей квалифицированных кадров в государствах – отправителях на учебу, разделяющих ценности страны обучения, уважающих ее историю и культуру. Это способствует развитию дружеских, профессиональных и научных связей между государствами, созданию между ними общего образовательного пространства. К площадкам именно такого рода мы относим международные альянсы ШОС и БРИКС, которые рассматриваются нами в качестве источника и инструмента совокупного роста мягкой силы в области образовательной практики.

Отметим, что все участники данных альянсов имеют многосторонние форматы сотрудничества, среди которых одним из важнейших выступает взаимодействие в сфере образования. Именно эта область служит главным предметом анализа настоящей статьи. А поскольку наибольшее влияние на рост образовательной мягкой силы ШОС и БРИКС оказывает стратегическое партнерство России и Китая в сфере образования, то в фокусе нашего внимания оказались в первую очередь сюжеты, связанные с анализом российско-китайского взаимодействия в указанной сфере.

В своем исследовании мы прежде всего опирались на официальные документы, раскрывающие основные направления стратегического сотрудничества государств в области образования, рассматриваемого в качестве фактора укрепления мягкой силы ШОС и БРИКС, к которым относятся: Меморандум Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере¹; Заявление Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества об укреплении сотрудничества в области науки, технологий и инноваций²; Ряд документов, разработанных рабочей группой стран БРИКС, о принятии единых принципов признания образования и квалификации³; Итоговая декларация XV саммита БРИКС (пункты 73, 74)⁴ и др.

¹ См.: <http://docs.cntd.ru/document/499014828>

² См.: <https://rus.sectesco.org/files/834926/834926>

³ См. об этом: <https://obrnadzor.gov.ru/news/strany-briks-vyrabotayut-edinye-principy-priznaniya-obrazovaniya-i-kvalifikaczii/>

⁴ См.: <https://ocds-brics.org/wp-content/uploads/2023/08/doc-20230825-wa0119.pdf>

В качестве основных теоретических источников, посвященных изучению мягкой силы как ресурсной системы мягкого международного влияния, для нас стали труды ряда известных англоязычных ученых и политологов, к которым мы отнесли в первую очередь работы Джозефа Ная, Грегори Холика и Дэвида Керна (Nye, 2011; Най, 2014; Holyk, 2011; Kearn, 2011). Среди отечественных исследователей, внесших значительный вклад в разработку теории мягкой силы, а также в изучение ее структурных компонентов, включая сферу образования, необходимо выделить статьи Лебедевой и Фора, Антюховой, Кучинской, Косякиной (Лебедева, Фор, 2009; Антюхова, 2018; Кучинская, 2017; Косякина, 2022), Ковбы и Грибовод, Манукяна (Ковба, 2016; Ковба, Грибовод, 2019; Манукян, 2023), Захаровой, Старовойтовой, Шишкиной (Захарова и др., 2023), коллективную монографию под редакцией О.Ф. Русаковой (Русакова, 2015) и др. Среди англоязычных работ российских авторов, в которых мягкая сила рассматривается в свете ее национальных корней, а образовательная деятельность – в качестве эффективного инструмента ее международного влияния, мы посчитали возможным выделить статьи Слободчикова (Slobodchikoff, 2017) и коллектива авторов – Русаковой, Ковбы, Грибовод и Поповой (Rusakova et al., 2018).

Во второй группе источников представлены публикации, посвященные вопросам развития образовательного пространства стран ШОС и БРИКС (Ефремова, Федоров, 2017; Борисов, Савкович, 2019; Дектерева и др., 2019; Цзэн, 2019; Шилова, 2024; Керимов, 2024; Гарбовский, 2024 и др.). Особо отметим статью Н.К. Гарбовского, посвященную ценностным ориентирам образовательного пространства БРИКС, а также актуальной проблематике составления инновационной рейтинговой системы вузов, входящих в его структуру. В ней автор глубоко анализирует методологические и ценностные основания формирования новой рейтинговой системы вузов БРИКС, обращая специальное внимание на значимость учета языкового фактора при создании интегрированного образовательного поля в рамках данного международного объединения.

Третью группу составляют теоретические источники, в которых анализируется различные аспекты российско-китайского сотрудничества в области образования, в числе которых – вопросы развития системы университетских академических обменов в рамках ШОС, проблемы взаимной подготовки квалифицированных кадров по тем или иным научно-образовательным направлениям и др. Данная тематика представлена в целом ряде работ российских и китайских авторов: (Ефремова, 2018; Ефремова, Федоров, 2017; Цзык, 2018; Ли Мэнлун, Жень Му, 2018; Беляева, Грунт, 2020; Трифонова, Лицарева, 2022; Садловская, 2024; Чжан, Керимов, 2024 и др.). Важно отметить, что в данных публикациях раскрывается практический опыт, накопленный в ходе укрепления российско-китайского стратегического сотрудничества в образовательной сфере, которое направлено на расширение его пространственного ареала, на повышения качественных показателей межгосударственного образовательного взаимодействия в рамках ШОС.

Заметим, что при анализе и оценке потенциала мягкой силы, представленной в форме научно-образовательных практик собственного государства, многие

российские авторы до недавнего времени руководствовались западноцентричной рейтинговой моделью мягкой силы, производящей ранжирование образовательных систем отдельных стран в соответствии с тем набором показателей, по которым страны Запада обладают явным преимуществом перед другими государствами. В этой связи развитие российской системы образования на протяжении всего последнего тридцатилетия было в значительной степени подчинено установленным на Западе принципам и формам образовательной деятельности, а также принятым в странах Запада критериям их оценки (Антюхова, 2018). Только принятие в последние годы жестких западных санкций в отношении России заставило министерско-чиновничью и университетскую элиту, работающую в системе образования, обратиться к разработке альтернативных моделей организации образовательного пространства в стране, а также к новым способам измерения уровня развития образовательной системы страны (Андреев, 2023, с. 16). К этому в значительной степени подтолкнули российских исследователей трансформационные геополитические процессы, связанные со становлением многополярной политической реальности, воплощением которой являются такие межгосударственные объединения, как ШОС и БРИКС, в рамках которых стали устанавливаться образовательные контакты нового типа.

Далее покажем на примерах образовательного сотрудничества между Россией и Китаем, осуществляемого в рамках ШОС, актуальные проблемы развития мягкой силы обоих государств.

Стратегическое партнерство в образовательной сфере между Россией и Китаем в рамках ШОС

К настоящему времени членами ШОС являются Китай, Россия, Беларусь, Индия, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан и Узбекистан. Все участники имеют многосторонние форматы сотрудничества, где одним из важнейших является образовательное взаимодействие.

Первое Соглашение между правительствами государств – членов ШОС о сотрудничестве в области образования состоялось 15 июня 2006 г., то есть спустя 5 лет после образования ШОС. В принятом документе отмечалось, что правительства государств – членов ШОС⁵ поддерживают развитие интеграционных процессов в сфере образования, содействуют обмену студентов и научно-образовательных кадров, проводят совместные научно-практические конференции, симпозиумы, круглые столы по актуальным проблемам многостороннего сотрудничества в области образования, устанавливают эквивалентность документов по образованию государственного образца, способствуют развитию обучения иностранных языков, истории, культуры и литературы

---

⁵ Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования от 15 июня 2006 г. (соглашение вступило в силу для Российской Федерации 30 января 2008 г.). Взято 23 сентября 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/902029746>

других государств ШОС. В том же году в Пекине 18 октября прошло Первое совместное Совецание министров образования России и Китая, на котором в центре обсуждения был базовый вопрос – взаимное признание документов об образовании⁶. Именно данный шаг стал необходимым для интенсификации образовательного взаимодействия, поскольку если дипломы об окончании образования не имеют признания, то их притягательность практически полностью нивелируется. Результатом встречи стало подписание ряда документов о прямом сотрудничестве между Министерством науки и образования России и Министерством образования Китая. Сотрудничество предполагалось выстраивать по следующим направлениям: 1) совместная подготовка специалистов высшей школы; 2) активизация прямых межвузовских связей; 3) расширение академических обменов (студенческих, преподавательских, научных и др.); 4) совершенствование методик преподавания китайского и русского языков как иностранных; 5) увеличение количества образовательных мероприятий; 6) создание новых моделей сотрудничества.

Следующий межгосударственный формат был организован через два года и состоялся 23 октября 2008 г. в Астане. Основной новеллой стало предложение российской делегации, сделанное по инициативе В.В. Путина, о создании Университета ШОС–УШОС, который должен был связать ведущие вузы двух государств в единое образовательное пространство. Примечательно, что от выдвижения данной инициативы до ее непосредственной реализации прошло восемь лет! Российская сторона утвердила учреждение УШОС лишь 31 октября 2016 г. В Соглашении об учреждении сетевого университета ШОС давалось следующее определение его главной цели: «скоординированная подготовка высококвалифицированных кадров на основе согласованных инновационных образовательных программ по специальностям, представляющим приоритетный интерес для экономического и социального развития государств ШОС»⁷.

Сетевой формат УШОС не являлся чем-то принципиально новым. Он был хорошо знаком Китаю, поскольку первые форматы такого рода были запущены в стране еще в 1970-х гг. по инициативе Дэн Сяопина и создавались на базе вузов, находящихся в Шанхае и Шеньчжэне. России данный формат взаимодействия также знаком, но первым масштабным проектом для нее стал именно УШОС. Дальнейшие совместные заседания министерств организовывались с периодичностью раз в два года: 23–24 сентября 2010 г. министры образования стран ШОС встретились в Новосибирске, 11 октября 2012 г. – в Бишкеке (Киргизстан), 23–24 сентября 2014 г. – в Барнауле. В рамках Барнаульской встречи были обсуждены единые квалификационные требования к образовательным программам, меры их синхронизации, а 6–9 октября 2014 г. была

⁶ Совецание министров образования [Шанхайской организации сотрудничества] (2019, 16 июля). Взято 23 сентября 2024, с <https://rus.sectsc.org/20190716/565346.html?ysclid=m4swafgb62775489970>

⁷ О подписании Соглашения об учреждении Университета Шанхайской организации сотрудничества. Взято 20 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/25163/>

организована Неделя образования государств – членов ШОС, в ходе которой была принята форма единого документа об образовании – сертификата ШОС, получаемого после завершения обучения в другой стране. Однако данное решение затянулось на два года, и вузы двух стран получили нормативное признание со стороны ШОС только в 2016 г.

В настоящее время в УШОС входят 75 вузов из Китая, России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Белоруссии. В рамках УШОС реализуется подготовка по 7 приоритетным направлениям: 1) нанотехнологии; 2) IT – технологии; 3) педагогика; 4) регионоведение; 5) экология; 6) экономика; 6) энергетика. В период с 2010 по 2023 гг. более 1800 студентов успешно освоили программы обучения УШОС. Студент, обучающийся по программе УШОС, имеет возможность с любого семестра продолжить свое образование в иностранном вузе-партнере сроком не менее одного семестра. Сотрудничество осуществляется по следующим видам образовательных программ: подготовительные языковые курсы, бакалавриат (4 года), магистратура (2 года), аспирантура (3 года), программы повышения квалификации, профессиональной переподготовки, дистанционного и очно-заочного образования. К тому же реализуются программы двух дипломов: студент получает как диплом своего вуза, так и зарубежного, если он провел в нем не менее 30 % времени обучения. В соответствии с утвержденной концепцией УШОС студенты в нем обучаются как на платной, так и бесплатной основе (каждое государство ШОС выделяет квоты на обучение). В частности, отметим, что в Уральском федеральном университете имени Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ) осуществляется сотрудничество по программе «Зарубежное регионоведение» со следующими университетами Китая и других членов ШОС: Даляньским университетом иностранных языков, Харбинским университетом, Синьцзянским университетом, университетом NARXOZ (Казахстан), Кыргызским национальным университетом им. Ж. Баласагына, Бишкекским гуманитарным университетом им. К. Карасаева, Российско-Таджикским (Славянским) университетом. В течение последних 10 лет по линии УШОС в УрФУ обучалось в магистратуре свыше 100 зарубежных студентов, которые проходили стажировку в различных университетах Китая.

Среди университетов Уральского федерального округа РФ наиболее активно развивает сотрудничество с Китаем Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ). Этим университетом в 2018 г. была принята программа «Академическая мобильность», согласно которой осуществляется образовательный обмен студентами с зарубежными вузами продолжительностью 1–2 семестра, при этом результаты обучения перезачитываются в отправляющем вузе. ЮУрГУ организывает обучение как по входящей, так и исходящей академической мобильности. Студенческий обмен осуществляется главным образом с вузами Китая и Казахстана. Приведем ряд примеров академического сотрудничества ЮУрГУ с китайскими университетами.

Так, совместно с Хэйхэским Университетом осуществляется обучение студентов по следующим программам: «Зарубежное регионоведение: Азиатские

исследования», «Филология». Университет предлагает российским студентам одну из самых популярных программ обучения китайскому языку, а также учебные курсы по иероглифике, китайской политике, экономике и культуре. Ежегодно 15–20 студентов из ЮУрГУ в течение года проходят обучение по данной программе. В свою очередь ЮУрГУ принимает китайских студентов из Хайхэского университета, приезжающих для обучения по направлению «Филология», профиль «Русский язык как иностранный».

По условиям межвузовского соглашения в случае обмена на паритетных условиях (при равном количестве направляемых и принимаемых студентов) оба университета обучают приезжающих студентов бесплатно. Университеты также обеспечивают студентов общежитиями. Все иные расходы оплачиваются студентами самостоятельно. С Чжэцзянским Океаническим университетом организовано совместное обучение студентов по таким направлениям, как «Лингвистика», «Химия», «Экология и природопользование», «Архитектура», «Гражданское строительство», «Мехатроника и робототехника», «Электроэнергетика», «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Менеджмент», «Машиностроение». С Китайским нефтяным университетом (кампус в Пекине) – по направлению «Мехатроника и робототехника»; с Хуачжонским Институтом Науки и Технологии – «Архитектурное проектирование», «Градостроительство и ландшафтная архитектура», «Альтернативные источники энергии»; с Северокитайским Электроэнергетическим Университетом – «Электроэнергетика», «Технологии машиностроения», «Мехатроника и робототехника»⁸.

В рамках сетевого университета ШОС в ЮУрГУ реализуется программа обучения в магистратуре китайских студентов по направлениям «Экология и природопользование», «Энергетика», «Экономика», «IT-технологии». В 2023 г. защитили свои выпускные квалификационные работы 69 студентов из КНР⁹.

В настоящее время в ЮУрГУ проводится работа по созданию в Китае на базе вузов-партнеров сети культурно-образовательных центров «Институт Пушкина». Было подписано соглашение об открытии таких центров в Тяньцзиньском университете иностранных языков и в Китайском нефтяном университете¹⁰.

Реализация принципов стратегического партнерства между Россией и Китаем в образовательной сфере существенно увеличивает потенциал мягкой силы обоих государств и в то же время приводит к возрастанию общей мягкой силы ШОС.

⁸ Академическая мобильность – Южно-Уральский государственный университет. Взято 20 сентября 2024, с <https://www.susu.ru/ru/international/academic-mobility>

⁹ В ЮУрГУ защитились студенты из Китая. Челябинск: фото. Взято 20 сентября 2024, с <https://ura.news/news/1052663191?ysclid=m4mntj8qlj93137549>

¹⁰ См.: <https://web.archive.org/web/20220517045809/https://www.susu.ru/ru/news/2018/12/20/v-sostoyalas-prezentaciya-partnerskoy-seti-centrov-institut-pushkina>

Формирование единого образовательного пространства БРИКС и проблема создания нового университетского рейтинга

С момента своего основания в 2006 г. объединение БРИКС (BRICS)¹¹ постепенно начало превращаться в авторитетный международный альянс, выступающий своей деятельностью на базе идеи многополярного мироустройства, принципов справедливости, суверенности и равноправия государств, недопущения любых форм дискриминации и угнетения народов. На последних саммитах БРИКС постоянно подчеркивается необходимость преодоления санкционной и дискриминационной политики, проводимой западными странами и альянсами в отношении противостоящих им государств и союзов. Так, в своем видеообращении к участникам Делового форума БРИКС, проходившем в Йоханнесбурге в 2023 г., Президент России В. В. Путин особо отметил отрицательное влияние, которое оказывают на процесс межгосударственного сотрудничества санкционные практики, проводимые странами Запада: «Серьезное негативное влияние на международную экономическую ситуацию оказывает и нелегитимная санкционная практика, незаконная заморозка активов суверенных государств, а по сути – попрание всех базовых норм и правил свободной торговли и экономической жизни, которые еще не так давно казались незыблемыми»¹².

С 1 января 2024 г. состав БРИКС расширился в связи с вхождением в него пяти новых членов: Ирана, Египта, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), Эфиопии. Это, безусловно, приводит к увеличению совокупного потенциала мягкой силы БРИКС в самых различных областях межгосударственного сотрудничества, в том числе – в образовательной сфере, тем самым остро ставя вопрос о формировании единого информационно-образовательного и цифрового пространства данного объединения¹³. Об этом, в частности, специально говорилось в тексте итоговой декларации XV саммита БРИКС, прошедшего в ЮАР в августе 2023 г.: «Мы поддерживаем принцип содействия взаимному признанию научных степеней государствами БРИКС, с тем чтобы обеспечить мобильность квалифицированных специалистов, ученых и студентов, а также признание степеней, полученных в наших странах, при условии соблюдения действующего национального законодательства... Мы высоко оцениваем успехи сотрудничества в области образования, а также технического и профессионального образования и подготовки (ТПОП) ... Мы обязуемся изучать возможности механизмов сотрудничества БРИКС в области цифрового образования, вести дискуссии по вопросам политики в области цифрового образования, обмениваться цифровыми образовательными ресурсами,

¹¹ Акроним BRICS (БРИКС) появился в 2011 г. и был составлен из первых букв английских названий вошедших в объединение государств – Brazil, Russia, India, China, South Africa (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка).

¹² Видеообращение В. В. Путина к участникам Делового форума БРИКС. Взято 20 сентября 2023, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72085>

¹³ Совместная работа. Тенденции развития образовательной системы БРИКС. Взято 20 сентября 2024, с https://dzen.ru/a/Zhp7_FkVXhQIu7Oe?ysclid=m4ssbv8x505173106

создавать интеллектуальные образовательные системы, совместно содействовать цифровой трансформации образования в странах БРИКС и развитию устойчивого образования путем укрепления сотрудничества в рамках Сетевого университета БРИКС и других инициатив в этой области, включая Лигу университетов БРИКС»¹⁴.

После Йоханнесбургского саммита в научно-образовательных кругах стран БРИКС активно стал обсуждаться вопрос о необходимости создания самостоятельного университетского рейтинга государств – членов БРИКС. Это стало необходимым, во-первых, потому что во многих международных университетских рейтингах слабо учитываются национальные особенности образовательной системы разных государств, а во-вторых, некоторые международные рейтинги университетов целенаправленно дискриминируют вузы отдельных стран. В первую очередь это относится к учебным заведениям России и Китая. Вот почему на их объективность не приходится рассчитывать.

В основу составления университетского рейтинга БРИКС было предложено положить критерии, ставшие базовыми для проекта «Три миссии университета», в котором наряду с традиционными для международных рейтингов ценностных ориентиров, такими как образование и наука, впервые назывался новый вектор и критерий оценок – взаимодействие вуза с обществом. «Одно из наших предложений, – заявил на заседании Совета Российского Союза ректоров ректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова В.А. Сад овничий, – создание рейтинга университетов стран БРИКС на базе проекта “Три миссии университета”»¹⁵. По его словам, с 2020 года Московский международный университетский рейтинг «Три миссии университета» является одним из самых представительных в мире: в нем участвуют 2000 университетов из 112 стран, он учитывает национальные особенности образовательной системы конкретного государства, опирается на объективные показатели¹⁶. В настоящее время этот рейтинг выступает единственным инструментом, позволяющим оценивать международные конкурентные позиции всех российских вузов, независимо от характера текущей политической конъюнктуры. В нем оценивается 459 вузов из 82 регионов России, т. е. фактически все действующие вузы страны. Его ближайшие конкуренты – британская рейтинговая система вузов THE (Times Higher Education World University Ranking) и Шанхайский академический рейтинг университетов (Shanghai Ranking – Academic Ranking of World Universities (ARW), где первый ранжирует только 76 российских вузов, при этом широко используя субъективные оценки опросов. Второй, опираясь на объективные показатели, дает оценку 9 российским вузам.

Согласно позиции Совета Российского Союза ректоров, «Три миссии университета» выступает в качестве наиболее объективного университетского

¹⁴ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, 23 августа 2023 года (Сэндтон, Гаутенг, ЮАР).. Взято 20 сентября 2024, с https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/#sel=81:1:49h,82:171: gmi

¹⁵ См.: https://vk.com/wall-78019879_42567?ysclid=ltjysou731286337423

¹⁶ Там же.

рейтинга, который предполагает максимум участников и минимум субъективности. Вес экспертных субъективных оценок в нем равняется нулю, в то время как в рейтинговой системе ТНЕ он составляет 33%. Кроме того, проект «Три миссии университета», положенный в основу нового университетского рейтинга БРИКС, отражает реальные потребности развития образовательных систем государств, входящих в это объединение, поэтому равноценных альтернатив у данной рейтинговой системы пока нет.

Концепция и методология инновационного университетского рейтинга БРИКС широко обсуждались на международном уровне: на встрече министров образования стран БРИКС, на семинарах с участием представителей министерств и профессиональных сообществ государств – участников объединения. Так, например, был сформулирован принцип прозрачности рейтинга, согласно которому оценка не может быть анонимной, а составители обязаны раскрывать все источники получаемой информации.

В октябре 2024 г. на сайте Московского международного рейтинга «Три миссии университета» был размещен первый выпуск международного списка лучших университетов стран БРИКС¹⁷. Всего в нем оказалось 600 вузов из Бразилии, Египта, Индии, Ирана, Китая, ОАЭ, России, Саудовской Аравии, Эфиопии и ЮАР. По общему числу ранжируемых вузов лидирует Китай (207 вузов из 600 представленных), на втором месте – Россия (161 вуз), на третьем – Индия (93 вуза), четвертое и пятое места заняли Бразилия (55 вузов) и Иран (27 вузов).

Список лучших вузов стран БРИКС возглавил Пекинский университет (КНР), второе место занял МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация). Тройку лидеров замыкает университет Цинхуа (Китай). На 4-м, 7-м, 8-м и 9-м местах расположились соответственно Китайский университет Гонгконга, Университет Тунцзи (Китай), Шанхайский университет Цзяо Тун, Пекинский педагогический университет.

В топ-10 вошли следующие российские вузы: Санкт-Петербургский государственный университет (5-е место), Московский физико-технический институт (МФТИ) – 6-е место, НИУ ВШЭ (Высшая школа экономики – 10-е место. Иначе говоря, в первую десятку вошло шесть китайских и четыре российских университета. Всего в списке топ-100 оказалось 24 университета из России.

Среди университетов из других стран БРИКС наиболее высокие позиции в указанном рейтинге заняли следующие вузы: Кейптаунский университет (ЮАР) – 18-е место; Индийский научный институт (Индия) – 25-е место; Университет короля Сауда (Саудовская Аравия) – 28-е место; Университет Сан Паулу (Бразилия) – 39-е место; Американский университет в Каире (Египет) – 63-е место; Университет ОАЭ (ОАЭ) – 64-е место; Тегеранский медицинский университет (Иран) – 90-е место; Аддис-Абебский университет (Эфиопия) – в диапазоне 351–400-е место.

¹⁷ Опубликован рейтинг университетов стран БРИКС (Forbes Education – обучение за рубежом и в России). Взято 21 октября 2024, с <https://www.forbes.ru/education/523660-opublikovan-rejting-universitetov-stran-briks>

При ранжировании вузов их оценка производилась по 17 критериям, характеризующим деятельность университетов по трем основным направлениям – образование, наука и взаимодействие с обществом, то есть по тем же параметрам, которые представлены в рейтинге «Три миссии университета». Однако их вес в итоговом балле был немного перераспределен. Новым показателем данного рейтинга стало количество совместных с партнерами из БРИКС научных публикаций. Впервые также был введен критерий, отражающий уровень научного сотрудничества с коллегами из стран БРИКС.

Среди наиболее весомых по количеству набираемых баллов рейтинговых показателей являются следующие: количество студентов, приходящихся на одного преподавателя; размер бюджета вуза, приходящийся на одного студента; доля иностранных студентов; количество и частота студенческих побед на международных олимпиадах; активность цитирования научных работ ученых университета в глобальных и национальных рейтинговых системах; количество открытых онлайн-курсов, опубликованных вузом; количество выпускников, имеющих отдельную страницу в «Википедии», информационная открытость вуза.

По данным критериям были оценены 825 вузов стран БРИКС, вошедших в шорт-лист, из которых 600 вошли в итоговый список. При рассмотрении исключались вузы узкого профиля, образовательные программы которых относятся только к одной области знания, университеты менее чем с 500-ми студентами, а также вузы, не признающие трех ученых степеней (бакалавр, магистр, доктор) или их эквиваленты. Основными источниками информации стали сайты самих вузов, органов власти рассматриваемых стран, сайты научных премий и олимпиад, а также агрегаторы социальных сетей «Википедия»¹⁸. Были также составлены отдельные субрейтинги по трем миссиям вузов.

В топ-100 субрейтинга «Научная миссия» лидируют Китай (57 вузов) и Индия (13 вузов). У китайских университетов наблюдается рекордная цитируемость в международных и национальных источниковых базах, внушительные исследовательские бюджеты. У индийских вузов – максимальное количество научных премий как у сотрудников, так и у выпускников.

В субрейтинге «Образование» приоритет у Ирана: учащиеся его университетов регулярно побеждают в студенческих олимпиадах. В этом же субрейтинге лидируют и Объединенные Арабские Эмираты: по доле иностранных учащихся и по отношению бюджета вуза к количеству студентов страна с большим отрывом опережает все остальные государства.

В субрейтинге «Взаимодействие с обществом» высокое место занимает Саудовская Аравия. В ее вузах общественной миссии уделяется большое внимание. Сайты данных вузов имеют наивысшую посещаемость: у каждого в месяц – около полумиллиона пользователей.

¹⁸ Опубликован пилотный рейтинг университетов стран БРИКС. Взято 21 октября 2024, с <https://skillbox.ru/media/education/opublikovan-pilotnyy-reyting-universitetov-stran-briks/>

Необходимо также отметить, что университеты ЮАР и Эфиопии демонстрируют высочайшую активность в соцсетях и на других онлайн-ресурсах.

Российские вузы в субрейтинге «Образование» оказались в составе первой десятки. В частности, у отечественных вузов высокие показатели по количеству побед на студенческих олимпиадах. В топ-100 по общественной миссии пробилась 15 российских вузов, которые выделались количеством открытых онлайн-курсов, уступая в этом только Китаю. По субрейтингу «Наука» самой сильной стороной России стало число премий у сотрудников и выпускников вузов, по которому она вошла в тройку лидеров¹⁹.

Участие государств – членов БРИКС в повышении международного престижа нового вузовского рейтинга не может не способствовать усилению сотрудничества стран данного объединения в научной, образовательной, социальной и трудовой сферах жизни, не может не стимулировать процесс формирования общего пространства взаимного сотрудничества, доверия, взаимной ответственности, чье развитие направлено на пресечение любых форм дискриминации, насилия, попрания суверенитета. Другими словами, создание новой рейтинговой системы вузов БРИКС – это важный этап на пути умножения и усиления базовых компонентов мягкой силы, развиваемой посредством деятельности таких международных альянсов, как ШОС и БРИКС.

Заключение

Исследование образовательного сотрудничества между странами – участниками ШОС и БРИКС, рассматриваемое в контексте теории и практики мягкой силы, – одно из перспективных исследовательских направлений в современной политологии. Центральными акторами такого сотрудничества выступают Россия и Китай, чей образовательный потенциал оказывает решающее воздействие на темпы роста общего образовательного пространства, складывающегося внутри данных международных альянсов. В связи с этим в настоящей статье были подняты вопросы, касающиеся предметной области основных теоретических и документальных источников, посвященных концептуальному анализу проблем изучения мягкой силы, характера образовательного сотрудничества России и Китая в рамках ШОС и БРИКС, становления новой рейтинговой системы университетов БРИКС. Значительное внимание было также уделено рассмотрению вопросов практической реализации силами России и Китая различных образовательных проектов, направленных на взаимное увеличение мягкой силы государств, осуществляемых в рамках ШОС и БРИКС.

На основе изложенного материала считаем возможным сформулировать некоторые общие выводы.

Во-первых, анализ теоретических и документальных источников по теме исследования показал, что в целом они достаточно полно отражают программные и концептуальные установки относительно развития образовательного потенциала

---

¹⁹ Опубликован рейтинг университетов стран БРИКС (Forbes Education – обучение за рубежом и в России). Взято 21 октября 2024, с <https://www.forbes.ru/education/523660-opublikovan-rejting-universitetov-stran-briks>

стратегического сотрудничества между Россией и Китаем в рамках ШОС и БРИКС, сформулированные в официальных документах (декларациях саммитов, решениях профильных министерств, заявлениях, обращениях и материалах выступлений высшего руководства государств). Вместе с тем, при рассмотрении содержания некоторой группы теоретических источников, касающихся проблематики мягкой силы России и Китая, было обнаружено, что большинство авторов продолжают придерживаться западных моделей ранжирования мягкой силы разных государств, тем самым вольно или невольно обозначая свое согласие с западными методологическими и идеологическими установками. Лишь в последнее время, когда на высоком официальном уровне было получено разрешение на создание альтернативных моделей рейтинга мягкой силы с учетом принципиальных отличий ценностных и политических ориентиров ШОС и БРИКС, стали появляться исследования, посвященные теоретико-методологическим вопросам формирования новых рейтинговых моделей мягкой силы, соответствующих принципам ШОС и БРИКС.

Во-вторых, основными лидерами в образовательном пространстве ШОС и БРИКС являются Китай и Россия, при этом Китай лидирует не только в рамках данных объединений, но и на глобальной образовательной арене, занимая в последние годы высокие места в общих рейтингах мягкой силы²⁰. Что касается России, то ее глобальный рейтинг мягкой силы в последние годы неуклонно падает, что в значительной степени связано с дискриминационной политикой, проводимой коллективным Западом в отношении нашего государства. В этой связи для России особенно актуален вопрос о пересмотре методологических основ рейтингов мягкой силы, о важности закладывания в их базу новых параметров, связанных с продвижением таких ценностей, как государственный суверенитет, отстаивание принципов равноправия, ответственность, противодействие гегемонизму и др.

В-третьих, хорошо известно, что Россия и Китай на протяжении многих лет плодотворно взаимодействуют на почве межуниверситетских форм сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС, добиваясь высоких результатов в таких областях, как академические обмены, взаимное признание квалификационных документов, организация и проведение совместных научно-педагогических форумов. Вместе с тем, в последнее время весьма остро встал вопрос о создании особого университетского рейтинга БРИКС, который бы включал такие новые измерительные параметры, как уровень развития IT-технологий, масштаб информационного сотрудничества с членами данных объединений, кадровый потенциал государства и общества для обеспечения партнерского участия в разного рода экономических, академических и гуманитарных обменах для успешного решения задач новой промышленной революции²¹.

²⁰ Китай вышел на 3-е место в рейтинге «мягкой силы» от Brand Finance. Взято 21 октября 2024, с <https://www.interfax.ru/world/949274>

²¹ Концепция пятнадцатого Международного IT-Форума с участием стран БРИКС и ШОС: XV Международный IT-Форум с участием стран БРИКС и ШОС. Взято 21 октября 2024, с <https://itforum.admhmao.ru/2024/kontseptsiya/9887961-kontseptsiya-pyatnadsatogo-mezhdunarodnogo-it-foruma-s-ucha/>

Нам представляется, что с появлением такого университетского рейтинга существенно поднимется образовательный престиж не только России и Китая, но и других участников БРИКС, что будет способствовать общему развитию образовательного пространства данного объединения.

В-четвертых, сегодня на повестку дня встал вопрос о необходимости улучшения координационной работы между объединениями ШОС и БРИКС, касающейся разных сфер их совместной деятельности, поскольку только объединив усилия двух этих альянсов, выстроенных на базе принципов многополярного мироустройства, можно во многом более эффективно осуществлять сопротивление западным санкциям, реализовывать инновационные проекты в финансовой, технологической, научно-образовательной и иных сферах совместных практик. В этой связи можно предположить, что в ближайшее время именно в данном направлении будет формироваться стратегическая и научно-практическая база для эффективного взаимодействия ШОС и БРИКС.

Список литературы

1. Андреев, И. А. (2023). *Феномен «мягкой» силы: концепт, институциональные и технологические аспекты* [Автореф. дис. ... канд. полит. наук, Российский университет дружбы народов]. Российская государственная библиотека. <https://search.rsl.ru/ru/record/01012156772>
2. Антюхова, Е. А. (2018). Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 23(4), 197–209. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17>
3. Беляева, Е. А., Грунт, Е. В. (2020). *Взаимодействие российских и китайских вузов в общеобразовательном пространстве*. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. горн. ун-та.
4. Борисов, Д. А., Савкович, Е. В. (2019). Развитие гуманитарного вектора политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества: роль Университета ШОС. *Вестник Пермского университета*. Политология, 13(2), 78–86. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-2-78-86>
5. Гарбовский, Н. К. (2024). Образовательное пространство БРИКС: ценностные ориентиры и университетские рейтинги. В XXII Международные Лихачевские научные чтения «БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций». 12–13 апреля 2024 г. (12 с.). Взято 15 сентября 2024, с https://www.lihachev.ru/chten/2024/plen/garbovskiy_2024/
6. Дектерева, Е. А., Чернышева, А. М., Трофимова, А. А. (2019). Сетевой университет как инструмент интеграции высшего образования стран БРИКС. *Естественно-гуманитарные исследования*, (23), 25–28.
7. Ефремова, Л. И. (2018). Механизм регулярных встреч глав правительств

России и Китая на службе развития образовательного сотрудничества двух стран. *Постсоветские исследования*, 1(8), 784–790.

8. Ефремова, Л. И., Федоров, Р. Г. (2017). 10 лет университету Шанхайской организации сотрудничества: основные результаты работы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*, 9(4), 363–369. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2017-9-4-363-369>

9. Захаров, М. Ю., Старовойтова, И. Е., Шишкова, А. Н. (2023). Управление академической мобильностью как инструментом «мягкой силы» в современном Китае. *Вестник университета*, (2), 166–172. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-166-173>

10. Керимов, А. А. (2024). БРИКС: состояние, проблемы и перспективы. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*, 50, 52–61. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.52>

11. Ковба, Д. М. (2016). Академическая мобильность в сфере высшего образования в контексте теории «мягкой силы». *Дискурс-Пи*, (3–4), 181–185.

12. Ковба, Д. М., Грибовод, Е. Г. (2019). Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы». *Образование и наука*, 21(10), 9–31. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-9-31>

13. Косякина, А. С. (2022). Российский подход к концепции «мягкая сила». *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, (2), 63–75. <https://doi.org/10.20542/afj-2022-2-63-75>

14. Кучинская, Т. Н. (2017). Китайская модель мягкой силы: современные трансформации. *Дискурс-Пи*, (2), 103–109.

15. Лебедева, М. М., Фор, Ж. (2009). Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России. *Вестник МГИМО-Университета*, (6), 200–205. <https://doi.org/10.24833/2017-8160-2009-6-9-200-205>

16. Ли Мэнлун, Жень Му. (2018). К вопросу о китайско-российском гуманитарном сотрудничестве в рамках ШОС. *Электронный научный журнал «Архетип»*, (6), 17. Взято 15 сентября 2024, с <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kitaysko-rossiyskom-gumanitarnom-sotrudnichestve-v-ramkah-shos/viewer>

17. Манукян, А. Г. (2023). Роль образования в «мягкой силе» современного государства. *Социально-гуманитарные знания*, (3), 133–137. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.3.52986>

18. Най, С. Дж. (младший) (2014). *Будущее власти*. Москва: АСТ.

19. Русакова, О. Ф. (Ред.) (2015). *Soft power: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Издат. Дом «Дискурс-Пи».

20. Садловская, М. В. (2024). Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: современное состояние и перспективы развития. *Международный научно-исследовательский журнал*, (4). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.118> Взято 15 сентября 2024, с <https://research-journal.org/archive/4-142-2024-april/10.23670/IRJ.2024.142.118?ysclid=m4lh41syv2896144390>

21. Трифонова, Д. Д., Лицарева, Е. Ю. (2022). Интернационализация высшего образования в Китае. *Вестник Томского государственного университета. История*, (80), 140–144. <https://doi.org/107223/19988613/80/16>

22. Цвык, Г.И. (2018). Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 18(2), 415–428. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-415-428>
23. Цзэн, Т. (2019). Сравнительное исследование моделей развития университетских союзов стран ШОС и БРИКС. *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*, 3, 38–51. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2019-3-38-51>
24. Чжан, Ю., Керимов, А.А. (2024). «Мягкая сила» во взаимоотношениях Китая и России: направления и механизмы реализации. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*, 47, 100–110. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.100>
25. Шилова, Е.С. (2024). Экспорт российского образования в странах БРИКС: тенденции и перспективы в современных условиях. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, (1), 7–26. <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-1>
26. Holyk, G. G. (2011). Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia. *Political Science Quarterly (PSQ)*, 126(2), 223–254.
27. Kearn, D. (2011). The hard truth about soft power. *Journal of Political Power*, 4(1). <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.556869>
28. Nye, J. (2011). *Soft Power and Higher Education*. Retrieved September 15, 2024, from <https://library.educase.edu/-/media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf>
29. Rusakova, O., Kovba, D., Gribov, E., & Popova, N. (2018). Cultural Diplomacy as the Intellectual Capital of Soft Power Exercised by the Shanghai Cooperation Organization Member states. In *Proceedings of the 15th International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management & Organisational Learning ICICKM. Hosted by the University of the Western Cape South Africa 29–30 November 2018. Edited by Prof. Shaun Pather* (pp. 277–284).
30. Slobodchikoff, M.O. (2017). Roots of Russian Soft Power: Rethinking Russian National Identity. *Comparative Politics*, 8(2), 19–36. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-19-36>

References

1. Andreev, I.A. (2023). *Fenomen “myagkoy” sily: kontsept, institutsional’nye i tekhnologicheskie aspekty* [The phenomenon of “soft” power: concept, institutional and technological aspects] [Abstract of Dissertation, RUDN University]. Russian State Library. <https://search.rsl.ru/ru/record/01012156772>
2. Antyukhova, E.A. (2018). *Obrazovanie kak “myagkaya sila” v sovremennykh zarubezhnykh i rossiyskikh politologicheskikh issledovaniyakh* [Education as a soft power in modern foreign and Russian politological research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 23(4), 197–209. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17>

3. Belyaeva, E. A., & Grunt, E. V. (2020). *Vzaimodeystvie rossiyskikh i kitayskikh vuzov v obshcheobrazovatel'nom prostranstve* [Interaction of Russian and Chinese universities in the general education space]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. gorn. un-ta.
4. Borisov, D. A., & Savkovich, E. V. (2019). *Razvitie gumanitarnogo vektora politiki bezopasnosti Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva: rol' Universiteta ShOS* [Development of the humanitarian vector in security of the Shanghai Cooperation Organization: role of the university of SCO]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 13(2), 78–86. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-2-78-86>
5. Degteryova, E. A., Chernysheva, A. M., & Trofimova, A. A. (2019). *Setevoy universitet kak instrument integratsii vysshego obrazovaniya stran BRIKS* [Etwork university as a tool for the integration of higher education BRICS countries]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, (23), 25–28.
6. Efremova, L. I. (2018). *Mekhanizm regulyarnykh vstrech glav pravitel'stv Rossii i Kitaya na sluzhbe razvitiya obrazovatel'nogo sotrudnichestva dvukh stran* [The mechanism of regular meetings of the Heads of Government of Russia and China in the service of the development of educational cooperation between the two countries]. *Postsovetskie issledovaniya*, 1(8), 784–790.
7. Efremova, L. I., & Fedorov, R. G. (2017). *10 let universitetu Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva: osnovnye rezul'taty raboty* [10 years of university of shanghai cooperation organization: main results]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya*, 9(4), 363–369. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2017-9-4-363-369>
8. Garbovsky, N. K. (2024). *Obrazovatel'noe prostranstvo BRIKS: tsennostnye orientiry i universitetskie reytingi* [The BRICS Educational Space: Value orientations and university rankings]. In *XXII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya "BRIKS kak novoe prostranstvo dialoga kul'tur i tsivilizatsiy"*. 12–13 aprelya 2024 g. (12 p.). Retrieved September 15, 2024, from https://www.likhachev.ru/chten/2024/plen/garbovskiy_2024/
9. Holyk, G. G. (2011). Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia. *Political Science Quarterly (PSQ)*, 126(2), 223–254.
10. Kearn, D. (2011). The hard truth about soft power. *Journal of Political Power*, 4(1). <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.556869>
11. Kerimov, A. A. (2024). *BRIKS: sostoyanie, problemy i perspektivy* [BRICS: state, problems and prospects]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*, 50, 52–61. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.52>
12. Kosiakina, A. S. (2022). *Rossiyskiy podkhod k kontseptsii "myagkaya sila"* [The Russian approach to the "soft power" concept]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, (2), 63–75. <https://doi.org/10.20542/afij-2022-2-63-75>
13. Kovba, D. M. (2016). *Akademicheskaya mobil'nost' v sfere vysshego obrazovaniya v kontekste teorii "myagkoy sily"* [Academic mobility in higher education in the context of the "soft power" theory]. *Diskurs-Pi*, (3–4), 181–185.
14. Kovba, D. M., & Gribovod, E. G. (2019). *Mezhdunarodnaya akademicheskaya mobil'nost' skvoz' prizmu teorii "myagkoy sily"* [International academic mobility

through the prism of “soft power” theory]. *Obrazovanie i nauka*, 21(10), 9–31. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-9-31>

15. Kuchinskaya, T.N. (2017). Kitayskaya model' myagkoy sily: sovremennye transformatsii [Chinese model of soft power: modern transformations]. *Diskurs-Pi*, (2), 103–109.

16. Lebedeva, M.M., For, Zh. (2009). Vysshee obrazovanie kak potentsial “myagkoy sily” Rossii [Higher education as the potential of Russia’s “soft power”]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, (6), 200–205. <https://doi.org/10.24833/2017-8160-2009-6-9-200-205>

17. Li Menlun, Zhen' Mu. (2018). K voprosu o kitaysko-rossiyskom gumanitarnom sotrudnichestve v ramkakh ShOS. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal “Arkhetip”*, (6), 17. Retrieved September 15, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kitaysko-rossiyskom-gumanitarnom-sotrudnichestve-v-ramkah-shos/viewer>

18. Manukyan, A.R. (2023). Rol' obrazovaniya v “myagkoy sile” sovremenogo gosudarstva [The role of education in the “soft power” of the modern state]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, (3), 133–137. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.3.52986>

19. Nye, J. (2011). *Soft Power and Higher Education*. Retrieved September 15, 2024, from <https://library.educase.edu/-/media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf>

20. Nye, J., Jr. (2014). *Budushchee vlasti* [The future of power]. Moscow: AST.

21. Rusakova, O., Kovba, D., Gribov, E., & Popova, N. (2018). Cultural Diplomacy as the Intellectual Capital of Soft Power Exercised by the Shanghai Cooperation Organization Member states. In *Proceedings of the 15th International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management & Organisational Learning ICICKM. Hosted by the University of the Western Cape South Africa 29–30 November 2018*. Edited by Prof. Shaun Pather (pp. 277–284).

22. Rusakova, O.F. (Ed.) (2015). *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izdat. Dom “Diskurs-Pi”.

23. Sadlovskaya, M.V. (2024). Sotrudnichestvo RF i KNR v sfere obrazovaniya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Cooperation between the Russian Federation and the PRC in the sphere of education: current state and prospects for development]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, (4). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.118> Retrieved September 15, 2024, from <https://research-journal.org/archive/4-142-2024-april/10.23670/IRJ.2024.142.118?ysclid=m4lh41svv2896144390>

24. Shilova, E.S. (2024). Eksport rossiyskogo obrazovaniya v stranakh BRIKS: tendentsii i perspektivy v sovremennykh usloviyakh [Export of Russian education to BRICS countries: trends and prospects in current circumstances]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki*, (1), 7–26. <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-1>

25. Slobodchikoff, M.O. (2017). Roots of Russian Soft Power: Rethinking Russian National Identity. *Comparative Politics*, 8(2), 19–36. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-19-36>

26. Trifonova, D.D., & Lizareva, E. Yu. (2022). Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya v Kitae [Internationalization of higher education in China].

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, (80), 140–144. <https://doi.org/107223/19988613/80/16>

27. Tsvyk, G.I. (2018). Rossiysko-kitayskoe gumanitarnoe sotrudnichestvo v ramkakh ShOS [Russian-Chinese humanitarian cooperation within the Shanghai Cooperation Organization]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 18(2), 415–428. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-415-428>

28. Zakharov, M. Yu., Starovoytova, I.E., & Shishkova, A. V. (2023). Upravlenie akademicheskoy mobil'nost'yu kak instrumentom "myagkoy sily" v sovremennom Kitae [Managing academic mobility as a tool of "soft power" in contemporary China]. *Vestnik universiteta*, (2), 166–172. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-166-173>

29. Zeng, T. (2019). Sravnitel'noe issledovanie modeley razvitiya universitetskikh soyuzov stran ShOS i BRIKS [A comparative study of SCO and BRICS university unions' development models]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie*, 3, 38–51. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2019-3-38-51>

30. Zhang, Yu., & Kerimov, A.A. (2024). "Myagkaya sila" vo vzaimootnosheniyakh Kitaya i Rossii: napravleniya i mekhanizmy realizatsii ["Soft power" in China-Russia relations: directions and implementation mechanisms]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*, 47, 100–110. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.100>

Информация об авторах

Ольга Фредовна Русакова, Заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

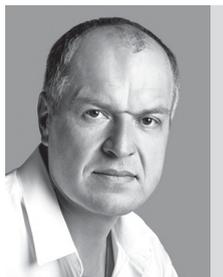
Татiana Владимировна Кант, преподаватель, Центр дистанционных программ дополнительного образования Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5645-8372>, e-mail: Tatiana.Kant@bk.ru

Information about the authors

Olga Fredovna Rusakova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Sciences), Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Tatiana Vladimirovna Kant, Lecturer, Center for Distance Education Programs of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5645-8372>, e-mail: Tatiana.Kant@bk.ru

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВЕТСКОМ СПОРТЕ. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ

Сергей Вячеславович Мошкин,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
osa-sv@yandex.ru

Получена 23.09.2024.

Поступила после рецензирования 28.10.2024.

Принята к публикации 15.11.2024.

Для цитирования: Мошкин С.В. Воспоминания о советском спорте. Опыт социологического наблюдения // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 82–98. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_82

Аннотация

В статье представлены результаты этюдного социологического исследования, выполненного методом полужформализованного интервью на тему представлений и воспоминаний о советском спорте. В качестве информантов выступили жители российского мегаполиса в возрасте от 24 до 75 лет. Интервью проводилось без предварительной подготовки со стороны информантов, в ходе разговора они демонстрировали так называемую «спонтанную память» о советском спорте. Исследование выявило существенный «поколенческий разрыв» в представлениях о роли и социальной значимости спорта в СССР между условно названным «советским поколением» (рожденные примерно до 1980 года) и более молодыми возрастными – «постсоветским поколением». Если для первых советский спорт – это

© Мошкин С.В., 2024

прежде всего ностальгические воспоминания о его массовости и доступности для простых людей, а также как о почти единственной форме организованного коллективного досуга, то вторые видят в советском спорте главным образом расчетливую государственную политику, нацеленную на воспитание крепких, дисциплинированных людей, способных к физическому труду и военной службе, а также на демонстрацию посредством спорта преимуществ социалистического строя. В статье отмечается, что спорт метафизические связан с войной, что спорт – это сублимация войны в условиях мирного времени. Не удивительно поэтому, что в России государственные усилия последних лет по форматированию национальной идентичности на основе военно-патриотического нарратива коснулись и спортивной тематики, что, в частности, проявилось в создании индустрии спортивного исторического кино. Однако результаты исследования показывают, что коллективная память о советском спорте обладает достаточно слабым потенциалом для установления военно-патриотического нарратива национальной идентичности у ныне живущих и будущих поколений россиян.

Ключевые слова:

политика памяти, национальная идентичность, советский спорт, память о спорте, «поколенческий разрыв», спортивный исторический фильм

Источники финансирования:

статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда за счет гранта «Советско-российский спорт как структурный компонент современной политики памяти», № 24–28–01095, <https://rscf.ru/project/24-28-01095/>

RECOLLECTIONS OF THE SOVIET SPORTS. A PRELIMINARY SOCIOLOGICAL SURVEY

Sergey V. Moshkin,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
osa-sv@yandex.ru

Received 23.09.2024.

Revised 28.10.2024.

Accepted 15.11.2024.

For citation: Moshkin, S.V. (2024). Recollections of the Soviet Sports. A Preliminary Sociological Survey. *Discourse-P*, 21(4), 82–98. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_82

Abstract

The article presents the findings of an etude sociological survey, conducted using semi-structured interviews focused on perceptions and memories of Soviet sports. The informants were residents of a Russian megacity aged between 24 and 75 years. The interviews were held without prior preparation, allowing respondents to demonstrate what is referred to as “spontaneous memory” of Soviet sports. The study revealed a significant “generation gap” between the provisionally named “Soviet generation” (those born before 1980) and younger respondents – the “post-Soviet generation” – in their perceptions of the role and social significance of sports in the USSR. For the former, Soviet sports primarily evoke nostalgic memories of its mass popularity and accessibility for ordinary people, as well as being almost the only form of organized collective leisure activity. In contrast, the latter view Soviet sports mainly as a calculated state policy aimed at cultivating strong, disciplined individuals capable of physical labor and military service, as well as demonstrating the advantages of the socialist system through sports.

The article emphasizes that sports are metaphysically connected to war, serving as sublimation of conflict in peacetime. Therefore, it is not surprising, that in recent years, the Russian government’s efforts to shape national identity based on a military-patriotic narrative have encompassed sports themes, which is particularly evident in the emergence of a sports historical film industry. However, the survey results

indicate that the collective memory of Soviet sports has a rather weak potential for establishing a military-patriotic narrative of national identity among current and future generations of Russians.

Keywords:

the politics of memory, national identity, the Soviet sports, memories of sports, “generation gap”, sports historical movie

Funding:

The article is prepared with the financial support of the Russian Science Foundation through Grant “The Soviet-Russian Sports as a Structural Component of Modern Politics of Memory”, No. 24–28–01095, <https://rscf.ru/project/24-28-01095/>

Введение

На рубеже XIX–XX вв. практически во всех индустриальных странах наблюдался повышенный интерес к занятиям спортом. Этому способствовало ряд обстоятельств, главными из которых были процессы урбанизации и появление «массового городского жителя», обладающего достаточным свободным временем для организации досуга, в котором спорт играл не последнюю роль. Это в свою очередь приводило к тому, что спорт из элитарного времяпрепровождения превращался в доступное занятие для всех. Взрывной рост популярности футбола в тот период – наглядный тому пример. Спорт поистине становился массовым.

Другой, не менее важной причиной возросшего интереса к спортивным занятиям стало, как это ни парадоксально звучит, появление массовой армии, требующей от мобилизованной солдатской массы необходимых физических качеств на войне – главным образом стойкости, силы и выносливости, формировать которые следовало загодя, до начала военных действий. Именно в слабости физической подготовки французских солдат видел одну из причин поражения Франции во франко-прусской войне 1870–1871 гг. основатель современного олимпийского движения барон Пьер де Кубертен. Исправить эту ситуацию можно было только за счет масштабного вовлечения населения в спорт, в массовый спорт. Историки физической культуры подтверждают, что превращение спорта в массовый феномен в начале XX века происходит при непосредственной и активной поддержке армии, поскольку идеальный образ спортсмена отвечал всем требованиям к современному солдату (Кильдюшов, 2010, с. 190). Видимо, по этой причине язык спорта стал вполне себе милитарным языком: «оборона», «нападение», «схватка», «бой», «фланговый удар», «атака», «тренерский штаб», «бомбардир» – все эти слова из спортивного лексикона (Филиппова, 2011).

Россия в развитии массового спорта двигалась в общем русле европейских процессов, пусть и с некоторым отставанием. С 1890 года гимнастика стала обязательным предметом во всех средних учебных заведениях. Впрочем, и здесь это была военная гимнастика, поскольку гражданских преподавателей предмета не было вовсе, как и соответствующего оборудования и помещений, преподавать гимнастику в гражданских учебных заведениях было поручено армейским офицерам. Именно военная гимнастика стала основой физического воспитания детей и юношей в России (Шилько, 2018, с. 36).

К 1900 году в России существовало около 50 спортивных обществ, к 1904-му их число увеличилось до 100. Россия выступила соучредителем Международного олимпийского комитета, а в 1911 г. сформировала собственный Российский олимпийский комитет (РОК). По данным РОК в 1913 г. в России числилось 445 спортивных обществ и клубов, а на 1 января 1915 г. в государстве насчитывалось уже 1266 спортивных организаций, выходили в свет 34 периодических издания по спортивной тематике¹.

Большевистская революция 1917 года не остановила процесс развития массового спорта, а напротив, умело приспособила его к собственным задачам. Страна была объявлена военным лагерем, в котором спорт должен был играть важнейшую роль в формировании Человека нового типа, Человека революционной эпохи, целеустремленного, выносливого и физически крепкого, способного к созидательному труду на производстве, а в случае необходимости и к вооруженной защите пролетарского государства. В резолюции III съезда комсомола, на котором в октябре 1920 г. присутствовал сам Ленин, об этом говорилось прямо: «В настоящий момент физическое воспитание преследует также непосредственно практические цели: подготовку молодежи 1) к трудовой (производственной) деятельности и 2) к вооруженной защите социалистического отечества»².

По сути, досуговые практики занятия спортом в СССР должны были стать гражданским догом каждого советского человека, сами «власти настаивали на том, что заниматься спортом – гражданский долг» (О'Махоуни, 2010, с. 21). В 1931 г. была развернута всесоюзная физкультурная кампания под лозунгом «Готов к труду и обороне» (ГТО), ставшая со временем самым массовым спортивным движением в стране, охватывающим практически все слои и группы советского общества (Хоскинг, 2012, с. 193). Пропаганда без устали призывала детей и взрослых заниматься физкультурой. В СССР повсеместно создавались спортивные клубы, открывались бесчисленные кружки и секции любителей спорта на предприятиях, в рабочих клубах и школах. По всей стране проводились десятки тысяч соревнований и спартакиад от всесоюзного

¹ История возникновения клубного движения в России от XIX века до наших дней. Взято 14 августа 2024, с <https://fcomofv.ru/files/ioe/documents/83Z6W1OZRQ4TK2O9DJY.pdf>

² Третий всероссийский съезд РКСМ 2–10 октября 1920 года: стеногр. отчет / ИСТМОЛ ЦК РКСМ. Комиссия по изучению истории юношеского движения в России. Москва; Ленинград: Молодая гвардия, 1926. С. 286.

до поселкового уровня. Парады физкультурников стали обязательным атрибутом главных государственных праздников. Спорт присутствовал повсюду: на почтовых марках и открытках, в газетах и журналах, в радиопостановках и на экранах кинематографа. Изображения спортсменов можно было увидеть на художественных выставках, в фойе государственных учреждений, павильонах метро, городских парках и даже на кухонной посуде, детских игрушках, тканях и обоях. Одним словом, спорт буквально пропитал мир повседневности советских людей.

До Второй мировой войны советский спорт практически не был представлен на международной арене, страна жила в режиме осажденного лагеря. Зато после ее завершения, когда авторитет Советского Союза как страны-победительницы невероятно возрос во всем мире, спорт в СССР приобрел еще одну важную функцию. В условиях холодной войны битвы на спортивных площадках заменили собой реальные боевые столкновения, произошла сублимация войны в спортивное соперничество между странами. Спорт как бы предоставил в условиях мирного времени возможность легального применения силы, которая воспринималась как одно из условий существования сверхдержавы под названием Советский Союз (Злотникова, Куимова, 2021, с. 140). Теперь спорт в СССР стал не только средством воспитания нового Человека: достижения спортсменов на международных турнирах (наряду с достижениями советской науки и искусства) советские люди стали воспринимать как наглядный пример и доказательство преимуществ социалистического строя над миром капитала.

Успешно дебютировав на Олимпиаде в Хельсинки в 1952 году, Советский Союз удерживал лидерские позиции в мировом спорте все последующие годы вплоть до своего распада, явив миру сотни ярких побед и рекордов, десятки уникальных спортсменов, чьи имена были у всех на устах и чьи достижениями гордилась буквально вся страна (Панькова, 2019). Спорт стал визитной карточкой СССР, демонстрацией немеркнущего успеха страны и предметом особой гордости советских людей.

С обретением государственного суверенитета в самом начале 1990-х годов россияне по-прежнему гордились своим спортом, именно своим, пускай еще вчера всесоюзным, а сегодня ставшим российским. Они естественным образом проецировали свои воспоминания и свою гордость на спорт как таковой, без всякого разделения на условную дату. По сути, они гордились советским спортом и советскими достижениями. Никакого когнитивного диссонанса при этом не испытывали, переименование спорта из «советского» в «российский» большинство восприняло как формальную смену вывесок. Спорт – наш, герои и рекорды – наши, это наша история, наши победы, и не надо тут никаких разделений. Летом 2013 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты национального опроса о том, что вызывает у россиян наибольшую гордость за страну. На первом месте предпочтений оказалась отечественная история, ею гордились 85 % опрошенных, на третьем месте – гордость за российскую культуру и искусство (75 %),

а вот на уверенном втором месте в «рейтинге национальной гордости» оказался отечественный спорт и спортсмены с результатом в 77% от числа опрошенных³. В 2016 г. это значение чуть снизилось: 75% опрошенных россиян назвали отечественный спорт предметом их гордости⁴. В последующие годы этот показатель неуклонно снижался и опустился в 2024 г. до уровня 3%⁵. Однако это не значит, что о спорте почти забыли, просто под воздействием пропаганды он был вытеснен на периферию мировосприятия россиян более значимыми поводами для гордости, такими как величие страны, ресурсное изобилие, военная мощь, сплоченность народа и патриотизм.

Доверимся цифрам ВЦИОМ, однако зададимся вопросом: а что, собственно, о советском спорте сохранилось в памяти россиян к 2024 году, то есть спустя тридцать с небольшим лет после прекращения существования СССР? Чтобы это выяснить, нами было предпринято этюдное социологическое исследование, в ходе которого методом полуструктурированного интервью было опрошено 15 человек, мужчин и женщин, в возрасте от 24 до 75 лет. Все информанты – жители крупного российского города, имеют преимущественно высшее образование, они не являлись и не являются, что важно для исследования, профессиональными спортсменами, хотя практически каждый имеет опыт занятия физической культурой и спортом, как правило в детско-юношеские годы. Информанты не знали о теме предстоящего интервью, заранее не готовились к нему и в ходе разговора демонстрировали так называемую «спонтанную память» о советском спорте. Все беседы проходили в неформальной обстановке, ответы информантов с их согласия фиксировались аудиозаписью.

Результаты исследования

Поскольку «жанр этюдного исследования заведомо не требует полного изучения предмета или его всестороннего анализа и трактовки» (Трифорова, Ерохина, 2017, с. 2), мы не претендуем на исчерпывающее освещение заявленной темы, а рассматриваем результаты социологического этюда и полученные выводы скорее как постановку вопроса о содержании исторической памяти россиян о советском спорте для дальнейшего изучения.

Многоликий состав информантов подвигнул нас в процессе исследования выполнить некоторую сепарацию группы. Проще всего это было сделать по возрастному или поколенческому признаку. Если учесть, что поколение – это

---

³ ВЦИОМ. История, спорт, наука: чем гордятся россияне? Взято 15 августа 2024, с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-sport-nauka-chem-gordiyatsya-rossiyane>

⁴ ВЦИОМ. Родина – это звучит гордо! Взято 15 августа 2024, с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rodina-eto-zvuchit-gordo>

⁵ ВЦИОМ. О национальной гордости великороссов – 2024. Взято 3 сентября 2024, с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov-2024>

«сообщество людей сходного возраста, близкое к непосредственно переживаемым событиям, которое сознает свое отличие от предшествующих и последующих поколений» (Ассман, 2018, с. 23), опрошенных нами информантов мы условно разделили на тех, кто имеет личный опыт и личные воспоминания о жизни в СССР и, соответственно, о советском спорте (рожденные примерно до 1980 года), и тех, для кого представления о спорте в СССР при отсутствии личного опыта советской жизни сформированы наличествующей в обществе исторической памятью (весьма неоднозначной и противоречивой) о советском прошлом. Для удобства изложения рожденных в советские годы назовем «советское поколение», других – «постсоветское поколение».

Первое, что объединяет людей «советского поколения» в их воспоминаниях о советском спорте – это ностальгия по былой доступности и массовости спорта для всех желающих, особенно для детей. В данном случае мы используем слово «ностальгия» в его прямом значении – как «острое переживание прошлого в качестве утраты» (Злотникова, Куимова, 2021, с. 135). В их высказываниях прошлое, отчасти идеализированное, противопоставляется настоящему, как правило не в пользу последнего, при этом демаркационной линией между прошлым и настоящим является распад Советского Союза, переход к рыночной экономике и последовавшая за этим коммерциализация спорта.

– *В каждом дворе, в школе, в каждом дворце спорта были детские спортивные секции, причем они были бесплатные! Их было много, и ребенка можно было спокойно туда отправить. Сейчас тоже есть, но это всё равно больше на коммерческой основе. А раньше он был доступен, и все дети, мне кажется, были в спорте (жен., 51 год).*

– *В советское время было больше возможностей, это было как-то доступно. И секции были бесплатными для ребятнишек, и кортов было много. Футбол тоже гоняли мальчишки во дворах. А потом в 90-е это всё огораживалось: решетки, заборы, всё сужалось, скукоживалось... А секции потом перешли на платные (жен., 52 года).*

При этом информанты «советского поколения» достаточно единодушны в объяснении причин популярности занятием спортом в советские годы. Это, прежде всего, дефицит организованного досуга. Спорт в этом смысле был хорошим компенсатором общей скудности жизни.

– *Тогда ведь не было другой альтернативы. Детей нужно было чем-то занять. И спортивные секции, в этом случае, были самым доступным способом, поэтому спортом занимались (жен., 51 год).*

– *Это делалось, чтобы жизнь людей как-то разнообразить, других форм было еще мало. А вот спорт был таким (муж., 75 лет).*

Еще раз заметим, высказывая подобные суждения, информанты «советского поколения» воспроизводили свой личный жизненный опыт, свои наблюдения и оценки о жизни в СССР, делились своими личными воспоминаниями о спортивных событиях и процессах, в которых они сами принимали непосредственное участие или были их живыми свидетелями. Другое дело информанты «постсоветского поколения». Для них представления о советском спорте – это

усвоенные ими и принятые в свой внутренний мир чужие воспоминания, чужая память. Она, эта «чужая» память, как метафорично писала Алейда Ассман, «вращает в человека извне» (Ассман, 2018, с. 22). Отсюда некоторая отстраненность в суждениях о советском спорте, ведь в ходе интервью они говорили о том, чего не видели и не чувствовали сами, но о чем много слышали от своих родителей, старших коллег по работе, читали в книгах и учебниках, смотрели в кино и по телевидению. Причину популярности спорта в СССР они видят прежде всего в целенаправленной государственной политике и пропаганде по развитию физкультуры и спорта, акцентируя внимание на внешнеполитическую презентацию Советского Союза посредством спорта. Отсутствие личного опыта жизни в советские годы, в том числе эмоционального, вынуждает их искать рациональные, в данном случае статистические, причины популярности спорта в СССР.

– *Поскольку в послевоенном периоде у нас была конфронтация, биполярный мир, то советский спорт был в авангарде этой борьбы. Он представлял другое видение мира, другую идеологию. Состязательность в сфере спорта была в рамках противостояния коммунистической идеологии с либерально-капиталистической (муж., 33 года).*

– *Я считаю, что такое особое внимание к спорту в Советском Союзе исходило из такой характеристики советской системы, как построение нового человека, человека – строителя коммунизма, который должен быть образцом для всего остального мира, в том числе в духовном и в физическом плане (муж., 24 года).*

– *Тут понятно: спорт как очередная витрина социализма, как демонстрация того, что этот образ жизни, этот режим лучше, чем другие (жен., 40 лет).*

Вряд ли кто будет оспаривать тезис, что восприятие истории будет отличаться у разных поколений, поскольку время разделяет людей. Но дело даже не в дате рождения. Поколение образуют те, кто в схожих исторических условиях совместно пережили уникальный жизненный опыт. Более того, «очень важно также некоторое выдающееся историческое событие, которое окрашивает собой эпоху и мистическим образом превращает статистическую выборку в поколение» (Пастухов, 2023, с. 485). Применительно к нашему разговору это означает, что у «советского» и у «постсоветского» поколений должны быть в памяти какие-то выдающиеся спортивные события, эмоционально ярко пережитые ими, запомнившиеся им на всю жизнь и невидимыми нитями объединившие эту поколенческую страту. И такие события есть.

Для «советского поколения» это, безусловно, летние Олимпийские игры в Москве в 1980 году. Практически все информанты старшего поколения называли Московскую Олимпиаду самым ярким спортивным событием своей жизни. Это событие в их «спонтанной памяти» буквально заслонило собой все предшествующие и последующие соревнования. С большим отставанием по частотности упоминаний за Олимпиадой-80 следует хоккейная супер-серия СССР – Канада 1972 года.

– Ну вот Олимпиада-80, которая у нас проходила. Была красивая организация, открытие. Для нас ведь тогда не было красивых организаций мероприятий, а здесь уже было по тем годам какой-то прорыв (жен., 67 лет).

– Олимпиада-80, конечно, московская (муж., 75 лет).

– «До свидания, наш ласковый Миша»... Трогательно очень было, я там даже как-то тосковала. Трогательно, когда Мишка улетал... (жен., 52 года).

У представителей «постсоветского поколения» иные приоритеты. Для них важнейшим спортивным событием в жизни стала другая Олимпиада – Сочинская 2014 года, а также Чемпионат мира по футболу, проходивший в России в 2018 году.

– Это Олимпиада в Сочи 2014-го года. Меня впечатлили церемония открытия. Мы презентовали себя, свою страну, свою историю перед широкой международной аудиторией... И второе, пожалуй, событие – это Чемпионат мира по футболу 2018-го года. Я видел всю эту международную толпу, всех этих болельщиков, которые к нам приехали (муж., 24 года).

– Что меня лично вовлекло, это Чемпионат мира по футболу, который проходил в 18-м году. Это было какое-то ощущение праздника, какого-то ликования. Необычно всё. И меня это тоже зацепило, было интересно это всё (муж., 42 года).

Однако в адрес Сочинской олимпиады информанты «постсоветского поколения» высказали и довольно резкие суждения из-за допингового скандала, случившегося на ней с российской сборной. Более того, это спортивное событие ряд собеседников назвали крупнейшим провалом и позором в истории отечественного спорта.

– Вся эта схема с РУСАДА, которая была раскрыта. Можно ей верить, можно нет. Но я склонен ей верить, потому что она достаточно стройно звучит. Это главный, наверное, провал российского спорта в истории (муж., 33 года).

– Сочинская Олимпиада. Допинг. Достигнутые результаты оказались достигнуты за счет нечестных приемов, за счет того, что само государство в виде государственных структур способствовало употреблению допинга спортсменами, подмене проб и так далее. Это и до сих пор кажется очень позорным (жен., 40 лет).

Заметим сразу, представители «советского поколения» не высказали ни одного критического замечания по поводу Сочи-2014 и допингового скандала в частности. Напротив, они скорее склонны видеть в этой истории происки недоброжелателей и считать обвинения в употреблении допинга в адрес российских спортсменов несправедливыми.

– Это же был явно наезд на нас со стороны ВАДА. Это же продолжение холодной войны фактически. Сейчас всё обострилось, и они уже не могут оставить спорт без такого вот воздействия (муж., 75 лет).

– Допингами замучили наших полностью, замордовали. Хотя сами там на этом деле живут все (муж., 76 лет)

Историческая память о спорте – это не только коллективная память о ярких спортивных событиях, но прежде всего память о выдающихся спортсменах, олицетворяющих собою спорт как таковой. И здесь мы снова видим «поколенческий разрыв» между двумя группами информантов. Спортсмены, чьи имена будоражили «советское поколение», за кого болели и переживали, кем восхищались и гордились, эти кумиры почти забыты. У «постсоветского поколения» свои спортивные герои.

Вот частотность «спонтанного вспоминания» имен выдающихся советских спортсменов у группы информантов «советского поколения».

Хоккей: Харламов – 3 упоминания, Третьяк – 2 упоминания, Старшинов, братья Майоровы, Михайлов, Петров, Фирсов,

Биатлон: Тихонов

Фигурное катание: Роднина – 2 упоминания, Зайцев

Лыжные гонки: Сметанина, Вяльбе

Футбол: Яшин

Легкая атлетика: Брумель

Бокс: Попенченко, Лагутин

Тяжелая атлетика: Власов

Плавание: Сальников

Шахматы: Карпов

Информанты называли имена спортсменов спонтанно, что первое приходило на ум. Но сам перечень видов спорта весьма характерен: это самые популярные и культивируемые виды спорта в СССР, в которых советские спортсмены достигли выдающихся результатов.

Теперь посмотрим, кого из советских спортсменов «спонтанно помнят» представители «постсоветского поколения».

Хоккей: Харламов – 5 упоминаний, Третьяк – 2 упоминания, Фетисов, Михайлов, Петров, Ларионов, Крутов

Футбол: Яшин – 3 упоминания, Понедельник – 2 упоминания, Блохин, Черенков

Легкая атлетика: Бубка

Фигурное катание: Бестемьянова, Букин

Тяжелая атлетика: Власов

Шахматы: Карпов, Каспаров

Очевидно, что в матрицу «памяти трех поколений» (некоторые молодые информанты действительно могли быть по возрасту внуками и внучками представителям старшего поколения опрошенных), названной А. Ассман «оперативной памятью общества» (Ассман, 2018, с. 22), вошло не так уж много имен советских спортсменов – Харламов, Третьяк, Михайлов, Петров, Яшин, Власов, Карпов, но и они, не стоит сомневаться, с очередной сменой поколения, через 20–30 лет, будут изрядно подзабыты, а их место займут другие герои. Таковы уж законы социальной памяти. При этом можно предположить, что лидерство Харламова в этом списке, как и других хоккеистов, обеспечено благодаря художественному фильму «Легенда № 17», вышедшему на экраны страны в 2013 г.

Этот фильм буквально возродил в памяти россиян имя легендарного советского хоккеиста и является наглядным примером успешной коммеморативной практики посредством кинематографа.

Однако эффективность кино для воспроизводства памяти о советском спорте не стоит преувеличивать. За последние 10–15 лет в России было снято полтора десятка исторических фильмов на спортивную тематику. В этом смысле, «спортивный исторический фильм в России гипотетически является одной из немногих альтернатив “военному прошлому”, самому тиражируемому образу истории страны в сегменте популярного кинематографа» (Исаев, Пожидаева, 2016, с. 128). Однако как и современные фильмы о войне, фильмы о спорте работают на формирование патриотической повестки современной России через осмысление успехов прежней советской эпохи. Поэтому они – скорее продукт запроса государственной идеологии на новую российскую идентичность, сформированную в рамках государственной исторической политики.

Казенный заказ порождает единообразие. Не удивительно поэтому, что все последние исторические фильмы о спорте сделаны по одним лекалам: в них «явлен особый тип культурного героя – волевого, сильного человека, преодолевающего все препятствия, который в обязательном порядке представляет интересы страны на спортивной арене и признается другими державами, любим народом»; незамысловата и сюжетная канва: «простой парень – неожиданность и даже случайность его успеха – любовь как испытание и награда – верность выбранному пути – испытания завистью и ревностью – победа как награда» (Злотникова, Куимова, 2021, с. 140). Сценарные приемы, оправдавшие себя в «Легенде № 17», стали бездумно повторяться и копироваться в других фильмах, что не могло не сказаться на реакции зрительской аудитории. Фильмы о спорте стали просто неинтересны.

Примечательно, что из 15 информантов нашего этюдного исследования только четверо посмотрели «Легенду № 17», и, как правило, это был единственный ими просмотренный спортивный фильм; еще столько же знали о существовании этого фильма и о его главном герое. Остальные проявили полную индифферентность к отечественному спортивному кино.

– *Не смотрел ни одного! Не хотел просто. Не доверяю я современным этим сценаристам. Они наверняка там врут... (муж., 75 лет).*

– *Только один, на самом деле, приходит на память. Это «Легенда № 17» с Козловским. Пожалуй, всё. Другие не смотрел, хотя много слышал про фильм про баскетбол, но сейчас даже не воспроизведу название (муж., 33 года).*

– *Они все как-то под копирку (муж., 32 года).*

Таким образом, индустрия исторического кино о спорте, созданная за последние годы в России, несмотря на колоссальные бюджетные расходы, не справляется не только с развлекательной функцией кинематографа, но и не играет хоть какой-то заметной роли в формировании российской идентичности, детерминированной государственной исторической политикой. Полупустые кинозалы и провальные кассовые сборы, не покрывающие даже части затрат, тому подтверждение: на фильм «Поддубный» (2014 г.) было потрачено \$ 12000000, сборы

составили \$ 6175475; фильм «Матч» (2012 г.) при бюджете \$ 8000000 собрал всего лишь \$ 2204000 (Исаев, Пожидаева, 2016, с. 131).

Конечно, кинематограф – далеко не единственный инструмент сохранения исторической памяти и формирования национальной идентичности. Таких инструментов и технологий достаточно много. Однако при всем их многообразии неизбежно возникает вопрос: а что, собственно, надо помнить о прошлом? Применительно к нашей теме вопрос будет звучать так: что надо помнить о советском спорте? Или более радикально: надо ли вообще помнить о советском спорте? Нарочитое обострение вопроса в этюдном исследовании позволяет более четко выявить различие позиций информантов. А они есть, и существенные.

Вот типичные ответы «советского поколения»:

– Конечно, чтобы помнили поколения, что были такие спортсмены, которые выводили Россию на первые места в соревнованиях, на Олимпиадах. Мне кажется, эта память должна быть у народа нашего о достижениях этих (жен., 67 лет).

– Обязательно должны помнить. Как и любое другое достижение в любой другой области: в искусстве, в науке и в спорте тем более. Помнить победы, стремление к победе, борьбу за победу. Понятно, золотые медали, достижения – это наша гордость, это надо помнить (жен., 52 года).

Позиция людей «советского поколения» вполне объяснима: для них отказать от памяти о советском прошлом и памяти о советском спорте в частности – всё равно, что отказать от своих личных воспоминаний, от самих себя. С «постсоветским поколением» всё сложнее. Здесь позиция каждого конкретного информанта зависит от того, насколько «чужая» память о советском прошлом значима для него лично, насколько она «вросла» в него. Отсюда и палитра мнений от полного принятия до полного отрицания при ответе на вопрос – надо ли помнить о советском спорте?

– Не уверен. Какой в этом особый смысл?! Спортсменов очень много, это такая сфера, куда постоянно приходят новые люди сильнее, быстрее и выше. Если смысл увековечивать в памяти всех? (муж., 33 года).

– Мы должны помнить, прежде всего, имена и события. И даты. наших олимпийских чемпионов, наши достижения на чемпионатах мира, на Олимпиадах, которые мы завоевали, кто их завоевал (муж., 24 года).

– Мне кажется, что совсем не обязательно, что должны что-то помнить о советском спорте, потому что спорт, особенно современный спорт, он очень динамичный, он очень быстро меняется. И здесь, мне кажется, лучше концентрироваться на сегодняшней картинке, а еще лучше концентрироваться на завтрашней картинке. На том, какое поколение в хоккее, футболе, в любом другом виде спорта будет у нас завтра, и что мы для этого делаем (муж., 33 года).

На основе этих и схожих ответов можно осторожно предположить, что для значительной доли россиян в молодых возрастных группах память о советском спорте не является чем-то существенно значимым. Такое суждение неплохо было бы подтвердить или опровергнуть количественным социологическим

исследованием, но если оно верно, напрашивается вывод: попытки оживить эту память в рамках государственной политики памяти могут столкнуться с серьезными сложностями. Существенная доля молодых и средневозрастных групп российского населения останется просто глуха к подобным попыткам.

Заключение

Официальная политика памяти в своем стремлении установить патристическую повестку, основанную на «военном прошлом», ожидаемо обратилась к теме национального спорта (создание той же индустрии исторического спортивного фильма) – явления рядоположенного войне. Ведь по сути, «спортивное соревнование есть не что иное, как метафора войны» (Исаев, Пожидаева, 2016, с. 134), ее сублимация в условиях невоенного времени. История советского спорта в этом смысле – благодатный материал для целенаправленного установления патристического нарратива, напоминания о бывших спортивных сражениях и великолепных победах, и на этой основе, наряду с военной риторикой, конструирования российской национальной идентичности.

Казалось бы, для этого есть все основания, и тема советских спортивных побед могла бы стать хорошим подспорьем для репрезентации побед военных, тем более, что современный российский житель, как мы отмечали выше, спортивную историю страны особо не разделяет на «советскую» и «русскую», впрочем, как и военную историю не разделяет тоже.

– *Для меня не очень разделение на спорт советский и русский. Я всегда живу в России. Ну назывался он СССР, но я живу в России. Если даже с красным флагом выходили, для меня все равно это была Россия. Дело даже не в названии, а в том, что это была Родина, и ты болеешь за своих (жен., 58 лет).*

Однако у этого «подспорья», как показало наше исследование, есть серьезные ограничения, главным из которых выступает «поколенческий разрыв», то есть принципиальное несовпадение в оценках места и роли спорта в жизни СССР, соответственно и памяти о нём, между «советским» и «постсоветским» поколениями. По большому счету речь идет о разных памятях, хотя и включенных в единую матрицу «памяти трех поколений». Если для первых представления о советском спорте окрашены лично-эмоциональными, ностальгическими воспоминаниями о навсегда утраченном прошлом, то для вторых память о советском спорте – знание «чужое», привнесенное извне, рациональное и эмоционально холодное.

Отсюда можно предположить, что «советское поколение» будет более податливо и отзывчиво на усилия государства по формированию патристической повестки современной России через романтизацию советского прошлого вообще и советского спорта в частности, героизацию спортивных достижений советского времени, эксплуатацию ностальгических воспоминаний стареющих россиян о советском детстве и юности.

Люди «постсоветского поколения» такой ностальгией не страдают, хотя некоторая идеализация советского прошлого свойственна и им. За успехами

советского спорта они видят расчетливую государственную политику, воспроизвести которую сегодня вряд ли возможно, да и не стоит пытаться, поскольку изменился сам спорт, его социальное предназначение. В их представлениях современный спорт – это уже не демонстрация силы государства и преимуществ социалистического строя, как это было в советскую эпоху, а скорее индустрия развлечений сродни шоу-бизнесу.

– *Спорт сегодня всё больше превращается в сферу развлечения. Сегодня весь спорт приобретает элементы шоу (муж., 33 года).*

– *Мы на них смотрим, как на гладиаторов. Спортсмены, по большому счету, это современные гладиаторы. Это гладиаторские бои в современном мире. Хлеба и зрелищ, вот пожалуйста (муж., 33 года).*

«Постсоветское поколение» составляет без малого половину населения страны, и с каждым годом их доля в общей массе россиян будет только увеличиваться⁶. Советский спорт для них – далекое прошлое, он не занимает существенного места в их восприятии страны сегодняшней. А потому память о советском спорте, несмотря на все усилия государственной пропаганды в отношении политики памяти, год от года будет всё сложнее удерживать в актуальной повестке нынешних молодых и нарождающихся поколений россиян. Таким образом можно подытожить: поддержание памяти о советском спорте на основе актуализации достижений советской эпохи обладает весьма слабым потенциалом для установления патриотического нарратива национальной идентичности нынешних и тем более будущих россиян.

Список литературы

1. Ассман, А. (2018). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. 2-е изд. Москва: Новое лит. обозрение.
2. Злотникова, Т.С., Куимова В.М. (2021). Ностальгия по советскому в современном медиапространстве. *Ярославский педагогический вестник*, (2), 133–143. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-2-119-133-143>
3. Исаев, Е. М., Пожидаева, И. В. (2016). Популярная история в современной России: мифы, образы и представления о прошлом в спортивном историческом фильме. *Гуманитарный вектор*, 11(4), 128–136.
4. Кильдюшов, О. (2010). «О спорт, ты – война?». Спортивные игры Современности как субститут вооруженных конфликтов. *Сократ. Журнал современной философии*, (2), 188–191.
5. О'Махоуни, М. (2010). *Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура*. Москва: Новое лит. обозрение.

---

⁶ Росстат. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года. [Статистический бюллетень]. Взято 11 сентября 2024, с https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf

6. Панькова, А.Р. (2019). Краткий обзор исторических спортивных побед. В А.А. Горохов (Отв. ред.), *Молодежь и системная модернизация страны: Сб. науч. статей 4-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых (21–22 мая 2019 г.): в 6 т.* (Т. 2, с. 329–332). Курск: Юго-Запад. гос. ун-т.
7. Пастухов, В. (2023). *Как переучредить Россию?: Очерки заблудившейся революции*. Екатеринбург: Гонзо.
8. Трифонова, Г.А., Ерохина, Л.Д. (2017). Учебные задачи социологических этюдов. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, (S3), 28–32.
9. Филиппова, Н.Б. (2011). Спортивная метафора как сублимация военной метафоры (на материале политической коммуникации). *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, (130), 80–87.
10. Хоскинг, Д. (2012). *Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе*. Москва: Новое лит. обозрение.
11. Шилько, В.Г. (2018). *Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие*. Томск: Издат. Дом Томск. гос. ун-та.

References

1. Assmann, A. (2018). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* (2-e izd.) [The long shadow of the past (2nd ed.)], Moscow: Novoe lit. obozrenie.
2. Filippova, N.B. (2011). *Sportivnaya metafora kak sublimatsiya voennoy metafory (na materiale politicheskoy kommunikatsii)* [A sport metaphor as sublimation of a military metaphor (based on political communication)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, (130), 80–87.
3. Hosking, G.A. (2012). *Praviteli i zherty. Russkie v Sovetskom Soyuze* [Rulers and victims: the Russians in the Soviet Union]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
4. Isaev, E.M., & Pozhidaeva, I.V. (2016). Populyarnaya istoriya v sovremennoy Rossii: mify, obrazy i predstavleniya o proshlom v sportivnom istoricheskom fil'me [Popular history in modern Russia: myths, images and ideas of the past in sport historical film]. *Gumanitarnyy vektor*, 11(4), 128–136.
5. Kildyushov, O. (2010). "O sport, ty – voyna?". *Sportivnye igry Sovremennosti kak substitut vooruzhennykh konfliktov* ["Oh sport, are you a war?" Modern sports games as a substitute for armed conflicts]. *Sokrat. Zhurnal sovremennoy filosofii*, (2), 188–191.
6. O'Mahony, M. (2010). *Sport v SSSR: fizicheskaya kul'tura – vizual'naya kul'tura* [Sport in the USSR]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
7. Pankova, A.R. (2019). Kраткий обзор исторических спортивных побед [A brief review of historical sports victories]. In А.А. Горохов (Resp. ed.), *Molodezh' i sistemnaya modernizatsiya strany: Sb. nauch. statey 4-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh (21–22 maya 2019 g.): v 6 t.* (Vol. 2, pp. 329–332). Kursk: Yugo-Zapad. gos. un-t.

8. Pastukhov, V. (2023). *Kak pereuchredit' Rossiyu?: Ocherki zabludivsheysya revolyutsii* [How to retrain Russia?: Essays on a Lost Revolution]. Ekaterinburg: Gonzo.

9. Shilko, V.G. (2018). *Sotsiologiya fizicheskoy kul'tury i sporta: ucheb. posobie* [Sociology of physical culture and sports: a textbook]. Tomsk: Izdat. Dom Tomsk. gos. un-ta.

10. Trifonova, G. A., & Erokhina, L. D. (2017). *Uchebnye zadachi sotsiologicheskikh etudov* [Educational tasks of sociology etude]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"*, (S3), 28–32.

11. Zlotnikova, T. S., & Kuimova V. M. (2021). Nostal'giya po sovetskomu v sovremennom mediaprostranstve [Nostalgia for the soviet in the modern media scene]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, (2), 133–143. <https://doi.org/10.20323/1813-145Kh-2021-2-119-133-143>

Информация об авторе

Сергей Вячеславович Мошкин, доктор политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4541-9609>, e-mail: osa-sv@yandex.ru

Information about the author

Sergey V. Moshkin, Doctor of Sciences (Political Sciences), Head Researcher, The Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4541-9609>, e-mail: osa-sv@yandex.ru

---

УДК 323.2

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_4_99

ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ МОЛОДЕЖИ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ КНР НА ФОНЕ COVID-19

Татьяна Владимировна Иващенко,

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия,
tatyana_ivashenk@list.ru

Получена 13.01.2024.

Поступила после рецензирования 21.05.2024.

Принята к публикации 18.11.2024.

Для цитирования: Иващенко Т.В. Изменение уровня доверия молодежи к правительству КНР на фоне COVID-19 // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 99–117. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_99

Аннотация

В последние годы наблюдается изменение уровня институционального доверия во многих странах, чему в немалой степени поспособствовала пандемия COVID-19. Она, с одной стороны, усилила контроль государства над обществом, а с другой, обострила проблемы функционирования государственных органов. Прослеживается тенденция к снижению доверия правительству и его ведомствам, что приводит к возникновению общественного напряжения и влияет на стабильность правительства и общества. Нестабильность может проявляться в виде усиления социальных противоречий, увеличения протестов и демонстраций, ухудшения социального обеспечения и пр. Особой группой, доверие которой следует рассмотреть в первую очередь, является молодежь. Она как самая гибкая социально-возрастная группа во многом определяет дальнейший путь развития государства и может своими радикальными действиями изменить ход исторических событий. Указанные проблемы

© Иващенко Т.В., 2024

проявились и в КНР, которая первая столкнулась с вызовами современности, усугубив уже имеющиеся проблемы функционирования китайского режима. Ограничения при борьбе с COVID-19, издержки восстановления экономики после пандемии наложились на уникальность политической системы и политической культуры Китая. В первую очередь они затронули самую уязвимую социальную группу – молодежь, приведя к изменению уровня ее доверия к органам государственной власти. В ходе анализа выявлена отрицательная динамика доверия китайской молодежи к органам государственной власти, определены основные факторы этого процесса: непрозрачность СМИ, злоупотребление властью чиновниками и ограниченность каналов высказывания общественного мнения, увеличение доли городского населения. Автор отмечает, что китайское правительство предприняло ответные меры, которые оказались недостаточными, чтобы остановить рост напряжения. В этих условиях вопрос доверия молодежи к правительственным органам Китая как важного фактора функционирования стабильного общества может стать одним из факторов дестабилизации китайской политической системы.

Ключевые слова:

молодежь, КНР, COVID-19, легитимность, политическое доверие, кризис доверия

UDC 323.2

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_4_99

CHANGES IN YOUTH TRUST TOWARDS THE CHINESE GOVERNMENT DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Tatyana V. Ivashchenko,

Altai State University,
Barnaul, Russia,
tatyana_ivashenk@list.ru

Received 13.01.2024.

Revised 21.05.2024.

Accepted 18.11.2024.

For citation: Ivashchenko, T.V. (2024). Changes in Youth Trust Towards the Chinese Government During the COVID-19 Pandemic. *Discourse-P*, 21(4), 99–117. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_99

Abstract

In recent years, many countries have experienced alterations in the level of institutional trust, significantly influenced by the COVID-19 pandemic. On the one hand, the pandemic has strengthened state control over society; on the other, it has aggravated the problems faced by governmental institutions. There is a noticeable trend toward a decline in trust in the government and its agencies, leading to social tension and impacting a stability of both the government and society. This instability may manifest in the form of increased social contradictions, a rise in protests and demonstrations, and in deterioration of social security, among other issues. A particular group whose trust necessitates special attention is the youth. As the most flexible social and age group, they play a crucial role in determining the future trajectory of the state and have the potential to alter the course of historical events through their radical actions. These issues have also emerged in the People's Republic of China (PRC), which was the first to confront the challenges of the pandemic, thereby intensifying problems existing within the functioning of the Chinese regime. The restrictions imposed during the fight against COVID-19 and the costs associated with post-pandemic economic recovery have been shaped by the unique characteristics of China's political system and political culture. Primarily these challenges affected the most vulnerable social group – youth – resulting in a shift of their trust level towards governmental authorities. The analysis reveals the negative dynamics of youth trust in China towards the state, and identifies the main factors contributing to this process: lack of media transparency, abuse of power by officials, limited channels for expressing public opinion, and an increase in the urban population. The author argues that the Chinese government has implemented retaliatory measures that have proven insufficient to alleviate rising tensions. Under these circumstances, the issue of youth trust towards Chinese governmental bodies, as an critical factor in the functioning of a stable society, may become one of the destabilizing elements of the Chinese political system.

Keywords:

youth, China, COVID-19, legitimacy, political trust, crisis of confidence

---

Введение

Вопрос доверия к органам власти является одним из наиболее важных факторов обеспечения эффективного функционирования режима. Высокий уровень институционального доверия способствует обеспечению скоординированных действий государства и членов сообщества и гарантирует более высокий уровень поддержки и толерантности со стороны граждан. При этом нужно отметить, что чем больше правительство расширяет свои полномочия, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства и важность принятия быстрых и категоричных решений, тем больше возникает сомнений в этих мерах и решениях со стороны граждан. Непонимание приводит к дискуссиям, недоверию

и кризису правительства. Больше всего проблема дефицита доверия опасна среди молодежи, которая представляет собой динамичную часть населения. Она приносит на политическую арену свежие взгляды, инновационные идеи и энергию. Если не предотвратить возникающие тенденции к углублению кризиса доверия правительству, то могут возникнуть волнения и дестабилизация общества.

Особенно эта тема стала актуальной во время пандемии, когда для борьбы с распространением заболеваемости исполнительные органы власти в директивном порядке стали вводить различные ограничения, санкции, в том числе штрафы и фиксирование нарушений. В итоге COVID-19 проявил все назревавшие социальные проблемы и артикулировал вопрос о степени контроля государства над обществом. Население перестало воспринимать государство в качестве защитника своих интересов и начало чувствовать в нем угрозу для себя.

Наиболее серьезные и продолжительные по действию меры в борьбе с пандемией были применены в Китае, так как первые заболевшие были обнаружены именно в этой стране. Чтобы сдержать распространение коронавируса и сократить смертность населения, правительство и местные власти КНР приняли такие меры, как социальная изоляция, широкий карантин, ограничения на поездки и мобильность. Политическая система КНР подверглась проверке на прочность. Влияние COVID-19 распространилось не только на бытовую, но и на социально-экономическую сферу. Снижение товарооборота, банкротство и закрытие части фирм, рост безработицы, проблемы логистики также негативно повлияли на уровень жизни граждан. В связи с этим возникает вопрос, насколько Китай как страна, которая вводила одни из самых жестких мер в борьбе с коронавирусом, но в то же время обладающая уникальной политической системой и политической культурой, испытала влияние мирового тренда на снижение доверия к органам власти на фоне COVID-19, и в какой мере он проявился среди молодежи.

Цель статьи – проанализировать динамику доверия китайской молодежи к исполнительной власти КНР на фоне пандемии и выявить факторы возникновения кризиса доверия правительству.

Степень изученности проблемы

Анализируя работы отечественных и иностранных исследователей, посвященные доверию, можно констатировать, что эта тема сохраняет свою актуальность уже многие десятилетия. Одним из ярких представителей зарубежных исследователей вопроса является Э. Дюркгейм, который рассматривал доверие как основу функционирования общества. Доверие в его понимании основывалось в большей степени на эмоциональной сути человека, чем на рациональной (Дюркгейм, 1995). Г. Зиммель в свою очередь утверждал, что доверие – это состояние неопределенности, когда человек имеет часть информации, при этом полностью не знает всех моментов. В этом случае он может довериться или наоборот проявить недоверие (Simmel, 1906). П. Штомпка вводит понятие

«культура доверия», когда люди соблюдают договоренности и это становится правилом. Чем чаще каждый человек соблюдает договоренности, тем ярче будет «импульс доверия» (Штомпка, 2012, с. 238). Со временем люди начнут доверять не только близким, но и другим людям, государственным учреждениям, что сформируем культуру доверия.

Долгое время проблема доверия рассматривалась в контексте межличностного доверия, и только с середины XX в. она стала анализироваться в аспекте институционального доверия. При изучении связи между политическим и социальным доверием было выявлено, что позитивная коммуникация людей при взаимодействии с органами власти приводит к формированию положительного образа государства. Гражданин через СМИ или платформы Интернет может написать отзыв и поделиться своим опытом с другими людьми (Thomassen, Kolk, 2009).

В 1983 г. была опубликована статья о проблемах измерения доверия правительству (Feldman, 1983). Исследования доверия как этической ценности в политике, появление термина «моралистическое доверие» дает возможность установить зависимость между низким уровнем доверия и снижением эффективности функционирования правительства (Uslaner, 2008, p. 118). При проведении исследования взаимного влияния вертикального и горизонтального доверия через качество управления с использованием ICRG и WGI была выявлена взаимосвязь между политическими рисками и доверием, а также доверием и эффективностью функционирования региональной исполнительной власти, в частности степенью прозрачности их деятельности и соблюдением в ней правовых норм (Torgler, Schneider, 2009).

Для граждан любого государства политическое доверие выполняет важную роль, обеспечивая уверенность в завтрашнем дне, чувство надежности, безопасности и защищенности. На рост интереса к проблеме политического доверия повлияла и проблема миграции в современной Европе. Например, изучение изменения уровня доверия, его понимания гражданами, выработка новых подходов к измерению данного явления началось в 2000-х гг. (Levi, Stoker, 2000; Wroe et al., 2013).

По проведенным опросам «Всемирного обзора ценностей» (*World Values Survey*) в 2011 г. был сделан вывод о различии понимания доверия в разных странах, что связано с менталитетом респондентов и должно быть учтено при интерпретации результатов исследования. Например, для стран с распространённым конфуцианством понятие доверие более узкое, чем для стран с протестантским или католическим наследием. В этом случае использование одинаковых вопросов для анкетирования не раскрывает полностью всей специфики идентичности населения и снижает точность результатов (Delhey et al., 2011). Есть мнение, что прием усреднения наиболее эффективен при рассмотрении уровня доверия к правительственным органам в одной стране (Chang, 2013).

Так как в последние годы просматривается падение доверия к правительству, связанное в том числе с COVID-19, было предложено изучать политическое

доверие через выявление уровня политического недоверия, поскольку политическое доверие и недоверие имеют разные показатели (Bertsou, 2019).

Проблема политического доверия также актуальна для отечественных исследователей. Была изучена диалектика форм доверия, уверенности и веры (Алексеева, 2009), появились обзорные исследования по теме политического доверия (Кириленко, Алексеев, 2021; Глушко, 2014; Гришин, 2022), опубликованы работы, связанные с методами измерения политического доверия (Наумова, 2006; Черницына, 2016) выявления уровня политического доверия на основе методик исследовательских проектов *General Social Survey (GSS)* и *World Values Survey (WVS)* (Максимова и др., 2017; Ноянзина и др., 2019), уточнены опросники на русском языке по теме политического доверия для российской аудитории (Гулевич, Гусева, 2021).

Изучению именно политического доверия молодежи посвящено намного меньше литературы. Основной пик интереса к нему исследователей как зарубежных, так и отечественных приходится на 2010-е гг.

В это время встает вопрос о том, что больше влияет на политическое доверие молодежи – ее возраст или принадлежность к определенному поколению? Снижение политического доверия молодежи связывают с тем, что в современных условиях взросление происходит дольше и сложнее, чем раньше (García-Albacete, 2014; Muxel, 2001). Также ценности и взгляды молодого поколения отражают возможное направление развития политической системы, которое могут поддержать власти или пойти по иному пути. На основании отечественных исследований было определено влияние значимости семейного положения и семейных ценностей на политическое доверие молодежи (Александрова, 2017; Гришин, 2021; Демидова, 2011).

Среди китайских исследователей изучению политического доверия уделяется меньше внимания. Подавляющее большинство исследователей оценивают его уровень исключительно высоким (У Юн 吴勇, 2021; Кунь Мин 喻明, 2012; Фэн Цзюйсян 冯菊香, 2015), без выявления возможных проблем и актуальных тенденций общества. Вопросу исследования политического доверия молодежи посвящено еще меньше работ. При этом научные работы последних лет на фоне COVID-19 стали более критичными в плане оценки политического доверия населения (У Цзяи 吴佳怡, 2023; Хуо Ин 霍影, 2023).

В целом можно констатировать, что проблема доверия как важного фактора функционирования стабильного общества, его измерения анализируется значительным количеством отечественных и зарубежных ученых. При этом политические процессы последних лет требуют более углубленного анализа этого вопроса.

Результаты исследования

Сегодня китайская молодежь отличается своей независимостью и прогрессивностью, большое число молодых граждан КНР получает образование в различных государствах мира. В 2022 г. почти 1 млн китайских студентов

обучались за рубежом. В таком контексте можно было бы предположить, что поколение молодых китайцев будет требовать от своего правительства построения демократии по западному образцу и критиковать действующий режим. Тем не менее, исследования свидетельствуют об обратном. Объяснить высокий уровень поддержки властей со стороны китайской молодежи можно несколькими факторами. С 2010-х гг. у молодых китайцев есть то, за что боролись студенчеством конца 80-х гг. прошлого века: стабильный экономический рост повысил уровень жизни граждан КНР, сделав доступным качественное образование как внутри страны, так и за ее пределами.

Политическая централизация, существующая в Китае, имеет ряд определенных конкурентных преимуществ. Решения «сверху», часто реализуемые компетентными технократами, позволили Китаю построить высокоскоростные железные дороги, автомагистрали, отличные аэропорты и даже целые города за считанные годы. В Китае экономический рост с 2000-х гг. произошел в контексте стабильного коммунистического правления. Это позволяет предположить, что демократия и экономический рост не обязательно являются взаимозависимыми. Фактически многие китайцы считают, что недавние экономические достижения страны – масштабное сокращение бедности, огромные инвестиции в инфраструктуру и развитие Китая как технологического новатора мирового класса – стали возможны благодаря, а не вопреки существующему в КНР правящему режиму.

Китай также опроверг прогнозы о том, что особенности его политической системы станут препятствием для разработки и внедрения различного рода инноваций. Сегодня Китайская Народная Республика – мировой лидер в области искусственного интеллекта и биотехнологий. Некоторые из ее технологических успехов были обусловлены рыночными силами: люди хотели покупать товары или проще общаться, и такие компании, как *Alibaba* и *Tencent*, помогли им сделать это. Но большая часть технологического прогресса пришла благодаря высоко инновационным и хорошо финансируемым вооруженным силам, которые вложили значительные средства в быстрорастущие новые отрасли промышленности Китая. В Китае потребительские приложения появились быстрее, что сделало более очевидной связь между государственными инвестициями, продуктами и услугами, приносящими пользу отдельным людям. Вот почему простые китайцы воспринимают компании *Alibaba*, *Huawei* и *TikTok* как источники национальной гордости – международные авангарды китайского успеха, а не просто как источники рабочих мест или ВВП в оценке других государств мира. Таким образом, народ КНР был удовлетворен проводимой политикой и существующим политическим режимом. Немалую роль в этом играет и политическая культура, тесно связанная с конфуцианством и его последователями – приверженцами патерналистской концепции государства, при которой последнее понималось ими как большая семья. В таком ключе император играл роль отца, а роли управляющих и управляемых приравнивались к семейным взаимоотношениям, где младшие члены находятся в зависимости от старших. Из этого следует, что конфуцианская социально-политическая модель базируется на принципе неравенства: простые люди находятся в подчинении благородных

мужей. В обязанности правителя вменялись задачи накормить, обогатить и обучить народ. Конфуцианство не допускает насильственных методов правления, отношения между главой государства и его чиновничьим аппаратом с одной стороны и народом с другой должны строиться на принципах «нравственности» и «добродетели». Таких принципов придерживается и текущая власть.

Так, данные опроса Центра Эша при Гарвардской школе государственного управления Кеннеди, проведенного в июле 2020 г., показали, что 95 % граждан Китая были удовлетворены работой коммунистического правительства. Большинство обычных людей не считали, что однопартийная система обязательно является репрессивной (Cunningham et al., 2020). Большинство жителей КНР не только не верят, что демократия необходима для экономического успеха, но и уверены, что китайская форма правления легитимна и эффективна.

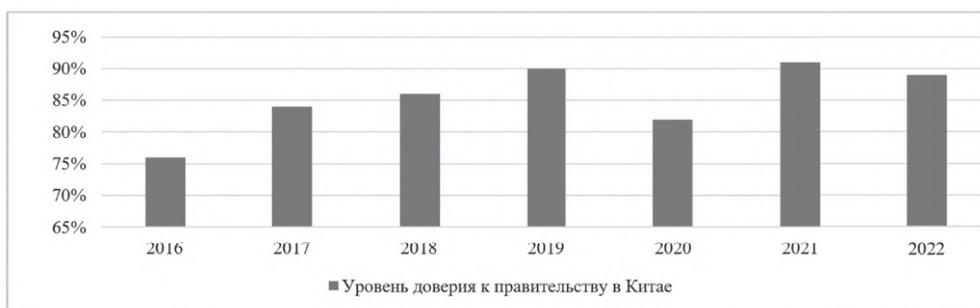

Рисунок 1 – Уровень доверия к правительству среди китайских граждан 2016–2022 гг. (%¹)

Figure 1 – Level of Trust in Governmental Agencies among Chinese Citizens 2016–2022 (%)

При этом пандемия стала переломным моментом и показала уязвимость режима. Мировая проблема динамики уровня доверия к власти оказалась актуальна для китайского общества, что в ситуации ограниченности социологических данных нашло отражение в поляризованных оценках наблюдаемых тенденций.

Исполнительный директор *Edelman International Public Relations* Мэтью Харрингтон заявил, что за годы пандемии китайское правительство сделало все возможное для защиты здоровья и безопасности своих граждан, поддержки молодежи и этим завоевало доверие людей. Оценивая ситуацию 2022 г., он отметил, что несмотря на многочисленные социальные и экономические проблемы, китайское правительство осуществило ряд эффективных мер, которые позволили китайскому народу, в том числе китайской молодежи, поддерживать высокую степень доверия к правительству (89%), официальным средствам мас-

¹ *Level of trust in government in China from 2016 to 2022* (2023, January 17). Retrieved August 15, 2023, from <https://www.statista.com/statistics/1116013/china-trust-in-government-2020/>

совой информации (79%), неправительственным организациям (78%). В итоге общий уровень институционального доверия в Китае к органам власти остался на высоком уровне (83%)².

По результатам отчета «Global Happiness 2023», опубликованного всемирно известной социологической компанией Ipsos, среди 32 стран Китай является страной с самым высоким индексом счастья (91%)³.

По мнению китайских исследователей, во время пика распространения пандемии в КНР 2019–2020 гг. китайская молодежь от 22 до 35 лет активно участвовала в поддержке политики здравоохранения и помогла бороться с коронавирусной инфекцией. Усилия китайского правительства по поддержанию экономического роста и постоянному улучшению жизни людей, оперативное реагирование на внешние вызовы являются основными факторами, позволяющими китайской молодежи поддерживать высокую степень доверия к правительству.

Но так ли все прекрасно, как показывает статистика и большинство китайских исследователей? Ученый из Университета Фудань У Синцзу (Wu, 2020) считает, что нынешний уровень доверия людей к партии и правительству все еще очень высок, но он снизился по сравнению с тем, что было до пандемии. Реализация жесткой политики нулевого уровня COVID-19, которая сохранялась до начала 2023 г., с одной стороны, минимизировала уровень смертности населения, а с другой – привела к резкому снижению деловой активности, закрытию фирм, прекращению мобильности людей, повышению уровня безработицы. В этой ситуации больше всего пострадала молодежь, и в ноябре 2022 г. по всему Китаю вспыхнули массовые социальные протесты, которые продемонстрировали, что существуют пределы лояльности граждан к правительству. Демонстрациям предшествовал одиночный пикет на мосту Ситонг в Пекине 13 октября 2022 г., в ходе которого участник развернул продемократический баннер. Впоследствии информация про акцию протеста была заблокирована. Далее вспыхнули массовые гражданские беспорядки после пожара 24 ноября в г. Урумчи (провинция Синьцзян), в результате которого погибли десять человек, находящиеся на карантине. Самая крупная акция протеста прошла 26 ноября 2022 г. в Шанхае, когда китайская молодежь (около 85% участников были студенты) собралась на улице Урумчи Миддл-роуд (乌鲁木齐路乌鲁木齐路). Участники зажгли свечи и возложили цветы, закрывая лица или головы листьями чистой белой бумаги в знак траура. В тоже время сотни студентов собрались на ступенях с чистыми листьями бумаги в Нанкине. Чистые листы бумаги стали символом как выражения скорби, так и невозможности прямо высказать свои мысли, отражением жестокости карантинных ограничений. Темы протестов менялись на протяжении беспорядков, начиная от нечеловеческих условий труда, вызванных карантином,

² 2022 *Edelman Trust Barometer* (2022, January 24). Retrieved August 15, 2023, from <https://www.edelman.com/trust/2022-trust-barometer>

³ *Global Happiness 2023* (2023, March 12). Retrieved August 15, 2023, from <https://group.intesasanpaolo.com/content/dam/portalgroup/repository-documenti/ricerche-comportamentali/Ipsos%20Global%20Happiness%202023%20Report.pdf>

и нарушений прав человека в отношении этнических уйгуров в Синьцзяне до критики руководства Коммунистической партии Китая (КПК)⁴. Ухудшение социально-экономической ситуации в сочетании с недовольством населения продлением полномочий Си Цзинпина на третий срок нанесли ущерб имиджу партийной организации и лично Си. В условиях закрытости социологических данных о легитимности органов государственной власти в Китае представляем возможным считать серию протестов против карантина из-за COVID-19 в ноябре 2022 г. началом кризиса доверия к правительству КНР со стороны китайского общества в целом и молодежи в частности (основной массой протестующих (73%) были студенты).

В нынешних условиях кризис доверия в Китае становится все более заметным. Большое беспокойство у общественности вызывают сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей; корпоративные скандалы; коррупционные дела государственных чиновников; замена несогласных с идеями Си политиков и т. д. В связи с этим в Интернете начали ставить под сомнение высказывания экспертов и государственных деятелей, появилась критика национальной политики и бездействия чиновников на местах. Количество страниц в китайской поисковой системе *Baidu* по запросу «кризис доверия к правительству Китая» по данным сентября 2023 г. превысило 100000, и большая их часть относится к 2023 г.

Несмотря на то, что 8 января 2023 г., после 3 лет борьбы с пандемией, Китай отказался от политики нулевого уровня COVID, и это ознаменовало окончание периода активной борьбы с вирусом, кризис доверия правительству не завершился. В августе 2023 г. территорию Китая накрыл самый сильный потоп от супертайфуна «Доксури», который перешел в сильные ливни. Эта ситуация привела к большим убыткам. Для восстановления транспорта, зданий и дорожного покрытия региональными властями были запрошены деньги из центра, которых не хватило на полное восстановление. В итоге региональные исполнительные власти были вынуждены пересмотреть сметы расходов.⁵ Чтобы справиться с финансовым давлением, местные органы стали сокращать расходы на социальное обеспечение, что напрямую повлияло на условия жизни некоторых уязвимых групп и вызывает недовольство людей. В то же время, финансовые ограничения также затрудняют местным органам власти эффективное реагирование на чрезвычайные ситуации и влияют на уровень социальной нестабильности. По мнению китайского исследователя Хуо Ин, такие ситуации приводят к взрыву общественного мнения исследователя (Хуо Ин 霍影, 2023).

⁴ *Crowd angered by lockdowns calls for China's Xi to step down* (2022, November 28). Retrieved March 15, 2024, from <https://apnews.com/article/taiwan-health-fires-social-media-50d7515e5fae00f5054062209e9306cc>

⁵ *Problems in the budget of Chinese regional governments* (2023, September 12). Retrieved October 15, 2023, from <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1779285251157569677&wfr=spider&for=pc>

В контексте информационного общества кризис доверия правительству имеет свои особенности. Он характеризуется быстрым распространением и оказывает большое влияние за короткий период времени, сложность прогнозирования кризиса общественного мнения в Интернете делает его во многих случаях непредсказуемым, а наличие нескольких серверов – невозможным для органов власти своевременное блокирование негативных новостей, наносящих ущерб имиджу правительства.

К сожалению, нет возможности проверить какое количество молодых людей посещают тематические сайты и блоги, связанные с обсуждением кризиса доверия китайскому правительству, при этом в обсуждениях используются популярные сленговые слова, которые применяет молодое поколение. Этот факт не может подтвердить их вовлеченность в эту тему, но и опровергнуть это не получится. Пользователи сети анонимно участвуют во взаимодействиях, при этом китайская молодежь все чаще становится основным производителем информации, потребителем услуг в киберпространстве. С 2015 г. китайские исследователи стараются подробно разбирать причины кризисных ситуаций, чтобы использовать опыт прошлой ситуации в будущем. Например, «Инцидент с Ху Моую», который проанализировал в своей работе У Цзяи, вызвал широкий резонанс в Интернете (У Цзяи 吴佳怡, 2023). В ролике, который набрал несколько миллионов негативных комментариев, местный чиновник в грубой форме отвечал на жалобу местной жительницы. Это видео повлекло за собой еще несколько десятков подобных видео, где комментаторы вспоминали все случаи такого рода. Такие вспышки негодования населения не единичные, что также влияет на общую атмосферу доверия к местным исполнительным органам и правительству КНР в целом.

По нашему мнению, на доверие молодежи к правительству в современном Китае влияют следующие факторы: имидж правительства, доверие к государственным служащим, полнота и достоверность транслируемой СМИ информации, опыт взаимодействия между городскими жителями и правительственными ведомствами.

В условиях информационного общества все большую роль играет информационный фактор легитимации. Китайское правительство обнародует информацию выборочно, умалчивая ряд фактов, которые имеют важное значение для национальной безопасности. Однако развитие Интернета дает возможность разоблачать данные фальсификации, вызывая волны общественной критики правительственных учреждений и дальнейшую делегитимацию правительства и его ведомств.

С этим сочетается отсутствие жесткой административной этики и административной культуры. Ухудшение ситуации в округах и на местах во время пандемии COVID-19, частое превышение чиновниками полномочий при распределении медикаментов, коррупция, фальсификация данных – стали для молодежи триггерами роста негативных настроений. Феномен лжи чиновников – это не просто случай, а системная проблема Китая. Когда чиновники часто злоупотребляют властью, в обществе складывается отрицательный стереотип

об их работе, что в свою очередь приводит к накоплению общественного разочарования и неудовлетворенности деятельностью правительством. Возросшая осведомленность молодежи о демократии и правах граждан вызывает определенный разрыв между административными способностями правительства, уровнем принятия решений и ожиданиями общества.

Выделение последнего фактора доверия обусловлено тем, что уже к концу 2011 г. городское население Китая достигло 690 млн человек, что составило 51,23% от общей численности населения, впервые превысив численность сельского населения. Китайское правительство было нацелено на ускорение процесса урбанизации, а это означает, что группа городских жителей продолжает увеличиваться, и городские жители уже играют важную роль в экономической и политической сферах КНР. Их роль будет становиться все более и более важной. По состоянию на 2022 г. уровень урбанизации в Китае составил 64,7% и по прогнозам аналитиков достигнет 75–80% к 2035 г. (Петушкова, 2023, с. 42). В связи с этим доверие городских жителей, значительную долю которых составляет молодежь, переехавшая в город для учебы или для начала ведения бизнеса, к правительству является основой легитимности существования правительственных ведомств.

Поскольку способности правительства были поставлены под сомнение, молодежи трудно принять предлагаемую им политику и управленческие меры, что в перспективе усилит пропасть между государством и обществом.

Заключение

Китайская молодежь подвергает сомнению действия исполнительной власти КНР по многим вопросам. Прозрачная работа правительства, честные чиновники на местах и открытость СМИ – все это основа общественного доверия. Уверенность китайской молодежи в государственной власти стала ниже не от действий правительства для сдерживания пандемии, а от давно назревших проблем, которые проявились в критической ситуации. COVID-19 стал только поводом, спусковым крючком к кризису доверия правительству. Сам кризис назревал уже больше 10 лет. В эпоху информационных каналов, представленных *Weibo*, *WeChat*, *QQ* и т. д., обычные граждане начинают открыто высказывать свои мысли. Молодежь в этой ситуации занимает довольно активную позицию, при этом стараясь скрыть свое присутствие в сети Интернет и причастность к опасным темам.

Несмотря на действия китайского правительства по ужесточению дисциплинарных мер к чиновникам, углублению борьбы с коррупцией и раскрытию информации о доходах и имуществе должностных лиц, созданию онлайн-управления делами правительства *WeChat for government affairs*, которые положительно отразились на уровне открытости, кризис доверия продолжает набирать обороты. Даже позитивная тенденция опросов по доверию последних лет не может сгладить общую напряженность конца 2022 г., которая сказывается на настроениях общественности в 2023 г. Если ситуация не будет исправлена,

то в итоге правительство потеряет доверие граждан. Это может привести к волнениям и смене режима, перестройке общества.

Способом преодоления формирующегося кризиса власти может стать модернизация системы государственной службы по нескольким направлениям: повышение административной ответственности правительства, реформирование институциональной структуры, которая регулирует, контролирует и ограничивает административную власть, включая законодательный и судебный надзор; усиление контроля над соответствием слов и действий должностных лиц этическим и правовым нормам; совершенствование административной этики и коррупционной борьбы. Должностные лица, злоупотребляющие властью и подрывающие доверие к ней, должны привлекаться к ответственности в соответствии с законом. С другой стороны, необходимо внедрять механизмы общественного контроля за деятельностью должностных лиц и исполнительных органов, использовать институт наблюдения за мнением для оптимизации государственной политики.

Правительство должно повысить прозрачность, чтобы общественность могла лучше понимать работу органов власти. Скрытие правительством некоторых острых инцидентов приводит к появлению слухов и распространению паники. Достоверные данные являются существенными гарантиями для построения доверительных отношений.

Еще одним важным способом укрепления доверия к правительству может стать расширение каналов участия людей, в том числе молодежи, в общественной жизни. С развитием онлайн-сообществ энтузиазм молодежи к участию в социальном управлении постоянно растет. Правительству следует создать более эффективные каналы коммуникации, поддерживать связь с народом посредством создания онлайн-платформы для обсуждения политических вопросов, проведения семинаров, онлайн слушания, учиться чутко понимать настроение общества, разрешать конфликты и максимально удовлетворять общественные интересы и интересы молодежи.

Пандемия COVID-19 является одним из самых серьезных кризисов наших дней. Она стала фактором, который повлиял на доверие к правительству на современном этапе. Вопрос доверия – это вызов для правительства на всех уровнях, который приобрел глобальный характер и стал серьезной проблемой для большинства стран мира.

Список литературы

1. Александрова, Ю.А. (2017). Политическое доверие как управленческий ресурс в системе общественно-политических отношений современной России. *Правовая культура*, (3), 50–57.
2. Алексеева, А.Ю. (2009). Основные элементы и структура межличностного доверия. *Социологический журнал*, (3), 22–41.

3. Глушко, И.В. (2014). Систематизация научных подходов исследования феномена доверия в отечественной и зарубежной социологии (библиографический анализ). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (6–2), 51–55.
4. Гришин, Н.В. (2021). «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 23(1), 47–59. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59>
5. Гришин, Н.В. (2022). Современные подходы к измерению политического доверия: обзор российской и зарубежной научной литературы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (4), 75–80. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_4_75
6. Гулевич, О.А., Гусева, В.В. (2021). Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае. *Социальная психология и общество*, 12(3), 9–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120302>
7. Демидова, О.А. (2011). Моделирование доверия населения к основным социальным и политическим институтам: сравнительный эконометрический анализ. *Прикладная эконометрика*, (1), 114–132.
8. Дюркгейм, Э. (1995). *Социология: Ее предмет, метод, предназначение*. Москва: Канон.
9. Кириленко, В.П., Алексеев, Г.В. (2021). Измерение политического доверия в условиях современной демократии. *Управленческое консультирование*, (10), 22–34. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-10-22-34>
10. Кунь Мин 喻明. (2012). Психологический анализ общественного мнения при изучении острых интернет-событий. *Журнал Юньнаньского университета*, (16), 186–201. (На кит.: 喻明. 网络热点事件发展过程中的舆情心理分析. 载《云南大学学报》2012年第(16)期).
11. Максимова, С.Г., Омельченко, Д.А., Суртаева, О.В. (2017). *Основы психологической диагностики: теория и практика* (3-е изд., испр. и доп.). Барнаул: Изд-во Алтай. гос. ун-та.
12. Наумова, Н.Ф. (2006). *Философия и социология личности*. Москва: Канон +: РООИ «Реабилитация».
13. Ноянзина, О.Е., Максимова, С.Г., Омельченко, Д.А. (2019). Выраженность доверия к институтам гражданского общества в регионах российско-азиатского приграничья. *Society and Security Insights*, 2(2), 13–27. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)2-6231](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)2-6231)
14. Петушкова, В.В. (2023). Особенности развития мегаполисов Китая. *Экономические и социальные проблемы России*, (3), 40–59. <https://doi.org/10.31249/espr/2023.03.03>
15. У Цзяи 吴佳怡. (2023). Формирование и эволюция стратегии реагирования на общественное мнение в период кризисной ситуации, на примере короткого видео «Инцидента Ху Моюю» на платформе Douyin. *Исследования новых медиа*, 6(10), 10–15. (На кит.: 吴佳怡. 危机传播视域下短视频舆情的形

成演化与应对策略——基于“胡某宇事件”在抖音平台的传播情况分析. 载《新媒体研究》2023年第6(10)期).

16. У Юн 吴勇. (2021). Кризис доверия и реакция на проекты NIMBY с точки зрения соглашения об общественных интересах. *Журнал Университета Сянтань*, 2(7), 19–25. (На кит.: 吴勇. 社区利益协议视角下邻避项目信任危机与应对. 载《湘潭大学学报》2021年第2(7)期).

17. Фэн Цзюйсян (2015). Динамика изменения общественного мнения о горячих событиях в сети Интернет. *Новости знаний*, 7(9–1013), 3–6. (На кит.: 冯菊香. 热点事件的网络舆情传播新变. 载《新闻知识》2015年第7(9–1013)期).

18. Хуо Ин 霍影. (2023). Теоретический прогресс и институциональное размышление об исследованиях инновационных систем с точки зрения множества спиралей. *Наука и менеджмент*, 43(4), 20–30. (На кит.: 霍影. 多重螺旋视域下创新生态系统研究理论进展与制度反思. 载《科学与管理》2023年第43(4)期).

19. Черницына, Е.Н. (2016). Политическое доверие: как его измерить? *Государственное управление. Электронный вестник*, (54), 130–145.

20. Штомпка, П. (2012). *Доверие – основа общества*. Москва: Логос.

21. García-Albacete, G.M. (2014). *Young people's political participation in Western Europe: Continuity or generational change?* New York: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137341310>

22. Bertsou, E.E. (2019). Rethinking political distrust. *European Political Science Review*, 11(2), 213–230. <https://doi.org/10.1017/S1755773919000080>

23. Chang, E.C.C. (2013). A comparative analysis of how corruption erodes institutional trust. *Taiwan Journal of Democracy*, 9(1), 73–92.

24. Cunningham, E., Saich, A., & Turiel, J. (2020). Understanding CCP Resilience: Surveying Chinese Public Opinion Through Time. *The President and Fellows of Harvard College*, (23), 25–46.

25. Delhey, J., Newton, K., & Welzel, Ch. (2011). *How general is trust in “most people”?* Solving the radius of trust problem. *American Sociological Review*, 76(5), 786–807. <https://doi.org/10.1177/0003122411420817>

26. Feldman, S. (1983). The Measurement and Meaning of Trust in Government. *Political Methodology*, 9(3), 341–354.

27. Foa, R.S., & Mounk, Ya. (2017). The signs of deconsolidation. *Journal of Democracy*, 28(1), 5–16. <https://doi.org/10.1353/jod.2017.0000>

28. Levi, M., & Stoker L. (2000). Political trust and trustworthiness. *Annual Review of Political Science*, 3(1), 475–507. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.3.1.475>

29. Muxel, A. (2001). *L'expérience politique des jeunes*. Paris: Presses de Sciences Po.

30. Simmel, G. (1906). The Sociology of Secrecy and of Secret Societies. *American Journal of Sociology*, 11(4), 441–498. <https://www.jstor.org/stable/2762562>

31. Thomassen, J., & Kolk, H. van der. (2009). Effectiveness and political support in old and new democracies. *The Comparative Study of Electoral Systems*, (4), 333–346.

32. Torgler, B., & Schneider, F.G. (2009). The impact of tax morale and institutional quality on the shadow economy. *Journal of Economic Psychology*, 30(2),

228–245. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2008.08.004>

33. Uslaner, E. M. (2008). Trust as a Moral Value. *Handbook of Social Capital*, 2(2), 101–121.

34. Wroe, A., Allen, N., & Birch, S. (2013). The role of political trust in conditioning perceptions of corruption. *European Political Science Review*, 5(2), 175–195. <https://doi.org/10.1017/S1755773912000094>

35. Wu, C. (2020). Social capital and COVID-19: a multidimensional and multilevel approach. *Chinese Sociological Review*, 53(2), 27–54. <https://doi.org/10.1080/21620555.2020.1814139>

References

1. Alekseeva, A. Yu. (2009). Osnovnye elementy i struktura mezhlchnostnogo doveriya [The main elements and the structure of interpersonal trust]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, (3), 22–41.

2. Alexandrova, Ju. A. (2017). Politicheskoe doverie kak upravlencheskiy resurs v sisteme obshchestvenno-politicheskikh otnosheniy sovremennoy Rossii [Political trust as a managerial resource in the system of socio-political relations in modern Russia]. *Pravovaya kul'tura*, (3), 50–57.

3. Bertson, E. E. (2019). Rethinking political distrust. *European Political Science Review*, 11(2), 213–230. <https://doi.org/10.1017/S1755773919000080>

4. Chang, E. C. C. (2013). A comparative analysis of how corruption erodes institutional trust. *Taiwan Journal of Democracy*, 9(1), 73–92.

5. Chernitsyna, E. N. (2016). Politicheskoe doverie: kak ego izmerit'? [Political trust: how to measure it?]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, (54), 130–145.

6. Cunningham, E., Saich, A., & Turiel, J. (2020). Understanding CCP Resilience: Surveying Chinese Public Opinion Through Time. *The President and Fellows of Harvard College*, (23), 25–46.

7. Delhey, J., Newton, K., & Welzel, Ch. (2011). How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem. *American Sociological Review*, 76(5), 786–807. <https://doi.org/10.1177/0003122411420817>

8. Demidova, O. A. (2011). Modelirovanie doveriya naseleniya k osnovnym sotsial'nym i politicheskim institutam: sravnitel'nyy ekonometricheskii analiz [Modeling of public trust in basic social and political institutions: a comparative econometric analysis]. *Prikladnaya ekonometrika*, (1), 114–132.

9. Durkheim, E. (1995). *Sotsiologiya: Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology: Its subject, method, purpose]. Moscow: Kanon.

10. Feldman, S. (1983). The Measurement and Meaning of Trust in Government. *Political Methodology*, 9(3), 341–354.

11. Feng Yuxiang 冯菊香. (2015). Dinamika izmeneniya obshchestvennogo mneniya o goryachikh sobyitiyakh v seti Internet [New changes in online public opinion dissemination of hot events]. *Novosti znaniy* [News knowledge], 7(9–1013),

3–6. (In Chinese: 冯菊香. 热点事件的网络舆情传播新变. 载《新闻知识》2015年第7(9–1013)期).

12. Foa, R. S., & Mounk, Ya. (2017). The signs of deconsolidation. *Journal of Democracy*, 28(1), 5–16. <https://doi.org/10.1353/jod.2017.0000>

13. García-Albacete, G. M. (2014). *Young people's political participation in Western Europe: Continuity or generational change?* New York: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137341310>

14. Glushko, I. V. (2014). Sistemizatsiya nauchnykh podkhodov issledovaniya fenomena doveriya v otechestvennoy i zarubezhnoy sotsiologii (bibliograficheskiy analiz) [Systematization of scientific approaches of study of trust phenomenon in native and foreign sociology (bibliographic analysis)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (6–2), 51–55.

15. Grishin, N. V. (2021). “Teoriya podkrepleniya” i izuchenie vliyaniya internet-tekhnologiy na politicheskoe uchastie sovremennoy molodezhi [Reinforcement theory and study of the impact of internet technologies on political participation of modern youth]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 23(1), 47–59. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59>

16. Grishin, N. V. (2022). Sovremennye podkhody k izmereniyu politicheskogo doveriya: obzor rossiyskoy i zarubezhnoy nauchnoy literatury [Modern approaches to measuring political trust: a review of Russian and foreign scientific literature]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, (4), 75–80. https://doi.org/10.54398/1818510Kh_2022_4_75

17. Gulevich, O. A., & Guseva, V. V. (2021). Opravdanie sistemy, gruppovaya identifikatsiya i politicheskoe povedenie: protesty v Khabarovskom krae [System justification, group identification and political behavior: protests in Khabarovsk krai]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 12(3), 9–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120302>

18. Huo Ying 霍影. (2023). Teoreticheskiy progress i institutsional'noe razmyshlenie ob issledovaniyakh innovatsionnykh sistem s tochki zreniya mnozhestva spiraley [Theoretical progress and institutional reflection on innovation systems research from a multiple spirals perspective]. *Nauka i menedzhment* [Science and management], 43(4), 20–30. (In Chinese: 霍影. 多重螺旋视域下创新生态系统研究理论进展与制度反思. 载《科学与管理》2023年第43(4)期).

19. Kirilenko, V. P., & Alekseev, G. V. (2021). Izmerenie politicheskogo doveriya v usloviyakh sovremennoy demokratii [Measuring political trust in a modern democracy]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, (10), 22–34. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-10-22-34>

20. Kun Ming 喻明. (2012). Psikhologicheskiy analiz obshchestvennogo mneniya pri izuchenii ostrykh internet-sobytiy [Psychological analysis of public opinion in the study of acute Internet events]. *Zhurnal Yun'nan'skogo universiteta* [Journal of Yunnan University], (16), 186–201. (In Chinese: 喻明. 网络热点事件发展过程中的舆情心理分析. 载《云南大学学报》2012年第(16)期).

21. Levi, M., & Stoker L. (2000). Political trust and trustworthiness. *Annual Review of Political Science*, 3(1), 475–507. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.3.1.475>
22. Maksimova, S.G., Omelchenko, D.A., & Surtaeva, O.V. (2017). *Osnovy psikhologicheskoy diagnostiki: teoriya i praktika* (3-e izd., ispr. i dop.) [Fundamentals of psychological diagnostics: theory and practice (3rd ed., rev. and augm.)]. Barnaul: Izd-vo Altay. gos. un-ta.
23. Muxel, A. (2001). L'expérience politique des jeunes [The political experience of young people]. *Paris: Presses de Sciences Po*.
24. Naumova, N.F. (2006). *Filosofiya i sotsiologiya lichnosti* [Philosophy and sociology of personality]. Moscow: Kanon +: ROOI "Reabilitatsiya".
25. Noyanzina, O.E., Maximova, S.G., & Omelchenko, D.A. (2019). Vyrzhenost' doveriya k institutam grazhdanskogo obshchestva v regionakh rossiysko-aziatskogo prigranich'ya [Expressions of the trust to civil society institutes in regions of the Russian-Asian borderland]. *Society and Security Insights*, 2(2), 13–27. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)2-6231](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)2-6231)
26. Petushkova, V.V. (2023). Osobennosti razvitiya megapolisov Kitaya [Features of development of megacities in China]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii*, (3), 40–59. <https://doi.org/10.31249/espr/2023.03.03>
27. Simmel, G. (1906). The Sociology of Secrecy and of Secret Societies. *American Journal of Sociology*, 11(4), 441–498. <https://www.jstor.org/stable/2762562>
28. Sztompka, P. (2012). *Doverie – osnova obshchestva* [Trust – the foundation of society]. Moscow: Logos.
29. Thomassen, J., & Kolk, H. van der. (2009). Effectiveness and political support in old and new democracies. *The Comparative Study of Electoral Systems*, (4), 333–346.
30. Torgler, B., & Schneider, F.G. (2009). The impact of tax morale and institutional quality on the shadow economy. *Journal of Economic Psychology*, 30(2), 228–245. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2008.08.004>
31. Uslaner, E.M. (2008). Trust as a Moral Value. *Handbook of Social Capital*, 2(2), 101–121.
32. Wroe, A., Allen, N., & Birch, S. (2013). The role of political trust in conditioning perceptions of corruption. *European Political Science Review*, 5(2), 175–195. <https://doi.org/10.1017/S1755773912000094>.
33. Wu Chiayi 吴佳怡. (2023). Formirovanie i evolyutsiya strategii reagirovaniya na obshchestvennoe mnenie v period krizisnoy situatsii, na primere korotkogo video "Intsidenta Khu Mouyu" na platforme Douyin [Formation and evolution of a strategy for responding to public opinion during a crisis situation, using the example of a short video of the "Hu Moyu Incident" on the Douyin platform]. *Issledovaniya novykh media* [New Media Research], 6(10), 10–15. (In Chinese: 吴佳怡. 危机传播视域下短视频舆情的形成演化与应对策略——基于“胡某宇事件”在抖音平台的传播情况分析. 载《新媒体研究》2023年第6(10)期).
34. Wu Yong 吴勇. (2021). Krizis doveriya i reaktsiya na proekty NIMBY s tochki zreniya soglasheniya ob obshchestvennykh interesakh [Crisis of Confidence and Responses to NIMBY Projects from a Public Interest Agreement Perspective].

Zhurnal Universiteta Syantan' [Journal of Xiangtan University], 2(7), 19–25. (In Chinese: 吴勇. 社区利益协议视角下邻避项目信任危机与应对. 载《湘潭大学学报》2021年第2(7)期).

35. Wu, C. (2020). Social capital and COVID-19: a multidimensional and multilevel approach. *Chinese Sociological Review*, 53(2), 27–54. <https://doi.org/10.1080/21620555.2020.1814139>

Информация об авторе

Иващенко Татьяна Владимировна, аспирант, кафедра философии и политологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6939-3299>, e-mail: tatyana_ivashenk@list.ru

Information about the author

Tat'yana Vladimirovna Ivashchenko, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University, Barnaul, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6939-3299>, e-mail: tatyana_ivashenk@list.ru

---

ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА ДЕЛЕГИТИМИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Али Русланович Салгириев,

Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х.И. Ибрагимова РАН,
Москва, Россия,
010585@list.ru

Получена 11.03.2024.

Поступила после рецензирования 05.11.2024.

Принята к публикации 13.11.2024.

Для цитирования: Салгириев А.Р. Факторы и динамика делигитимизации политических элит Северного Кавказа // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 118–135. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_118

Аннотация

Северный Кавказ в силу геополитического расположения, этнической гетерогенности, выраженной социальной дифференциации и традиционализма является исторически уязвимым и дотационным российским регионом с высокой конфликтогенностью. Здесь перманентно возникают новые и активизируются старые точки этнополитической напряженности, что часто сопряжено с неразрешенностью территориальных споров и этнонациональных противоречий. В публикации ставится цель установления взаимосвязи между различными видами управления, способствующими процессам делегитимизации политических элит на Северном Кавказе. В связи с этим анализируется динамика этих процессов, выявляются основные причины, оказывающие на них влияние. Рассматривается

© Салгириев А.Р., 2024

комплексный анализ факторов, снижающих легитимность региональных акторов, подрывающих общественное доверие. Важно отметить, что ранее данный аспект не получал должного внимания со стороны исследователей, что актуализирует необходимость его содержательной проработки и соответствующей оценки. Раскрываются центристремительные и центробежные силы, воздействующие на подготовку, обсуждение и принятие управленческих решений. На Северном Кавказе ключевую роль в управляющих взаимодействиях политического процесса играют региональные политические элиты, обладающие необходимыми ресурсами власти и этномобилизационным потенциалом, ретранслирующие мнение рядовых граждан. Легитимность – основное условие стабильности и предсказуемости политической системы, фактор успешного формирования общественного благосостояния и развития. Являются ли региональные элиты той силой, которая может локализовать конфликты и сдерживать социальное и политическое напряжение на основе демократических и гражданских механизмов? Какова структура сегодняшних элит, выстроена ли она на меритократической основе? Ответы на эти вопросы являются дискуссионными и противоречивыми, что предполагает их дальнейшее осмысление. В статье применяются структурно-функциональный и системный подходы с опорой на неоинституциональный методологический принцип, а также анализируется субъектность политических элит и механизмы обеспечения легитимности власти. Географические рамки исследования – субъекты Северо-Кавказского федерального округа.

Ключевые слова:

политические элиты, делегитимизация, российский Северный Кавказ, доверие, трайбально-клановая структура, политический процесс, централизация, политическое управление

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 24–18–20103 «Угрозы политической безопасности на Северном Кавказе: деятельность региональных элит», <https://rscf.ru/project/24-18-20103/>

FACTORS AND DYNAMICS OF THE DELEGITIMIZATION OF POLITICAL ELITES IN THE NORTH CAUCASUS (RUSSIAN FEDERATION)

Ali R. Salgiriev,

H.I. Ibragimov Comprehensive Research Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
010585@list.ru

Received 11.03.2024.

Revised 05.11.2024.

Accepted 13.11.2024.

For citation: Salgiriev, A.R. (2024). Factors and Dynamics of the Delegitimization of the Political Elites in the North Caucasus (Russian Federation). *Discourse-P*, 21(4), 118-135. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_118

Abstract

The North Caucasus, characterized by its unique geopolitical location, ethnic diversity, pronounced social stratification and traditionalism, represents a historically vulnerable and subsidized region in Russia with substantial conflict potential. This study examines a continual emergence of new ethnopolitical tensions and a resurgence of old disputes, often linked to unresolved territorial conflicts and ethnonational controversies. The primary objective of this article is to analyze the relationship between different styles of governance and the processes that contribute to the delegitimization of political elites in the North Caucasus. By investigating the dynamics of these processes, we aim to identify the underlying factors that diminish the legitimacy of regional actors and public trust. Despite the significance of this issue, it has not received sufficient scholarly attention, which actualizes the need for a thorough investigation. Our analysis reveals the interplay between centripetal and centrifugal forces that shape decision-making in the region. Political elites of the North Caucasus, equipped with necessary resources of power and ethnomobilization capacity, play a crucial role in managing these interactions and conveying the perspectives of ordinary citizens. Legitimacy

emerges as a fundamental condition for the stability and predictability of the political system, and is vital for nurturing public welfare and development. This prompts critical inquires: are regional elites capable of localizing conflicts and mitigating social and political tensions through democratic and civil mechanisms? What constitutes the current structure of these elites, is it grounded in meritocracy? The responses to these questions remain controversial, indicating the necessity for continued exploration. The article employs structural, functional and systemic approaches rooted in neo-institutional methodologies, while also examining the subjectivity of political elites and mechanisms that ensure the legitimacy of power. The research focuses on the subjects within the North Caucasus Federal District of the Russian Federation.

Keywords:

political elites, delegitimization, Russian North Caucasus, trust, tribal-clan structure, political process, centralization, political governance

Funding:

The study was performed with the support of the Russian Science Foundation (RSF) grant No 24–18–20103 titled “Threats to Political Security in the North Caucasus: The Activities of Regional Elites”. For more information, please visit the RSF project page <https://rscf.ru/project/24-18-20103/>

Введение

Изучение тенденций, факторов и динамики снижения легитимности политических элит на уровне регионов – важнейшая научно-исследовательская проблема, требующая своего решения. Существует несколько факторов, способствующих утрате легитимности политических элит. Один из основных связан с реалиями деятельности элит в условиях социально-экономической нестабильности. Второй важный фактор – межнациональные конфликты, а также сохранение архаических этнокультурных традиций и устойчивых региональных этнополитических процессов. Часто различия в этническом составе населения и наличие различных религиозных убеждений сказываются на напряженность и конфликты между этносоциальными и политическими группами.

В проведенном исследовании подробно анализируется влияние клановости и коррупции на делегитимизацию политических элит Северного Кавказа. Результаты исследования позволяют глубже понять динамику этих процессов, выявить корреляцию между различными факторами и определить основные причины, оказывающие наибольшее влияние на рассматриваемую проблему.

Усиление социального неравенства и отчуждение между верхним и нижним слоями общества, закрытые каналы рекрутирования элит – узловые причины снижения доверия к власти на региональном уровне, что особенно отчетливо просматривается на Северном Кавказе. Рост доходов небольшой группы людей, теневые признаки экономики, традиционалистская природа власти, клановость (часто и трайбализм) детерминируют неудовлетворенность, протест, политическую напряженность в социуме, создают общую аномию, что усиливает групповую поляризацию. Протестные акции гражданского неповиновения, появление популистских партий и реанимация контрэлит – результат общего недовольства политической элитных групп (Thal, 2023; Bonikowski, Zhang, 2023).

Делегитимизация – фактор, который способствует политической дестабилизации и сдерживает развитие социума. Подрывая доверие к политической системе и углубляя социальную напряженность, она затрудняет принятие корректных рациональных решений в интересах страны. Без эффективной деятельности по восстановлению доверия общества к элите трудно вернуть легитимность власти и создать условия для справедливого развития всех слоев населения. Представляется необходимым анализ возможных стратегий по преодолению делегитимизации элит, установлению более справедливого социального порядка.

Вопросы формирования, институционализации и циркуляции политических элит всегда привлекали внимание философов, экономистов, социологов и политологов (Gilens, Page, 2014; Крыштановская, Лавров, 2024 и др.). Элиты определяют направленность самой политики, корреспондируют мнение рядовых граждан и играют заметную роль в управлении. Считаем, что анализ генезиса, функционирования и эволюции политических элит, в том числе на субнациональном уровне, является фундаментальной и актуальной прикладной научной проблемой.

Легитимность власти – главное условие для эффективного функционирования политических институтов, органов государственной власти и системы подготовки и принятия управленческих решений (Bottomore, 1993; Hunter, 1953; Best, Higley, 2014). В политическом смысле легитимность власти – это признание законности, авторитета и престижа власти большинством населения. А в технократическом смысле она рассматривается как процесс делегирования полномочий обществом через представительные органы власти и институции. В широком смысле легитимность понимается как добровольное принятие социумом права принимать элитами политические решения вместо него. От уровня легитимности власти зависит стабильность и предсказуемость политического процесса. Чем ниже легитимность, тем больше усиливается политическая поляризация общества, турбулентность, что приводит к возрастанию политической напряженности и конфликтогенности.

Легитимность власти основана на высоком уровне институционального доверия, одобримости электоратом политики властвующей элиты и лидера. Доверие, легитимность, транспарентность представляют собой категории,

характеризующие демократические государства, где гражданские свободы и права человека неприкосновенны и незыблемы, составляя основу правового общества. В Конституции России, как и в региональных конституциях северо-кавказских республик, прописано, что они являются демократическими, правовыми и социальными государствами. Это налагает определенную ответственность на местные власти в части не только директивного обеспечения демократических основ как достоинства, но и как функции государства. Сочетание в исследуемом регионе патерналистских, клановых, этноцентристских связей и непотизма фундируют антагонистическую природу и инверсию концепции самой власти (Araya, 2018; Gehler, Rollinger, 2022). Является ли это противоречие преодолимым или нет? Этот вопрос достаточно сложный, требующий специального рассмотрения.

Применяя неонституциональный, структурно-функциональный, системный подходы, основываясь на неонституциональном подходе, осуществляется анализ ресурсной базы субъектности политических элит, обеспечивающих безопасность в регионе, с учетом ее этноконфессиональной и поликультурной структуры.

На основе структурного функционализма объект исследовательского внимания (делегитимизация) рассматривается как система, целостная структура, четко встроенная в единое поле политического управления. Этноэлиты нельзя рассматривать изолированно, вне историко-культурного, политического контекста. Важно понимать, что элиты являются радикальным продуктом самих этносов, функциональным компонентом в системе политики и ценностей народов. Используется «Общая теория действия» Т. Парсонса, выработанная в соответствии со структурно-функциональным подходом. Учитывая недостатки данного подхода, надо отметить, что он не является единственным, так как структурный функционализм не рассматривает частоту конфликтов и глубину подсистемных акторов управляющих взаимодействий. Такие социальные явления, как теневилизация, клановость, нередко оказывают определяющее воздействие на подготовку и принятие решений в условиях Кавказа.

Наряду с философскими и общенаучными подходами и методами в настоящей статье применяются специализированные политологические методики и технологии анализа: метод анализа конкретной ситуации – case-study; вторичный анализ данных социологических исследований; контент-анализ.

Результаты исследования

На Северном Кавказе с его множеством этносов, обладающих своими этнокультурными ценностями, традициями, при сосуществовании мировых религий проявляются латентные формы конфликтности. Сама основа политического управления в этом полиэтническом, поликонфессиональном российском регионе нередко строится с учетом клановых, традиционалистских принципов, а политические институты часто функционируют на основе патрон-клиентальных отношений. Процессы рекрутирования и инкорпорации

элит в этих условиях выстроены по закрытым каналам. Эта архаика политических реалий способствует формированию перманентной этнополитической напряженности и конфронтации. Формирование элитных структур в регионе часто сопровождается коррупцией и закрытостью системы подготовки и принятия решений. Такая организация власти создает дополнительные сложности в ходе установления легитимности властвующей элиты. Несправедливое распределение ресурсов и привилегий, подбор и расстановка кадров вызывает осязаемое недовольство населения, что может повлечь за собой социальные конфликты и нестабильность.

В связи с этим представляется уместным рассмотрение состояния и динамики преступлений в регионе (Таблица 1)¹.

Таблица 1 – Состояние и динамика тяжких и особо тяжких преступлений в России (Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации)

Table 1 – The State and Dynamics of Serious and Especially Serious Crimes in Russia (Source: Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

	ЗАРЕГИСТРИРОВАНО (в отчетном периоде)			РАСКРЫТО						НЕ РАСКРЫТО (из находящихся в производстве)		
				с учетом преступлений прошлых лет			без учета преступлений прошлых лет					
	ВСЕГО	+,- в %	Уд. вес в числе зарег. преступлений %	ВСЕГО	+,- в %	ВСЕГО	+,- в %	РАСКРЫВАЕМОСТЬ, %	Уд. вес от числа находящихся в производстве преступлений данного вида, %	ВСЕГО	+,- в %	Уд. вес от общего числа преступлений, приост. по п.1–3 4.1 ст. 208 УПК РФ, %
Северо-Кавказский ФО	15324	3,3	31,1	8341	-3,1	7382	-6,6	54,0	34,8	6282	10,6	37,3
Ставропольский край	6747	3,8	29,7	3349	-1,4	2789	-11,5	43,3	28,8	3646	10,0	32,5
Республика Ингушетия	748	24,5	48,3	436	73,7	416	109,0	64,2	34,5	232	11,0	55,5
Республика Дагестан	3068	-6,4	30,9	1971	-13,6	1786	-13,8	74,0	43,7	629	1,3	52,1
Кабардино-Балкарская Респ.	1613	11,5	33,0	835	-2,8	775	-2,3	56,9	39,3	587	10,8	44,1
Респ. Сев. Осетия – Алания	1790	8,9	31,7	927	-2,2	890	-2,7	55,3	37,4	718	40,5	45,6
Карачаево-Черкесская Респ.	869	-0,3	29,5	485	-3,4	438	-8,2	59,6	35,6	297	-5,7	35,6
Чеченская Республика	489	-2,0	30,7	338	-8,9	288	-2,0	62,5	43,1	173	-3,9	65,0

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь – май 2023 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Взято 5 апреля 2024, с <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/39336121/>

В настоящее время общий рост тяжких и особо тяжких преступлений в Северо-Кавказском округе вырос на 3,3%. В связи с этим особую обеспокоенность вызывает коррупция и клановость. В целом коррупция является острой проблемой в масштабах всей России. Генеральный прокурор РФ И. Краснов констатирует: «В российские суды направлено почти 4,5 тыс. заявлений на сумму свыше 300 млрд рублей. В казну фактически обращено имущество стоимостью 90 млрд рублей. Столь значительных результатов мы не фиксировали за весь период статистического наблюдения»². Выявленные цифры хищения государственных средств составляют бюджет нескольких регионов страны.

Региональные политические элиты, обладая реальной субъектностью политического управления, способны мобилизовать этнический потенциал и ресурсы (Колядин, 2016; Сиражудинова и др., 2014; Дзахова, Цораев, 2016; Аствацатурова, 2016; Алигаджиева, 2015; Щербина, 2005). Федеральные политико-административные элиты вынуждены договариваться с этнополитическими элитами, вести с ними постоянный диалог, предоставлять им преференции и дотации в обмен на лояльность (Слива, 2023; Иванова, Засеева, 2023; Крыштановская, Лавров, 2024; Борокова, 2023). Регулярный «торг» федерального центра и региональных элит принуждает обе стороны идти на компромиссы, взаимные уступки, усиливая делегитимацию элит. Нередко федеральный центр использует комплекс механизмов принуждения в диалоге с региональными элитами. Основным инструментом является финансирование, предоставляемое республикам на условиях, способствующих укреплению вертикали власти и стабильности политической системы. Через распределение бюджетных средств федеральный центр диктует приоритеты в политической системе, нежели в экономическом и социальном развитии, оказывая поддержку и давление одновременно. Акторы усвоили данную диспозицию и пытаются в этой системе координат определять свои приоритеты в управляющих взаимодействиях.

Эти методы укрепляют государственную безопасность, усиливают политическую иерархию, а также превращаются в инструменты политического давления, что повышает зависимость регионального руководства от центральных властей, уменьшая их автономию в принятии решений на местах. На практике такой подход понижает политическое присутствие Москвы в регионах.

В современном политическом процессе сложно проследить уровень институционального доверия с помощью метрических показателей и социологического наблюдения. Многие центры изучения общественного мнения аффилированы с государственными институтами (тогда как независимых социологических и мониторинговых служб мало).

Часто осуществляемый ими анализ не является корректным, и строить на его основе обобщающие объективные выводы не представляется возможным.

---

² Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации. *Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. Взято 1 апреля 2024, с <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=87329761>

Уровень безработицы, существующий на Северном Кавказе, негативно отражается на экономических и политических процессах в регионе, часто способствует возникновению конфликтов, образованию коррупционных схем (Таблица 2).

Таблица 2 – Социально-экономические показатели.

Уровень зарегистрированной безработицы³

Table 2 – Socio-Economic Indicators. The Level of Registered Unemployment

Федеральный округ	2020	2021	2022
Северо-Кавказский федеральный округ	10,7	3,4	2,5
Республика Дагестан	8,3	2,5	1,1
Республика Ингушетия	18,4	14,9	9,8
Кабардино-Балкарская Республика	16,4	2,5	1,7
Карачаево-Черкесская Республика	11,1	1,4	1,0
Республика Северная Осетия – Алания	6,8	1,7	0,9
Чеченская Республика	19,2	8,0	8,0
Ставропольский край	6,2	0,9	0,6

Данные таблицы показывают относительно высокий уровень зарегистрированной безработицы в Северо-Кавказском федеральном округе – 2,5%. Уровень безработицы в стране ниже: Центральный федеральный округ – 0,5%, Северо-Западный федеральный округ – 0,7%, Южный федеральный округ – 0,6%, Приволжский федеральный округ – 0,6%, Уральский федеральный округ – 0,7%, Сибирский федеральный округ – 1,0%, Дальневосточный федеральный округ – 0,8%.

Существенным конфликтогеном в политико-элитной диспозиции региона является наличие высокого уровня клановости. Политическая элита

³ Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Взято 6 июня 2024, с <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

на Северном Кавказе состоит из представителей различных клановых группировок, которые делятся на тайпы, тукумы, фамилии, односельчан, клики, семейства и др. Члены этих группировок обладают значительными ресурсами и властью в подготовке и принятии тактических решений. Занимая высшие посты в правительстве, военных структурах и бизнесе, они контролируют ключевые ресурсы, имеют доступ к финансовым и политическим активам. Кланов формируют коалиции и альянсы, участвуют в политических партиях, лоббируют свои интересы и поддерживают союзников из других клановых группировок. Клановая структура способствует формированию сложной политической системы, основанной на интригах, компромиссах и перегруппировках сил. Региональная клановость часто является причиной напряженности, отдельных преступлений и сдерживающим фактором социально-политического развития, модернизации. Постоянная борьба за контроль над ресурсами и позициями приводит к межклановым конфликтам и насилию. Высказывается мнение о том, что элита региона часто допускает низкую лояльность к центральной власти, поскольку основой взаимоотношений является частота дотаций и трансфертов из федерального бюджета.

В каждом субъекте СКФО имеются свои особенности и реалии функционирования кланов, которые встроены в систему государственной власти. В том или ином органе исполнительной власти, силовой структуре или на предприятии может быть разная степень концентрации представителей одной нации, тейпа, семейства и прочего, в зависимости от конкретной республики. При очередной смене элит неминуемо происходит перегруппировка, «обновление» кланов в неклассическом смысле, то есть их смена на другие или транзит. В Дагестане существуют несколько кланов или групп давления, в самом общем виде их можно перечислить следующим образом: Даргинский этнический клан (Магомедсалам Магомедов – «Магомедовы»), Аварский этнический клан (наиболее известные представители в прошлом: Сагидпаша Умаханов, Сагид Муртазалиев), Лезгинский этнический клан, Кумыкский этнический клан, Лакский этнический клан, Азербайджанский этнический клан («Курбановы»). В Ингушетии – Белхароевы, Калиматовы (недавний арест брата действующего главы региона только усиливает клановый характер субъекта). В Карачаево-Черкесии – аресты представителей семьи Арашуковых и другие.

Региональные элиты склонны защищать и отстаивать позиции своей клановой группировки, игнорируя при этом общественные интересы. Это создает проблему для федеральных органов власти, которые стремятся укрепить свое присутствие, централизацию и контроль над регионом, представляет вызов для достижения стабильности и развития Северного Кавказа, тормозит демократический процесс, политическую и экономическую конкуренцию, и как следствие, провоцирует напряжение (Вартумян, 2005; Понеделков, Старостин, 2008).

Деятельность кланов в регионе строится по родоплеменному признаку: в Дагестане – тукумы, в Ингушетии – фамилии, в Чечне – тайпы, – все они прочно встроены и институционализированы в систему политики. Очевидна тенденция

разрастания и усиления обстоятельств, способствующих формированию новых кланов, здесь речь не идет о профессионализме, образовании и общественном признании. Клань аффилированы с региональными органами государственной власти, контролируют распределение экономических, политических, административных, материальных и финансовых ресурсов.

Социальная и политико-правовая структура региона укрепляет влияние региональных лидеров, которое в значительной степени опирается на персональную лояльность, патерналистские отношения и контроль над ресурсами власти. Особенно ярко эти процессы проявляются во время избирательного процесса: высокая явка на выборах тесно связана с поддержкой определенных кандидатов, что свидетельствует не только о гражданской активности, но и о влиянии элит, отражая их эффективность и способность воздействовать на работу всей политической системы. Уровень явки на выборах и прозрачность избирательной кампании традиционно являются областью ответственности региональных элит, глав регионов и муниципалитетов.

Эта зависимость порождает интересный парадокс. С одной стороны, наблюдается стабильно высокий уровень легитимации региональных властей на выборах, что сопровождается большой явкой и высокой поддержкой узкого круга кандидатов. С другой стороны, возникают утверждения о делегитимации элит, чья закрепленная власть и тактика административного ресурса подвергаются критике со стороны оппозиционно настроенных сегментов общества и экспертов. Разбор этих утверждений позволяет выявить взаимозависимость между политикой, практическими действиями элит и реальными избирательными результатами: высокие показатели явки и голосования за определенных кандидатов часто интерпретируются как показатель политической стабильности и популярности текущего руководства, но критика указывает на возможные манипуляции и контролируемый процесс⁴.

Эти обстоятельства свидетельствуют о сложном и многогранном взаимодействии между элитами и широкими массами населения на Северном Кавказе, особенно в контексте выборных кампаний. Так, в 2024 г. на президентских выборах явку 90 % превысили следующие регионы: Чечня – 97,06%; Кабардино-Балкария – 95,71%; Северная Осетия – 91,80%; Дагестан – 91,63%; Карачаево-Черкесия – 90,07%⁵. Кроме того следует дополнительно отметить, что избирательная кампания и ее результаты не являются определяющим фактором легитимности элит, так как важен не только сам факт проведения выборов, но глубокий анализ всей совокупности элементов, которые определяют саму систему и природу власти в регионе.

Производственные предприятия, топливно-энергетические комплексы, торговые объекты и сфера услуг находятся в руках региональных элит, передаваясь практически по наследству. Об этом свидетельствуют уголовные дела против сена-

⁴ Зоны электоральной аномалии проявились на Северном Кавказе. Взято 5 мая 2024, с <https://capost.tilda.ws/>

⁵ Рекордная явка и поддержка Путина: как прошли выборы на Кавказе. РБК. Взято 18 апреля 2024, с <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/18/03/2024/65f801659a7947781ed1b285>

тора от Карачаево-Черкесии Рауфа Арашукова⁶, арест действующего мэра города Махачкала Саида Амирова⁷, задержание Мустафы Белхароева в Ингушетии⁸ и др.

Клановость основательно проникла в региональные органы власти на самом высоком политическом уровне. Тотальный контроль кланов над государственными и частными экономическими активами, протекционизм, жесткий административный контроль даже над филиалами федеральных бизнес-структур аккумулирует высокий конфликтный потенциал и тормозит развитие региона. Криминальные структуры долгие годы существовали практически безнаказанно и были встроены в органы власти, государственные должности передавались по наследству. По нашим наблюдениям, даже отставка чиновника не всегда означает утрату его влияния на территории или организации. Это формирует новый тип руководителя, находящегося под постоянным воздействием предшественников, формально лишенных власти, но независимых от кланово-управленческой системы. Происходит эволюция клановости, ее адаптация к реальным изменениям.

Борьба с клановостью требует системного подхода и координации усилий со стороны федерального центра и элементов гражданского общества. Изменение менталитета, политической культуры, экономическая интеграция, развитие диалога и активная роль органов власти представляются существенным условием успешной борьбы с этой проблемой. Преодоление этнической клановости не только способствует созданию более гармоничного и толерантного общества, но и открывает новые возможности для развития экономики, формирует устойчивость и предсказуемость всей политической системы.

Коррупция на Северном Кавказе является одним из основных негативных факторов, который способствует усилению напряженности в обществе, политической сегрегации и формированию социально-политического отставания. Из-за коррупционных и бюрократических барьеров большие объемы федеральных субвенций, кредиты на выравнивание региональных бюджетов, адресное «дофинансирование», преференции не позволяют дать реальный и эффективный экономический результат по повышению благосостояния народов, развитию инфраструктуры и социальной сферы. Секретарь Совбеза РФ Н. Патрушев в ходе выездного совещания заявил о необходимости усилить борьбу с коррупцией на Северном Кавказе, отметив, что размер материального ущерба государства от коррупционных преступлений составляет свыше 2,8 млрд рублей⁹. Распространение коррупции и социальная дифференциация в регионе являются также условием развития экстремизма.

---

⁶ Суд приговорил отца и сына Арашуковых к пожизненному заключению. *РБК*. Взято 5 апреля 2024, с <https://www.rbc.ru/society/27/12/2022/63aab0b29a79472a211c0c1a>

⁷ Дело Саида Амирова. *РИА Новости*. Взято 1 февраля 2024, с <https://ria.ru/20150827/1206580513.html>

⁸ ФСБ задержала лидера одного из самых влиятельных на Северном Кавказе кланов. *Lenta.ru*. Взято 25 января 2024, с <https://lenta.ru/news/2022/10/28/belkhoroev/>

⁹ Коррупция Северного Кавказа: как справиться с кланами и семейными узами. Взято 1 февраля 2024, с <http://regcomment.ru/analytics/korrupsiya-severnogo-kavkaza-kak-spravit-s-klanami-i-semejnymi-uzami/>

«Коррупционные преступления и клановость мешают реализации проектов по социально-экономическому развитию регионов Северного Кавказа», – констатирует представитель президента в Северо-Кавказском федеральном округе Юрий Чайка. Это заявление свидетельствует о глубине и сложности этого социально-политического явления. Коррупционные преступления в Северо-Кавказском федеральном округе составляют 3 % от общего объема преступлений в 2019 г., что в два раза выше среднероссийского показателя.

Коррупция на Северном Кавказе вмонтирована в саму систему государственного и муниципального управления, нередко оказывая решающее значение на принятие управленческих решений. Коррупция здесь имеет ярко выраженный этнический характер, который связан с традиционными общинными и клановыми структурами. В каждой из этнических групп элиты участвуют в распределении доступа к ресурсам и возможностям. Это объясняет не только персистенцию коррупционных схем, но и их специфику в различных этнических сообществах. Например, в одних этнических сообществах коррупция тесно переплетается с практикой «кумовства», где важные государственные и экономические ресурсы контролируются широкой сетью родственных и кумовских связей. В других случаях, коррупция может опираться на более формализованные клановые структуры, где элиты используют свою власть для поддержки членов своего клана на позициях в администрации, силовых структурах или в бизнесе. Такая специфика коррупции влечет за собой серьезные последствия для социальной и экономической стабильности региона. Она не только углубляет социальное неравенство и подрывает доверие к институтам государственной власти, но и закрепляет существующее этническое деление, препятствуя формированию эффективного гражданского общества и провоцируя появление новых точек этнополитической напряженности.

Традиционные связи и лояльность к своему этносу (тайпу, фамилии и др.) часто ставятся выше законов и общественных интересов. Элиты, используя свое положение, способствуют укреплению власти внутри своей этнической группы, рассматривая государственные ресурсы как средство для обогащения и упрочения своих позиций, формируя закрытые клиентеллы и кланы. Эти процессы сегодня в регионе только усиливаются, становятся все более очевидными.

На наш взгляд, сама природа коррупции основана на двух факторах: экономическом и культурном. К экономическому фактору можно отнести следующие причины: общая социально-экономическая отсталость Северного Кавказа, сильное социальное расслоение, бедность, безработица и большая доля теневой экономики. Дотации и трансферты из федерального бюджета и выстраивание системы сдержек между федеральным финансовым органом и республиканскими органами власти привели к установлению системы отношений со своими укорененными установками и правилами, что приводит к взаимным уступкам и компромиссам. Второй фактор сопряжен с установлением толерантного отношения кланово-трайбального общества к коррупции, прочным закреплением системы благодарности, проявления «уважения».

Заклучение

Для успешной борьбы с коррупцией необходимо планомерно развивать экономический потенциал региона, нельзя допустить ее превращения в системообразующий детерминант в отношениях «центр – регион». В дотационных экономиках риск коррупционности всегда будет оставаться на высоком уровне. Важно успешно развивать многообразие форм экономики, минимизируя разовые дотации. Без строительства заводов, развития топливно-энергетического комплекса, сельского хозяйства, легкой промышленности, сферы обслуживания очень сложно достичь успеха. С другой стороны, следует одновременно вести постоянную ротацию госслужащих, осуществляя эффективный подбор и расстановку кадров, особенно на Северном Кавказе. Это должно происходить исключительно по транспарентным каналам. Важным условием борьбы с коррупцией является повышение общего образования молодежи региона, так как с помощью качественного общего и высшего образования можно адаптировать молодежь в культурное и политическое пространство страны. Кроме того, должны заработать социальные лифты, вестись жесткая борьба с коррупцией в образовательных организациях, при трудоустройстве. Сегодня государство должно развивать общероссийские ценности, формировать гражданина России. Общегражданская идентичность народов Северного Кавказа должна идти в парадигме социального и этнокультурного развития народов России.

Представляется, что решение проблемы легитимности власти требует не только учета этнического разнообразия региона, но и пересмотра федеральной политики в отношении местных элит, ограничения их политического влияния. Федеральная политика должна строиться не как механизм вмешательства в кризисные точки, а как реальный, эффективно действующий регуляторный центр. Вместе с тем ключевым условием повышения легитимности элит является поддержка со стороны населения. Это предполагает проведение открытых дискуссий, учет общественного мнения, активное вовлечение граждан в политическую жизнь региона через выборы, независимую журналистику, политическую прозрачность, активную деятельность общественных и неправительственных организаций.

Еще одним важным условием повышения легитимности и признания авторитета власти в регионе является интеграция народов Северного Кавказа в единое социокультурное, цивилизационное пространство России. Сказанное возможно посредством реализации эффективного комплекса мер, направленного на повышение межнационального согласия, сглаживание этических конфликтов. Нужно учитывать, что сегодня наблюдается возрастающий цивилизационный разлом между народами Кавказа, что усиливает кризис идентичности, общественной легитимности, корни которого уходят в сложное переплетение исторических, политических, экономических и культурных факторов.

Развитие общества происходит посредством целенаправленной борьбы с коррупцией, клановостью, протекционизмом, семейственностью и политической неустойчивостью. Для успешного преодоления этих проблем следует разработать и реализовать эффективные стратегии и соответствующие меры. Одной из ключевых стратегий борьбы с коррупцией является установление четких правил взаимодей-

ствия государственных органов с предпринимателями и гражданами. Контроль за расходованием бюджетных средств должен быть жестким и непредсказуемым. Также нужно осуществлять систематический мониторинг доходности государственных служащих, чтобы выявить факты незаконного обогащения. Преодоление клановости не представляется возможным без глубоко продуманной политики интеграции, формирования общенациональной идентичности. Нужно снизить доминирование шовинистических тенденций, а также этнических и региональных факторов в политической жизни российского общества. Это можно достичь путем проведения эффективной политики демократизации, обеспечения равенства стартовых возможностей для всех граждан, решительного запрета дискриминации по этническому или региональному признаку.

Низкая политическая устойчивость является следствием всех вышеперечисленных факторов, что в итоге приводит к делегитимации политической системы, перманентной политической турбулентности, подрывает институциональное доверие и авторитет власти. Борьба с этими явлениями требует применения весьма простого и понятного комплекса мер, который включает в себя правовые реформы, повышение эффективности борьбы с коррупцией и создание условий для развития свободной экономики.

Устойчивое развитие и повышение легитимности элитных структур на Северном Кавказе повышает установление доверительных отношений между элитами и населением, направлено против коррупции, на эффективное развитие экономики региона, инвестирование в образование и культуру. Активное взаимодействие всех заинтересованных сторон позволит создать базу для стабильного социально-политического развития Северного Кавказа. Решение отмеченных проблем сопряжено с успешным осуществлением политических и социальных реформ, способствующих укреплению условий для осуществления легитимности элит Северного Кавказа. При этом возрастает роль постоянного диалога между властью и населением, разработки механизма эффективного гражданского контроля за деятельностью элит, широкое культивирование ценностей патриотизма, веры в общее Отечество на основе просвещения и образования. В этом случае вполне достижимы долгосрочная политическая, социальная стабильность, интеграционные процессы и процветание Северного Кавказа. В решении этих задач необходимо активно мобилизовать ресурсы государства, ученых, гражданского общества.

Список литературы

1. Алигаджиева, М.А. (2015). Национально-политические элиты Дагестана: специфика их формирования и функционирования. *Власть*, (9), 198–200.
2. Аствацатурова, М.А. (2016). Этнический фактор и системанеформального этнического квотирования современной северокавказской политико-управленческой элиты. В А.Ю. Шутов и др. (Ред.), *Элитология и стратегии развития современной России: материалы Второго Всерос. элитолог. конгр.*

с междунар. участием (Т. 2, с. 295–311). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.

3. Борокова, И.Д. (2023). Политическая модернизация в традиционных обществах (на примере Северного Кавказа). *Социально-политические науки*, 13(1), 45–51. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2023-13-1-45-51>

4. Вартумян, А.А. (2005). *Региональный политический процесс в современной России (динамика, тенденции, особенности)*. Москва: Изд-во Рос. гос. социал. ун-та.

5. Дзахова, Л.Х., Цораев, З.О. (2016). *Элиты в политическом процессе современной России*. Владикавказ: Изд-во СОГУ.

6. Иванова, М.И., Засеева, А.С. (2023). Легитимация политической элиты в философии постмодернизма. *Общество: политика, экономика, право*, (4), 31–40. <https://doi.org/10.24158/пер.2023.4.4>

7. Колядин, А.М. (2016). Формирование политической элиты и процесс политического развития. *Правовое поле современной экономики*, (8), 42–50.

8. Крыштановская, О.В., Лавров И.А (2024). Вертикальная мобильность в российской политике. *Социологические исследования*, (10), 25–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100039>

9. Понеделков, А.В., Старостин, А.М. (2008). Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее. *Полис. Политические исследования*, (6), 86–98.

10. Сиражудинова, С.В., Саидов, А.А., Алигаджиева, М.А. (2014). *Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты*. Москва: Перо.

11. Слива, Е.С. (2023). Социальные роли и общественные функции политических элит. В Т.П. Черкасова, Л.Л. Иванова (Ред.), *Современные тенденции в государственном управлении, экономике, политике, праве* (с. 341–343). Ростов-на-Дону.

12. Щербина, Е.А. (2005). *Этническая конфликтология (региональный аспект)*. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т.

13. Araya, I.A. (2018). Comparative Political Elites. In A. Farazmand (Ed.), *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance* (pp. 923–930). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20928-9_1269

14. Best, H., & Higley, J. (Eds.). (2014). *Political Elites in the Transatlantic Crisis*. Palgrave Macmillan.

15. Bonikowski, B., & Zhang, Y. (2023). Populism as Dog-Whistle Politics: Anti-Elite Discourse and Sentiments Toward Minority Groups. *Social Forces*, 102(4). <https://doi.org/10.1093/sf/soac147>

16. Bottomore, T. (1993). *Elites and Society* (2nd ed.). London: Routledge.

17. Gehler, M., & Rollinger, R. (2022). Imperial Turn: Challenges, Problems and Questions. In M. Gehler, & R. Rollinger (Eds.), *Empires to be remembered: Ancient Worlds through Modern Times* (p. 3–39). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-34003-2_1

18. Gilens, M., & Page, B. (2014). Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens. *Perspectives on Politics*, 12(3), 564–581. <https://doi.org/10.1017/S1537592714001595>

19. Hunter, F. (1953). *Community Power Structure: A Study of Decision Makers*. Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press.
20. Thal, A. (2023). Do Political Elites Have Accurate Perceptions of Social Conditions? *British Journal of Political Science*, 53(4), 1–19. <https://doi.org/10.1017/S0007123422000643>

References

1. Aligadzhieva, M.A. (2015). Natsional'no-politicheskie elity Dagestana: spetsifika ikh formirovaniya i funktsionirovaniya [National-political elites of Dagestan: the specifics of their formation and functioning]. *Vlast'*, (9), 198–200.
2. Araya, I.A. (2018). Comparative Political Elites. In A. Farazmand (Ed.), *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance* (pp. 923–930). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20928-9_1269
3. Astvatsaturova, M.A. (2016). Etnicheskiy faktor i sistemaneformal'nogo etnicheskogo kvotirovaniya sovremennoy severokavkazskoy politiko-upravlencheskoy elity [The ethnic factor and the system of informal ethnic quotas of the modern North Caucasian political and managerial elite]. In A. Yu. Shutov et al. (Eds.), *Elitologiya i strategii razvitiya sovremennoy Rossii: materialy Vtorogo Vseros. elitolog. kongr. s mezhdunar. uchastiem* (Vol. 2, pp. 295–311). Rostov-on-Don: Izd-vo YuRIU RANKhiGS.
4. Best, H., & Higley, J. (Eds.). (2014). *Political Elites in the Transatlantic Crisis*. Palgrave Macmillan.
5. Bonikowski, B., & Zhang, Y. (2023). Populism as Dog-Whistle Politics: Anti-Elite Discourse and Sentiments Toward Minority Groups. *Social Forces*, 102(4). <https://doi.org/10.1093/sf/soac147>
6. Borokova, I.D. (2023). Politicheskaya modernizatsiya v traditsionnykh obshchestvakh (na primere Severnogo Kavkaza) [Political modernization in traditional societies (by the example of the North Caucasus)]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*, 13(1), 45–51. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2023-13-1-45-51>
7. Bottomore, T. (1993). *Elites and Society* (2nd ed.). London: Routledge.
8. Dzakhova, L. Kh., & Tsoraev, Z.O. (2016). *Elity v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii* [Elites in the political process of modern Russia]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU.
9. Gehler, M., & Rollinger, R. (2022). Imperial Turn: Challenges, Problems and Questions. In M. Gehler, R. Rollinger (Eds.), *Empires to be remembered: Ancient Worlds through Modern Times* (pp. 3–39). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-34003-2_1
10. Gilens, M., & Page, B. (2014). Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens. *Perspectives on Politics*, 12(3), 564–581. <https://doi.org/10.1017/S1537592714001595>
11. Hunter, F. (1953). *Community Power Structure: A Study of Decision Makers*. Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press.
12. Ivanova, M.I., & Zaseeva, A.S. (2023). Legitimatsiya politicheskoy elity

v filosofii postmodernizma [Legitimization of the political elite in the philosophy of postmodernism]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, (4), 31–40. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.4.4>

13. Kolyadin, A. M. (2016). Formirovanie politicheskoy elity i protsess politicheskogo razvitiya [Formation of political elite and process of political development]. *Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki*, (8), 42–50.

14. Kryshantovskaya, O. V., & Lavrov I. A. (2024). Vertikal'naya mobil'nost' v rossiyskoy politike [Vertical mobility in russian politics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 25–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100039>

15. Ponedelkov, A. V., & Starostin, A. M. (2008). Regional'nye administrativno-politicheskie elity Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Russia's regional administrative-political elites: the past, the present, the future]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (6), 86–98.

16. Shcherbina, E. A. (2005). *Etnicheskaya konfliktologiya (regional'nyy aspekt)* [Ethnic conflictology (regional aspect)]. Stavropol: Stavrop. gos. un-t.

17. Sirazhudinova, S. V., Saidov, A. A., & Aligadzhieva, M. A. (2014). *Ozhidaniya Dagestana: sotsial'no-politicheskie transformatsii i elity* [Dagestan's Expectations: socio-political transformations and elites]. Moscow: Pero.

18. Sliva, E. S. (2023). Sotsial'nye roli i obshchestvennye funktsii politicheskikh elit [Social roles and social functions of political elites]. In T. P. Cherkasova, & L. L. Ivanova (Eds.), *Sovremennye tendentsii v gosudarstvennom upravlenii, ekonomike, politike, prave* (pp. 341–343). Rostov-on-Don.

19. Thal, A. (2023). Do Political Elites Have Accurate Perceptions of Social Conditions? *British Journal of Political Science*, 53(4), 1–19. <https://doi.org/10.1017/S0007123422000643>

20. Vartumyan, A. A. (2005). *Regional'nyy politicheskiy protsess v sovremennoy Rossii (dinamika, tendentsii, osobennosti)* [Regional political process in modern Russia (dynamics, trends, features)]. Moscow: Izd-vo Ros. gos. sotsial. un-ta.

Информация об авторе

Али Русланович Салгириев, кандидат политических наук, докторант сектора философских проблем политики, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0878-3498>, e-mail: 010585@list.ru

Information about the author

Ali Ruslanovich Salgiriev, Candidate of Sciences (Political Sciences), Doctoral Student in the Sector of Philosophical Problems of Politics, H.I. Ibragimov Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0878-3498>, e-mail: 010585@list.ru

ЦЕННОСТНАЯ ПОВЕСТКА ГОДА СЕМЬИ: ЛОКАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Евгения Александровна Вахрушева,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
Екатеринбург, Россия,
evgenia.vakhrusheva@mail.ru

Елена Сергеевна Кочухова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
Екатеринбург, Россия,
elena.kochukhova@yandex.ru

Получена 18.09.2024.

Поступила после рецензирования 17.10.2024.

Принята к публикации 22.11.2024.

Для цитирования: Вахрушева Е.А., Кочухова Е.С. Ценностная повестка Года семьи: локальное измерение государственной культурной политики // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 136–151. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_136

© Вахрушева Е.А., Кочухова Е.С., 2024

Аннотация

Год семьи как федеральный инструмент привлечения внимания общества к социально значимым темам транслирует ценности семьи, определяемые государственной культурной политикой. В статье поднимается вопрос о целостности ценностной повестки Года семьи, представлены результаты исследования ценностного наполнения региональных культурных мероприятий, приуроченных к Году семьи, связанных с федеральной повесткой. В качестве поля исследования выбран Екатеринбург, город с конкурентным культурным полем, где в реализацию Года семьи вовлечены институции муниципального, регионального и федерального подчинения. Ценностная повестка Года семьи определена по федеральным стратегическим документам. Она соотнесена с соответствующими положениями в региональных документах. Выявлены ценностные акценты в анонсах локальных культурных событий; они сопоставлены с федеральными ценностными установками. Показано, что в федеральной повестке в качестве ценностей выступают основанная на уважении многопоколенная семья, сохранение традиций, устойчивый во времени гетеросексуальный брак, установка на рождение детей и многодетность. Тематические мероприятия в исследуемых культурных институциях в 2024 г. не противоречат стратегическим ориентирам, но делают акцент, в целом, на одном сюжете – единении членов семьи. Отмечается, что в последние четыре года на региональном уровне в проектах различных культурных институций тема семьи не теряла своей привлекательности и была представлена широкой палитрой сюжетов. Полученные результаты вносят вклад в исследования культурной политики, восполняя нехватку работ, анализирующих связь между её федеральным и локальным уровнями.

Ключевые слова:

государственная культурная политика, локальная культурная политика, семейные ценности, Год семьи

Источники финансирования:

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 23–18–00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

THE YEAR OF THE FAMILY: ASSESSING THE VALUE AGENDA. LOCAL PERSPECTIVES WITHIN STATE CULTURAL POLICY

Evgenia A. Vakhrusheva,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
evgenia.vakhrusheva@mail.ru

Elena S. Kochukhova,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
elena.kochukhova@yandex.ru

Received 18.09.2024.

Revised 17.10.2024.

Accepted 22.11.2024.

For citation: Vakhrusheva, E.A., Kochukhova, E.S. (2024). The Year of the Family: Assessing the Value Agenda. Local Perspectives Within State Cultural Policy. *Discourse-P*, 21(4), 136–151. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_136

Abstract

The Year of the Family serves as a federal initiative aimed at drawing public attention to socially significant topics, while translating the values of family as defined in state cultural policy. The article addresses the integrity of the value agenda associated with the Year of the Family, and presents the findings from a study examining the value content of regional cultural events dedicated to this initiative in relation to the federal agenda. Ekaterinburg, as a city characterized by a competitive cultural landscape, was selected as the research site, where municipal, regional and federal institutions collaborate on the implementation of the Year of the Family. The value agenda for the Year of the Family is established in accordance with federal strategic

documents, which are then correlated with relevant regional provisions. The study reveals those value accents emphasized in the announcements of local cultural events and then compares them to federal values. The federal agenda emphasizes principles such as respect within multi-generational families, the preservation of traditions, time-stable heterosexual marriages, and a commitment to having children, including having multiple children. While the thematic events organized by cultural institutions in 2024 align with strategic guidelines, they predominantly focus on a singular narrative: the unity of family members. Over the past four years, the theme of family has maintained its appeal at the regional level, reflected in the wide variety of projects undertaken by diverse cultural institutions. The findings of this study contribute to the research of cultural policy, addressing the gap in literature that examines the connection between its local and federal dimensions.

Keywords:

state cultural policy, local cultural policy, family values, The Year of the Family

Funding:

The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) through grant No. 23–18–00427. For more information, please visit the RSF project page <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

Введение

Семья является одним из ключевых акцентов официальной внутривнутриполитической риторики российской власти. В 2024 г. эта риторика интенсифицировалась в связи с проведением Года семьи. Тематические года рассматриваются нами в качестве федерального инструмента привлечения внимания общества к социально значимым темам и трансляции взгляда на них со стороны органов власти. Помимо социально-экономических мер, приурочиваемых к каждому такому году, федеральные и региональные планы мероприятий включают в себя ряд информационных и культурных мероприятий, нацеленных на формирование образа той темы, которой посвящен год. В случае с Годом семьи нас интересует вклад различных бюджетных институций, фактически включенных в систему государственной культурной политики, в реализацию декларируемого государством курса на укрепление общественного статуса семьи. Устойчивое внимание государства к теме семьи изучается преимущественно в поле исследований социальной политики. Мы же фокусируемся на культурных событиях как инструментах трансляции ценностных компонентов государственной семейной политики.

Относительно недавний всплеск интереса к изучению государственной культурной политики в России был связан с принятием в середине 2010-х гг.

Основ и Стратегии культурной политики. Анализируя эти документы, исследователи делали выводы о ее смешанном, либерально-патерналистском характере, выраженном в интеграции рыночных механизмов ее финансирования (Востряков, Тургаев, 2018); содержательно ее описывали как демодернизационно-направленную (Калинин, 2014) и консервативную (Флиер, 2018; Юлдашбаева, 2022). Единичные исследования были посвящены реализации культурной политики в регионах. Определенное внимание уделялось инфраструктуре культуры и подготовке кадров для нее на Кавказе (Горлова и др., 2019; Базиева, 2008). Исследовались региональные стратегии развития культуры: насколько они учитывают культурный потенциал региона и способствуют формированию его образа (на примере регионов Сибири), (Бакулина, 2013), какие показатели и индикаторы развития культуры в них включены (на примере Южного федерального округа), (Бычкова и др., 2023). Рассматривались практики отдельных ее агентов, например, вузов (Слепокуров, 2022; Суминова, 2022), фестивалей (Барабанов, 2014), корпораций (Жидкова, Тулаева, 2020), музеев (Zabalueva, 2017; Саркисов, 2019; Бычкова, 2020).

Мозаичность этого исследовательского поля во многом обусловлена многосложностью культурной политики как явления. Она реализуется на разных уровнях, разными агентами при помощи иногда уникальных механизмов. Однако в редких работах исследовательское внимание уделяется этой сложности (см., напр.: Жидкова, Тулаева, 2020). Зачастую предметом изучения выступает либо содержание нормативных актов, либо практики конкретной институции. В оптику отечественных исследований практически не попадают различия между регионами в реализации культурной политики или сравнение агентности разных ее акторов и ряд других вопросов, связанных с важными для зарубежных исследователей феноменами децентрализации государственной культурной политики, умножения ее форм (Kawashima, 1997), секторального дезагрегирования¹ (Gray, 2015).

В связи с интересом отечественных исследователей культурной политики к содержанию ее стратегических документов, мы проанализировали связь между ценностными установками относительно семьи, закрепленными в этих документах, и ценностным посланием конкретных культурных проектов, реализованных в 2024 г. в Год семьи в одной из региональных столиц, а именно – в Екатеринбурге. Сохраняя внимание к глобальным тенденциям децентрализации и секторального дезагрегирования культурной политики, мы выдвинули предположение о том, что реализация этой повестки зависит от уровня подчинения культурной институции (федеральный, региональный или муниципальный). Наше исследование нацелено на соотнесение специфики ценностной повестки Года семьи 2024, транслируемой в приуроченных к нему локальных культурных проектах, с представлением о семейных ценностях, конструируемых в государственной культурной политике. Для этого выявлены ценностные установки,

¹ Интенсивная вертикальная и горизонтальная дифференциация организационного плана, ведущая как к установлению различных форм интеграции между агентами культурной политики, так и к нарушению связей между ними.

содержащиеся в релевантных федеральных и региональных стратегических документах. Эти установки сопоставлены с ценностными акцентами локальных культурных событий, приуроченных к тематическому Году.

Векторы государственной культурной политики, определяющие ценностное наполнение Года семьи как ее инструмента, заложены в различных стратегических документах. Рамки государственной культурной политики и семейной политики определяют на федеральном уровне – в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030² года и Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025³ года; на региональном – в Стратегии реализации государственной культурной политики в Свердловской области до 2035⁴ года и Концепции реализации государственной семейной политики в Свердловской области на период до 2020⁵ года.

Исследуя содержание этих текстов, мы в их риторике реконструируем образы семьи. Ориентиры, которые задают эти документы культурным институциям, мы сравниваем со способами репрезентации темы семьи в различных проектах и событиях, организованных в течение января–июля 2024 г. различными агентами культурной политики⁶. В качестве поля для исследования локальных проектов был выбран Екатеринбург.

Екатеринбург является крупным мегаполисом с конкурентным культурным полем, где находятся культурные институции федерального, регионального и муниципального подчинения⁷, представляющие как классические, так и современные экспозиционные практики, обращающиеся к разным аудиториям, и, гипотетически, предлагающие в своих проектах различные подходы к осмыслению интересующей нас темы семьи.

---

² Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (в ред. Распоряжения Правительства Рос. Федерации от 30.03.2018 № 551-р). Взято 10 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/all/105704/> Авторами исследуется именно эта редакция, так как она являлась действующей в рассматриваемый период.

³ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 25.08.2014 № 1618-р. Взято 10 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/all/92699/>

⁴ Стратегия реализации государственной культурной политики в Свердловской области до 2035 года (в ред. Постановлений Правительства Свердловской области от 24.12.2021 № 954-ПП, от 24.11.2022 № 814-ПП). Взято 10 сентября 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/561427548>

⁵ Концепция реализации государственной семейной политики в Свердловской области на период до 2020 года. Взято 10 сентября 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/553233957>

⁶ В стратегических федеральных документах широкий спектр этих институций назван субъектами культурной политики. Мы же используем применительно к ним термин «агенты», предполагая, что все они имеют способность действовать, а вот степень их автономии может варьироваться.

⁷ Помимо них также существует ряд заметных частных институций и инициатив, которые вносят вклад в развитие городской культуры и публики.

Результаты исследования

Предметной областью настоящего исследования стали институции локального уровня: десять музейных площадок и две библиотеки в городе Екатеринбурге⁸. Они оказались в фокусе нашего внимания, поскольку выступают коммуникативными площадками, интенсивно взаимодействующими с аудиторией, и достаточно мобильными в плане изменения повестки. Кроме того, музейные проекты и события, посвященные семье, вносят значительный вклад в реализацию культурной политики государства, поскольку являются одними из мощных культурных агентов. Музеи также относятся к числу институций, которые у аудитории прочно ассоциируются с культурой, понимаемой как общественное благо и как самостоятельная ценность, облагораживающая человека⁹.

Согласно данным ВЦИОМ¹⁰ и Ромир¹¹, в долгосрочной и краткосрочной перспективах наблюдается устойчивый рост аудитории музеев. Исследовательское внимание к музею как агенту государственной культурной политики позволяет ответить на вопрос – насколько конкретные институции вовлечены в реализацию её крупных проектов.

Поиск событий, связанных с Годом семьи, осуществлялся нами по сайтам культурных институций. Выбирались все события (выставки, дискуссии, мастер-классы и т. п.), в названии или описании которых слово «семья» задавало или поддерживало тематическую рамку события; далее в анонсах выделялись ключевые слова, конкретизирующие контекст, в котором употребляется слово «семья». Эта процедура аналогична кодированию в обоснованной теории (Strauss, Corbin, 1998). Таким образом были определены ценностные и смысловые акценты в репрезентации темы семьи культурными институциями.

---

⁸ Перечень институций: 1) муниципального подчинения: Екатеринбургский музей изобразительных искусств, Музей истории Екатеринбурга, Фотографический музей Дом Метенкова, Дом-Музей Д. Н. Мамина-Сибиряка и Дом-Музей П. П. Бажова (в рамках Объединенного музея писателей Урала), Екатеринбургский музейный центр народного творчества «Гамаюн»; Центральная городская библиотека им. А. И. Герцена; 2) регионального подчинения: Музей истории и археологии Урала, Музейный клуб «Дом Агафуровых», Музейно-выставочный центр «Дом Поклевских-Козелл» (площадки Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера), Мультимедийный исторический парк «Россия – Моя история. Свердловская область», Свердловская областная библиотека для детей и молодежи им. В. П. Крапивина; 3) федерального подчинения: Уральский филиал Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

⁹ Идеологические проекты и теоретические дискуссии. Взято 10 сентября 2024, с <https://cultureofhappiness.tilda.ws/ideologyandtheory>

¹⁰ Тренды культурного досуга: 1992–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-kulturnogo-dosuga-1992-2022> (дата обращения: 10.09.2024).

¹¹ Россияне стали в два раза чаще посещать выставки и музеи в 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://romir.ru/press/rossiyane-stali-v-dva-raza-chashche-poseshat-vystavki-i-muzei-v-2023-godu---issledovanie> (дата обращения: 10.09.2024).

Государственный взгляд на семью и семейные ценности очерчивается в риторике ключевых стратегических документов, а важным способом трансляции этого взгляда в общественное пространство выступает практика Посланий Президента РФ Федеральному собранию (Ковба, 2023). Вместе они задают дискурсивные рамки, в которых формируются определенные образы реальности (Русакова, Максимов, 2006). В Стратегии государственной культурной политики (п. 2.3) семья позиционируется в качестве значимого общественного института, «обеспечивающего воспитание и передачу от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм»¹².

Эти ценности проясняются и в указанной Стратегии, и в Концепции государственной семейной политики (п. 2)¹³: сохранение устойчивых связей между поколениями (многопоколенная семья), традиционный формат семьи (семья как союз мужчины и женщины), ценность материнства и детства (установка на рождение детей и многодетность как желаемая норма). Именно эти ценностные представления о семье мы далее рассматриваем как ориентир, задаваемый государственной культурной политикой.

Региональные власти, выступая проводниками государственной культурной и семейной политики, расставляют в ней собственные акценты. Особенностью Стратегии реализации государственной культурной политики в Свердловской области до 2035 года является отсутствие риторики, связанной с семьей и семейными ценностями. Аксиологические отсылки в документе представляют собой абстрактные формулировки: «ценности прошлого», «ценностные основы жизни российского общества», «подлинные ценности культуры» и т. п. Документ, наряду с признанием ценности культуры как таковой, декларирует (п. 2.1) возрастающее значение инструментального подхода к культуре, «при котором она становится ресурсом развития Свердловской области, фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений»¹⁴. Такой подход обозначен и в федеральной Стратегии (п. 2.1): культура рассматривается в контексте необходимости «осуществления экономической и социальной модернизации страны в исторически короткий срок, переход [а] к интенсивному пути развития, обеспечивающему готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира», которые

¹² Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (в ред. Распоряжения Правительства Рос. Федерации от 30.03.2018 № 551-р). Взято 10 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/all/105704/>

¹³ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 25.08.2014 № 1618-р. Взято 10 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/all/92699/>

¹⁴ Стратегия реализации государственной культурной политики в Свердловской области до 2035 года (в ред. Постановлений Правительства Свердловской области от 24.12.2021 № 954-ПП, от 24.11.2022 № 814-ПП). Взято 10 сентября 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/561427548>

«не представляются возможными без планомерных и последовательных инвестиций в человека»¹⁵. Документ о семейной политике Свердловской области содержит определение семьи как социального института, обеспечивающего воспроизводство и развитие общественной системы, и меняющего свои характеристики со временем¹⁶. Такая формулировка не содержит явной ценностной нагрузки, но определяет желаемые параметры семьи.

Репрезентацию темы семьи в риторике бюджетных культурных институций Екатеринбурга мы провели с глубиной в четыре года, чтобы определить, возник ли в 2024 г. в связи с проведением Года семьи заметный акцент на этой теме, изменились ли ракурсы ее рассмотрения. Начав с анализа анонсов музеев за 2021–2023 гг., мы обнаружили 15 выставок, затрагивающих тему семьи.

За первое полугодие 2024 г. во всех музеях Екатеринбурга, финансируемых из бюджетов разных уровней, были организованы две выставки, непосредственно обращенные к теме семьи. С 21 марта по 7 июля 2024 г. в Музее истории Екатеринбурга работала выставка «Род Патрушевых». В ее описании прослеживается образ семьи, поколение за поколением вносящей вклад в индустриальное развитие Урала. С 31 мая по 29 июня в музейном центре «Гамаюн» проходила выставка «Семейные традиции», на которой был представлен раритетный домашний текстиль как символ домашнего тепла и уюта.

В остальных музеях к теме семьи обращаются не через выставки, а через серию событий. Несколько общероссийских акций, например, «Всей семьей в музей», «Ночь музеев», были приурочены к тематическому Году семьи. В их описаниях делался акцент на мероприятия, ориентированные на детей, но для больших культурных проектов Екатеринбурга в целом характерно выделение семей с детьми в качестве одной из целевых аудиторий. Практически каждый музей из нашей выборки приурочил какое-либо мероприятие ко Дню семьи, любви и верности, который празднуется 8 июля (тематические экскурсии, лекции, театральные спектакли, мастер-классы и т. д.). Анонсы отличаются краткостью, обусловлены характером постоянных выставок музея. Так, на двух площадках Свердловского областного краеведческого музея несколько событий были связаны с семьей Николая II и с семьей купцов Агафуровых. В Объединенном музее писателей Урала – с семьями Маминых и Бажовых. В целом тема семьи в музейных практиках 2024 г. раскрывается через отсылки к уютному домашнему быту и к историям конкретных семей. В большинстве своем анонсы не описывают составляющие этого уюта и фрагменты этих историй.

В тех же музеях в 2021–2023 гг., когда тема семьи не была акцентирована культурно-политическими инструментами федерального уровня, обращение

¹⁵ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (в ред. Распоряжения Правительства Рос. Федерации от 30.03.2018 № 551-р). Взято 10 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/all/105704/>

¹⁶ Концепция реализации государственной семейной политики в Свердловской области на период до 2020 года. Взято 10 сентября 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/553233957>

к быту и к частным историям также являлись характерными приемами разговора о ней. Анонсы, в отличие от 2024 г., подробнее описывали содержание и замысел выставок. Художественные выставки (всего пять) обращались к семейным историям самих художников. На этих выставках проблематизировались формы хранения памяти, связь личной идентичности и семейной памяти; поднималась тема творческой преемственности поколений; шел разговор о способности адаптироваться к новым условиям, возникающим в кризисные моменты жизни. Два патриотических фотопроекта о семьях военных «Жены героев» и «Мамы героев» в парке «Россия – Моя история» обращались к темам сохранения традиционных семейных ролей, сохранения памяти о подвиге и самопожертвовании, значимости совместного проживания утраты – для семьи и общества в целом. В нехудожественных выставках (всего восемь) через рассказ о типичных практиках (женское рукоделие, устройство дома, празднование Нового года, детские игры) акцентировалось внимание на любви к своему дому, поднимался вопрос о связи поколений и артефактах, в которых выражена эта связь. Через истории семей осмыслялось трагическое влияние на семью больших исторических событий или роль отдельных членов семьи в сохранении памяти о ней.

Библиотеки, как и музеи, подключились к реализации программы Года семьи. Так, например, Свердловская областная библиотека для детей и молодежи им. В.П. Крапивина в 2021–2023 гг. реализовала ряд регулярных проектов, связанных с семейным чтением. В 2024 г. эти проекты сохраняются и не меняют своего описания. Прямая связь с проведением тематического Года прописана в анонсе Библионочи, в публикации о федеральном проекте «Мама читает», нацеленном на сближение членов семьи. Центральная городская библиотека им. А.И. Герцена в течение тематического Года на публичной странице ВКонтакте регулярно анонсирует приуроченные к нему события, размещает отчеты о них, предлагает подборки книг. В публикациях раскрываются разные аспекты семейной жизни: сплочение (на примере семьи П.П. Бажова), конфликт (в дискуссии с психологом о различий ценностей у членов семьи), трагичность любви, семейное счастье (в описании литературной викторины), необходимость поддерживать друг друга, находить общий язык, улучшать семейную жизнь (в описании подборок книг). Ко Дню семьи, любви, и верности был подготовлен традиционный музыкальный концерт.

В целом, исследованные культурные институции проявляют устойчивый интерес к теме семьи на протяжении нескольких лет, а в 2024 г. к тематическому году были приурочены традиционно проводимые мероприятия (лекции, экскурсии, мастер-классы).

Заключение

В федеральных стратегических документах представления о семейных ценностях конкретизируются через следующие принципы и практики: взаимное уважение членов семьи, хранение и передача традиционных ценностей,

поддержание связи между поколениями, гетеросексуальность брака, его устойчивость во времени, рождение и воспитание в браке детей, желательность нескольких. В региональных же документах используются самые общие ценностные формулировки, что позволяет не менять их в зависимости от новых идей, закладываемых в федеральные стратегии и концепции. Подчеркиваемая отечественными исследователями интеграция рыночных механизмов финансирования в патерналистскую модель культурной политики отражена в региональном законодательстве.

Тематические мероприятия в исследованных локальных культурных институциях в 2024 г., не противореча стратегическим ориентирам, делают акцент, в целом, на одном сюжете – единении членов семьи. Устанавливать связи между поколениями предлагается через создание микро-традиций, через поддержание своего быта. Лишь одна институция упоминает возможность конфликтов в семье, впрочем, с выводом о необходимости снятия напряженности, поиска путей к согласию. Хотя не все мероприятия были напрямую соотнесены с Годом семьи (иногда отсутствует текстуальное упоминание Года, не всегда логотип интегрирован в афиши), они заимствуют отдельные элементы его официальной риторики – прежде всего акцент на традиции и на многопоколенную семью. Таким образом, на локальном уровне ценностная повестка Года семьи выглядит цельной.

При этом отметим, что в предшествующий период музеи, не единожды обращаясь к теме семьи, осмыслили ее в более разнообразных контекстах: в том числе, шел разговор о семейной истории как основании личной идентичности, как способе существования в Большой истории, о проживании кризисов и неустойчивости семейной памяти. Мы предполагаем, что внимание государства к теме семьи содержательно ограничило высказывания музеев, сместив фокус со сложности и многообразности семейного опыта на образы счастливых семейных будней.

Мы исходили из гипотезы, что культурные институции разного уровня подчинения в разной степени включены в поддержание ценностной повестки Года семьи. Однако оказалось, что такая зависимость не просматривается ни на уровне активности (числа мероприятий), ни на уровне содержания (форматов и риторики). Так, например, регулярно организовывались события на площадках Областного краеведческого музея, а проект «Россия – моя история», также учрежденный областным Министерством культуры, оказался практически не вовлечен в поддержание тематической повестки.

В целом, ранее в отечественных исследованиях не предпринимавшееся соотнесение федеральных ценностных установок относительно семьи с риторикой бюджетных культурных институций, включенных в систему государственной культурной политики, позволяет увидеть, в какой степени эти установки имплементированы в культурное предложение. В перспективе эта работа может выступить одной из точек отсчета для ответа на вопрос о зависимости риторики локальных институций от корректировки ценностных ориентиров государственной культурной политики (в сентябре 2024 г.

была обновлена редакции Стратегии)¹⁷. Сопоставляя полученные результаты с результатами других работ по региональной культурной политике, мы предлагаем на перспективу четко сформулировать два вопроса, которые беспокоят, но напрямую пока не проговариваются в исследованиях: 1) как сочетаются в работе локальных институций установка на прибыльность и на динамический набор ценностных ориентиров; 2) что в большей степени определяет культурное предложение локальных институций (и вкладываемые в него ценности) – собственная логика городов или федеральные стратегические документы.

Список литературы

1. Базиева, Г.Д. (2008). Культурная политика России на Северном Кавказе (на примере Кабардино-Балкарии). *Вопросы культурологии*, (1), 42–44.
2. Бакулина, С.Д. (2013). Региональная культурная политика в контексте государственной культурной политики Российской Федерации (на примере южных регионов Западной Сибири). *Вестник Омского университета*, (3), 165–170.
3. Барабанов, А.А. (2014). Механизмы культурной политики Российской Федерации в области поддержки и развития фестивалей классической музыки. *Культура и цивилизация*, (1–2), 10–19.
4. Бычкова, О.И. (2020). Музеи Чечни в контексте региональной культурной политики: практики защиты и восстановления культурных ценностей. *Культура: управление, экономика, право*, (3), 30–35.
5. Бычкова, О.И., Костина Н.А., Саркисова Е.Г. (2023). Эффективность стратегий региональной культурной политики юга России. *Культура и образование*, (3), 23–34. <https://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-23-34>
6. Востряков, Л.Е., Тургаев А.С. (2018). Новая модель государственной культурной политики России. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*, (3), 6–16. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2018-3-6-16>
7. Горлова, И.И., Коваленко, Т.В., Крюков, А.В. и др. (2019). *Региональная культурная политика: методология институты практики: Ценностно-нормативный подход: монография*. Москва: Ин-т наследия Лихачева.
8. Жидкова, Н.Г., Тулаева, С.А. (2020). Культурная политика в российских регионах: коренные народы, государство и корпорации. *Журнал исследований социальной политики*, 18(3), 429–444. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-429-444>

---

¹⁷ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (в ред. Распоряжения Правительства Рос. Федерации от 11.09.2024 № 2501-р). Взято 17 сентября 2024, с <http://static.government.ru/media/files/jIx0zkwFvU0sCnXIQTwpZO0RqTMMVL7v.pdf>

9. Калинин, И. (2014). Наш паровоз... Культурная политика как инструмент демодернизации. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, (6), 85–94.
10. Ковба, Д.М. (2023). Семья и семейные ценности в президентском дискурсе: содержание, анализ, дискуссия. *Россия и современный мир*, (2), 6–25. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.02.01>
11. Русакова, О.Ф., Максимов, Д.А. (2006). Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса. *Полис. Политические исследования*, (4), 26–43. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.04.04>
12. Саркисов, В.А. (2019). Художественные музеи Юга России в системе прикладных задач культурной политики: специфика корпоративной социальной ответственности. *Наследие веков*, (1), 139–145.
13. Слепокуров, В.С. (2022). Образовательные стратегии вузов культуры в контексте задач государственной культурной политики России. *Культура и образование*, (3), 5–13. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-346-5-13>
14. Суминова, Т.Н. (2022). Арт-менеджмент как проектный механизм реализации государственной культурной политики. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, (1), 138–146. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-1105-138-146>
15. Флиер, А.Я. (2018). Культурная политика и идеология. *Научный электронный журнал «Культура культуры»*, (4). Взято 15 сентября 2024, с <http://cult-cult.ru/kuliturnaya-politika-i-ideologiya/>
16. Юлдашбаева, А.Ш. (2022). Консервативная ориентация и социокультурные основания государственной культурной политики России. *Юридическая наука: история и современность*, (9), 63–69.
17. Gray, C. (2015). 'My Name is Legion for We are Many': Cultural Policies, Sectoral Disaggregation and Differentiated Network Specificity. *International Public Policy Conference*, Milan. Retrieved September 16, 2024, from <https://warwick.ac.uk/fac/arts/scapvc/ccmps/staff/gray/research/>
18. Kawashima, N. (1997). Theorising decentralisation in cultural policy: Concepts, values and strategies. *The European Journal of Cultural Policy*, 3(2), 341–359. <https://doi.org/10.1080/10286639709358053>
19. Strauss, A., & Corbin, J. (1998). *Basics of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques*. London [et al.]: Sage Publications.
20. Zabalueva, O. (2017). Cultural Policies in Russian Museums. *Museum International*, 69(3–4), 38–49. <https://doi.org/10.1111/muse.12171>

References

1. Bakulina, S.D. (2013). Regional'naya kul'turnaya politika v kontekste gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossiyskoy Federatsii (na primere yuzhnykh regionov Zapadnoy Sibiri) [Regional cultural policy in the context of the cultural

policy of the Russian Federation (based on the example of the southern regions of West Siberia)]. *Vestnik Omskogo universiteta*, (3), 165–170.

2. Barabanov, A. A. (2014). Mekhanizmy kul'turnoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti podderzhki i razvitiya festivaley klassicheskoy muzyki [Mechanisms of cultural policy of the Russian Federation in the promotion of classical music festivals]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, (1–2), 10–19.

3. Bazieva, G. D. (2008). Kul'turnaya politika Rossii na Severnom Kavkaze (na primere Kabardino-Balkarii) [Cultural policy of Russia in the North Caucasus (on the example of Kabardino-Balkaria)]. *Voprosy kul'turologii*, (1), 42–44.

4. Bychkova, O. I. (2020). Muzei Chechni v kontekste regional'noy kul'turnoy politiki: praktiki zashchity i vosstanovleniya kul'turnykh tsennostey [Museums in Chechnya within the framework of the regional cultural policy: cultural value protection and restoration practices]. *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo*, (3), 30–35.

5. Bychkova, O. I., Kostina N. A., & Sarkisova E. G. (2023). Effektivnost' strategiy regional'noy kul'turnoy politiki yuga Rossii [The effectiveness strategies of regional cultural policy in the south of Russia]. *Kul'tura i obrazovanie*, (3), 23–34. <https://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-23-34>

6. Flier, A. Ya. (2018). Kul'turnaya politika i ideologiya [Cultural policy and ideology]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal "Kul'tura kul'tury"*, (4). Retrieved September 15, 2024, from <http://cult-cult.ru/kulturnaya-politika-i-ideologiya/>

7. Gorlova, I. I., Kovalenko, T. V., & Kryukov, A. V. et al. (2019). *Regional'naya kul'turnaya politika: metodologiya instituty praktiki: Tsennostno-normativnyy podkhod: monografiya* [Regional cultural policy: methodology, institutes of practice: Value-normative approach: Monograph]. Moscow: In-t naslediya Likhacheva.

8. Gray, C. (2015). 'My Name is Legion for We are Many': Cultural Policies, Sectoral Disaggregation and Differentiated Network Specificity. *International Public Policy Conference*, Milan. Retrieved September 16, 2024, from <https://warwick.ac.uk/fac/arts/scapvc/ccmps/staff/gray/research/>

9. Kalinin, I. (2014). Nash parovoz... Kul'turnaya politika kak instrument demodernizatsii [Our steam locomotive... Cultural policy as a tool of demodernization]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture*, (6), 85–94.

10. Kawashima, N. (1997). Theorising decentralisation in cultural policy: Concepts, values and strategies. *The European Journal of Cultural Policy*, 3(2), 341–359. <https://doi.org/10.1080/10286639709358053>

11. Kovba, D. M. (2023). Sem'ya i semeynye tsennosti v prezidentskom diskurse: sodержanie, analiz, diskussiya [Family and family values in presidential discourse: content, analysis, discussion]. *Rossiya i sovremennyy mir*, (2), 6–25. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.02.01>

12. Rusakova, O. F., & Maksimov, D. A. (2006). Politicheskaya diskursologiya: predmetnoe pole, teoreticheskie podkhody i strukturnaya model' politicheskogo diskursa [Political discoursology: subject field, theoretical approaches, and a structural model of political discourse]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 26–43. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.04.04>

13. Sarkisov, V.A. (2019). Khudozhestvennye muzei Yuga Rossii v sisteme prikladnykh zadach kul'turnoy politiki: spetsifika korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti [Art museums of the South of Russia in the system of applied tasks of cultural policy: specificity of corporate social responsibility]. *Nasledie vekov*, (1), 139–145.

14. Slepokurov, V.S. (2022). Obrazovatel'nye strategii vuzov kul'tury v kontekste zadach gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossii [Educational strategies of university of culture in the context of the tasks of the state cultural policy of Russia]. *Kul'tura i obrazovanie*, (3), 5–13. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-346-5-13>

15. Strauss, A., & Corbin, J. (1998). *Basics of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques*. London [et al.]: Sage Publications.

16. Suminova, T.N. (2022). Art-menedzhment kak proektnyy mekhanizm realizatsii gosudarstvennoy kul'turnoy politiki [Art management as a project mechanism for the implementation of state cultural policy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, (1), 138–146. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-1105-138-146>

17. Vostryakov, L.E., & Turgaev A.S. (2018). Novaya model' gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossii [New model of state cultural policy of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, (3), 6–16. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2018-3-6-16>

18. Yuldashbaeva, A. Sh. (2022). Konservativnaya orientatsiya i sotsiokul'turnye osnovaniya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossii [Conservative orientation and socio-cultural policy of the state cultural policy of Russia]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, (9), 63–69.

19. Zabalueva, O. (2017). Cultural Policies in Russian Museums. *Museum International*, 69(3–4), 38–49. <https://doi.org/10.1111/muse.12171>

20. Zhidkova, N.G., & Tulaeva, S.A. (2020). Kul'turnaya politika v rossiyskikh regionakh: korennyye narody, gosudarstvo i korporatsii [Cultural policy in russia's regions: the state, corporations and indigenous people]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 18(3), 429–444. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-429-444>

Информация об авторах

Вахрушева Евгения Александровна, кандидат политических наук, ученый секретарь Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8838-2749>, e-mail: evgenia.vakhrusheva@mail.ru

Кочухова Елена Сергеевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>, e-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

---

Information about the authors

Evgenia A. Vakhrusheva, Candidate of Sciences (Political Sciences), Scientific Secretary of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8838-2749>, e-mail: evgenia.vakhrusheva@mail.ru

Elena S. Kochukhova, Candidate of Philosophy, Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>, e-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

---

МЕДИАГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА РФ В КОНТЕКСТЕ ОБОСТРЕНИЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Игорь Александрович Николайчук,

Центр специальных медиаметрических исследований (ЦСМИ),
Москва, Россия,
ianiko@yandex.ru

Тамара Сергеевна Якова,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
t-yakova@mail.ru

Марина Михайловна Янглева,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
marinapavlikova@mail.ru

© Николайчук И.А., Якова Т.С., Янглева М.М., 2024

Получена 19.03.2024.

Поступила после рецензирования 21.09.2024.

Принята к публикации 11.11.2024.

Для цитирования: Николайчук И.А., Якова Т.С., Янглева М.М. Медиагеографические исследования ментальных ландшафтов Северо-Кавказского региона РФ в контексте обострения палестино-израильского конфликта // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 152–176. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_152

Аннотация

В статье представлены результаты исследования ментальных ландшафтов субъектов РФ, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, с применением инновационных методов анализа социальных и политических процессов на основе медиагеографического подхода к исследованию социально-политической реальности. Эмпирическую базу анализа составили большие данные (big data) – статистические показатели интереса интернет-аудитории российских регионов к палестино-израильскому конфликту и данные рейтинговых списков, характеризующих региональную идентичность субъектов РФ. Методы медиагеографии в политологии (изучение количественных параметров интернет-поведения резидентов различных географических локаций) в данном исследовании использовались для решения конкретных задач политической практики и госуправления. Авторы составили цифровые портреты российских регионов, которые демонстрируют анизотропию ментальных ландшафтов РФ, в первую очередь республик Северного Кавказа (Дагестан, Чечня и др.). Выявлено наличие сильной корреляции между факторами макроэкономического плана и различий в региональной экономике и цивилизационными константами и характеристиками самоидентификации. По итогам обработки и сопоставления эмпирических данных, полученных из поисковых систем Google и Яндекс, авторы приходят к выводу, что относительный интерес к Израилю и Палестине по федеральным округам РФ практически идеально уравновешен, за исключением Северо-Кавказского Федерального Округа (СКФО), что связано с этноконфессиональными факторами. Относительная региональная популярность запросов интернет-пользователей в республиках СКФО для ТГ-каналов, кураторами которых выступают западные структуры внешнеполитической пропаганды и центры ведения информационных войн, свидетельствует о нарушении информационной безопасности в округе в момент обострения конфликта. Анизотропия ментальных ландшафтах субъектов РФ, входящих в (СКФО), позволяет выявить причины возникновения этнополитического кризиса на Северном Кавказе на фоне палестино-израильского конфликта и дать практические рекомендации по предотвращению подобных кризисов в будущем.

Ключевые слова:

палестино-израильский конфликт, Северо-Кавказский регион, медиагеография, ментальный ландшафт, этнополитический кризис, информационная безопасность

UDC 32.019.5

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_4_152

EXPLORING THE MENTAL LANDSCAPE OF THE NORTH CAUCASUS: A MEDIAGEOGRAPHICAL STUDY IN THE CONTEXT OF THE PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT

Igor A. Nikolaychuk,

Center for Special Mediametric Research (CSMR),
Moscow, Russia,
ianiko@yandex.ru

Tamara S. Yakova,

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia,
t-yakova@mail.ru

Marina M. Yanglyaeva,

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia,
marinapavlikova@mail.ru

Received 19.03.2024.

Revised 21.09.2024.

Accepted 11.11.2024.

For citation: Nikolaychuk, I.A., Yakova, T.S., Yanglyaeva, M.M. (2024). Exploring the Mental Landscape of the North Caucasus: A Mediageographical Study in the Context of the Palestinian-Israeli Conflict. *Discourse-P*, 21(4), 152–176. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_152

Abstract

The article presents the findings of research conducted on the mental landscape of the North Caucasian Federal District. Utilizing innovative methods to analyze social and political processes, the authors applied a mediageographical approach to explore socio-political realities. The analysis was grounded in big data, comprising statistical indicators that reflect the Internet audience's interest across Russian regions in the Palestinian-Israeli conflict, as well as rating data that characterizes regional identities within the Russian Federation. The study employed media geography methods in political science to analyze the quantitative aspects of Internet behavior among residents of different geographical areas, addressing tasks crucial for government and political practice. The authors developed digital profiles of Russian regions that illustrate the anisotropy of the mental landscapes of the Russian Federation, with a particular focus on the republics of the North Caucasus, such as Dagestan and Chechnya, among others. A strong correlation has been discovered between macroeconomic factors, regional economic disparities, and the civilizational constants influencing self-identification. Analysis and comparison of empirical data obtained from *Google* and *Yandex* suggest that, on a national scale, the interest in Israel and Palestine is relatively balanced across federal districts, with the notable exception of the North Caucasian Federal District. This deviation is attributed to ethno-confessional factors. Furthermore, a relative popularity of certain Telegram channels among Internet users from the North Caucasus – especially those operated by Western foreign policy propaganda and information warfare centers – highlights a substantial breach of information security in the region at the time of the escalating conflict. This anisotropy in the mental landscapes of the North Caucasus reveals the underlying causes of the ethnopolitical crisis, offering practical recommendations for preventing similar crises in the future.

Keywords:

Palestinian-Israeli conflict, North Caucasian Federal District, media geography, mental landscape, ethnopolitical crisis, information security

---

Введение

Резкое обострение палестино-израильского конфликта в начале октября 2023 г. поставило перед руководством России сложные задачи по выбору вариантов реагирования на возникшие угрозы национальной безопасности. В данном случае решение дилеммы многовекторности ориентации в международных отношениях¹ искалось на путях реализации сразу нескольких внешнеполитических сценариев: а) поддержать Израиль и его активных сторонников из стран

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Рос. Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Взято 21 декабря 2023, с https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/

диаспоры, б) поддержать Палестину и арабский мир, в) быть равноудаленными от противоборствующих сторон, поддержать усилия по миротворчеству и активное участвовать в гуманитарных акциях.

Такой подход определялся необходимостью учитывать конкретные внутри-политические реалии, которые в свою очередь были сформированы существующей системой региональных этно-конфессиональных предпочтений и сильными поместными отклонениями в понимании идентичности в Российской Федерации. К примеру, после начала конфликта в Большой Хоральной Синагоге Санкт-Петербурга состоялась Всеобщая детская молитва за Израиль². В это же время тысячи верующих-мусульман собрались в центральной мечети города Грозный «Сердце Чечни» и молились за народ Палестины³. В многонациональном Дагестане, жители которого, как представляется, во многом сохранили постсоветскую светскую идентичность (Беспалова и др., 2021; Николайчук и др., 2020), 7 октября состоялся конноспортивный праздник и массовый автопробег в честь дня рождения президента России В. Путина⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости учитывать различия в ментальности жителей различных регионов РФ не только для выработки эффективных и дифференцированных по разным основаниям приемов воздействия на социум, но и в целях государственного управления и защиты интересов страны на международной арене, выстраивании стратегии национальной безопасности. В данном контексте цель нашего исследования – определить различия

---

² В анонсе мероприятия говорилось: «Поможем солдатам обороны Израиля защитить святую землю нашей молитвой, изучением Торы и добрыми поступками. Приходи вместе с друзьями и знакомыми! “Из уст младенцев и грудных детей утвердил Ты крепость... дабы остановить врага и мстителя”». (*Всеобщая детская молитва за Израиль в синагоге Петербурга*. Взято 21 декабря 2023, с <https://sinagoga.jeps.ru/meropriyatiya-sinagogi/vseobshhaya-detskaya-molitva-za-izrail-v-sinagoge-peterburga-25-oktyabrya-2023-goda.html>)

³ Призыв к молитвам исходил от главы Чечни Р. Кадырова, который написал в своем *Telegram*-канале: «Мусульмане Чечни с глубокой болью и сожалением наблюдают за трагическими событиями в секторе Газа. <...> Так давайте искренне просить Аллаха покарать всех нечестивцев, от рук которых погибают ни в чем не повинные люди – дети, женщины, старики!» (Взято 21 декабря 2023, с https://t.me/RKadyrov_95/4009).

⁴ «В честь дня рождения Президента России Владимира Путина жители Дагестана организовали автопробеги с участием 2,5 тысячи машин и приготовили около 7 тонн плова, которым смогли угоститься более 20 тысяч человек. “Сегодняшние мероприятия – не только символ сплочения вокруг президента, но и подтверждение нашей готовности следовать выбранным им курсом, ведь только вместе мы сможем достичь успеха и процветания нашей страны”, – сказал руководитель регионального исполкома Народного фронта в Дагестане Джамалудин Шигабуудинов» (Тагирова, П. (2023, 7 октября). *Команда Путина в Дагестане отпраздновала день рождения президента массовым автопробегом*. Взято 21 декабря 2023, с https://riadagestan.ru/news/society/komanda_putina_v_dagestane_otprazdnovala_den_rozhdeniya_prezidenta_massovym_avtoprobegom/).

в ментальных ландшафтах⁵ (Якова, Янглева, 2020) субъектов РФ, входящих в СКФО, на этой основе выявить причины возникновения этнополитического кризиса на Северном Кавказе на фоне палестино-израильского конфликта и дать практические рекомендации по предотвращению подобных кризисов в будущем⁶. Подобная задача может быть решена с применением инновационных методов анализа социальных и политических процессов на основе нового медиагеографического подхода и методов политической медиаметрии (Николайчук и др., 2020). Указанный кризис стал предметом обсуждения на Совещании с членами Совета Безопасности, Правительства и руководством силовых ведомств Президента РФ В.В. Путина 30 октября 2023 г⁷.

В электронных научно-библиотечных базах публикаций на сегодняшний день накоплено уже несколько десятков тысяч материалов по проблемам Северного Кавказа, большинство из которых относится к различным направлениям гуманитаристики (социологии, политологии, регионоведения, культурологии, религиоведения и др.). Это обстоятельство отражает тот факт, что после распада СССР Северный Кавказ характеризуется «как наиболее конфликтогенный сектор российского внутреннего пространства» (Кутилин, 2010). Данный макрорегион принято рассматривать в качестве несущей геополитической опоры федерализма в России, разрушение которой привело бы к обвалу всего здания российской государственности. Особенностью региона является то, что здесь внутренние и внешние факторы настолько тесно связаны между собой, что их невозможно адекватно исследовать отдельно друг от друга, а конфликтогенность проявляется как на внутрорегиональном, так и на межгосударственном и межрегиональном уровнях (Эмиров, 2013).

Состояние безопасности северокавказского геополитического пространства в проекции на национальную безопасность России постоянно находится в центре внимания отечественной науки (Коновалов, Цветоват, 2006; Ожиганов, 2006; Сердеров, 2015). Особо следует отметить в этом контексте труды Р. Абдулатипова

---

⁵ «Ментальный ландшафт можно рассматривать как образ мыслей, отношение к каким-либо общественно значимым явлениям и процессам резидентов определенной местности, территории, страны. Он, как и физический, меняется с течением времени. Его можно рассматривать как результат трансформации общественной идеологии и символов государства. В широком смысле слова ментальный ландшафт выступает как смысловой центр в создании иерархии идентичности и создает чувство принадлежности, которая в свою очередь является ключевой при осуществлении различных общественных проектов, в том числе и при решении политических задач» (цит. по: Якова, Янглева, 2020).

⁶ Авторы выражают искреннюю благодарность коллективу Невинномысского государственного гуманитарно-технического института за интерес к медиагеографическим исследованиям и использование разработанных авторами данной статьи методик и результатов в научной педагогической практике.

⁷ Владимир Путин провел совещание с членами Совета Безопасности, Правительства и руководством силовых ведомств (2023, 30 октября). Взято 13 января 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/security-council/72618>

(Абдулатипов, 2002; Абдулатипов и др., 2007; Абдулатипов, Михайлов, 2015; Абдулатипов, Дидириков, 2015). Из последних работ выделим статью Авксентьева и Гриценко (Авксентьев, Гриценко, 2023) в которой, помимо имеющейся ценной обзорной информации, продемонстрирован близкий к нашему исследованию методический подход.

Ситуация в регионе всегда находилась под пристальным надзором иностранных экспертов, особенно тех из них, кто так или иначе связан с разведывательным сообществом (Trofino, 2011). Зарубежные авторы работают в рамках антироссийского дискурса, делая акценты или даже заново создавая нарративы, продвижение которых в информационном пространстве создает угрозы стабильности субъектов РФ, входящих в СКФО. Так, Данлоп и Менон утверждали: «Беспорядки в чеченском стиле распространяются по остальному Северному Кавказу, и Кремль, похоже, неспособен справиться с нарастающим хаосом или даже понять его причины. <...> Расширение кризиса на Северном Кавказе на другие мусульманские регионы, такие как Башкортостан и Татарстан, может повлиять на всю политическую траекторию России» (Dunlop, Menon, 2006).

Однако ни в отечественной, ни в зарубежной литературе мы не нашли примеров исследований механизмов перехода этнополитического конфликта из латентной в манифестную фазу в результате отдаленного от границ России внешнеполитического события и в обстановке воздействия на ситуацию разнообразных внутрирегиональных различий. Как представляется, именно такое сочетание обстоятельств привело к возникновению известного эксцесса, получившего мемическое название «Вторжение евреев в Дагестан»⁸.

Исследование строилось на применении методов медиагеографии в политологии (Янглева, 2023), которые основываются на изучении в интересах политической практики и госуправления количественных параметров (big data), характеризующих интернет-поведение резидентов различных географических локаций. Так, например, интерес россиян к теме Израиля и Палестины в период обострения израильско-палестинского конфликта ярко демонстрирует анизотропию ментальных ландшафтов РФ: в Санкт-Петербурге интерес к Израилю, выраженный таким эмпирическим параметром, как относительная региональная популярность запроса «Израиль» в системе Яндекс за ноябрь 2023 г. был в 1,32 раза выше, чем в среднем по стране, а в Грозном региональная популярность запроса по фразе «Палестина» была в 10,7 раза выше, чем в среднем в России⁹. (Здесь и далее представлены данные сервиса *YandexWord* – сервиса для оценки пользовательского интереса к конкретным тематикам и для подбора ключевых слов. Период исследования – с 1 ноября по 1 декабря 2023 г. Дата запроса 1 декабря 2023 г. Относительная региональная популярность (РП) – это доля, которую занимает регион в показах по данному слову, деленная на долю всех показов

⁸ *Израиль после беспорядков в Махачкале призвал Россию защитить евреев* (2023, 29 октября). Взято 13 января 2024, с <https://www.rbc.ru/politics/29/10/2023/653eb4e49a7947046a0ee195?from=copy>

⁹ Здесь и далее расчеты авторов.

результатов поиска, пришедшихся на этот регион. Популярность слова или словосочетания, равная 1,0, означает, что данное слово в данном регионе ничем не выделено. Если популярность более 1, это означает, что в данном регионе существует повышенный интерес к этому слову, если меньше 1 – пониженный).

Отметим здесь, интерес к государству Израиль в России по ряду причин (родственные связи, бизнес, лечение, рекреация и пр.) заметно выше, чем к Палестине – в 2,75 раза (15,47 млн и 5,64 млн запросов соответственно). В контексте нашего исследования важен именно относительный интерес или региональная популярность запроса: в каких округах РФ к «Палестине» существует повышенный интерес и насколько он повышен относительно других регионов. Для решения этой задачи был сконструирован индекс Палестина/Израиль (П/И), который представляет собой частное от деления значения региональной популярности запроса «Палестина» на аналогичный показатель к запросу «Израиль». Исходные данные и результаты расчетов приведены в таблице 1. Для наглядности ранжировка ФО РФ по индексу П/И показана на рисунке 1.

Таблица 1 – Значения индекса П/И для различных федеральных округов РФ (где ЧЗ – число запросов, РП – региональная популярность)

Table 1 – P/I (Palestina/Israel) Index Values for Federal Districts of the Russian Federation (CHZ – Number of Requests, RP – Regional Popularity)

	Израиль		Палестина		Индекс П/И
	ЧЗ	РП	ЧЗ	РП	
Центральный федеральный округ	5501615	1,07	2016886	1,08	1,01
Москва и Московская область	3750810	1,15	1377699	1,16	1,01
Приволжский федеральный округ	2295581	0,86	851933	0,87	1,01
Северо-Западный фед. округ	1789500	1,13	612043	1,06	0,94
Санкт-Петербург и Ленинградская область	1271558	1,27	427368	1,18	0,93
Южный федеральный округ	1196168	0,96	452260	1,00	1,04
Сибирский федеральный округ	1195016	0,78	415579	0,75	0,96
Уральский федеральный округ	1070123	0,86	378868	0,84	0,98
Северо-Кавказский фед. округ	484941	1,12	347109	2,22	1,98
Дальневосточный фед. округ	420641	0,78	143919	0,74	0,95

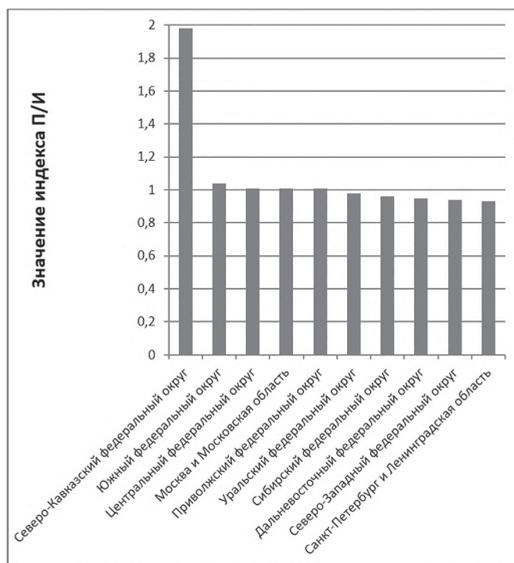

Рисунок 1 – Ранжировка Федеральных округов РФ по индексу П/И (система Яндекс, данные за период 23.09–23.10.2023, для наглядности включены данные по Москве и Московской области и Санкт-Петербургу и Ленинградской области)

Figure 1 – Ranking of Russian Federation Federal Districts by P/I Index (Yandex Data, 23 September – 23 October 2023, Includes Moscow, Moscow Region, St. Petersburg, and Leningrad Region for Clarity)

Как видно, относительный интерес к Израилю и Палестине по федеральным округам РФ практически идеально уравновешен, за исключением небольшого Северо-Кавказского федерального округа, где про государство Палестина в момент резкого обострения палестино-израильского конфликта спрашивали в среднем в два раза чаще, чем в других округах. Наиболее вероятно, что такая ярко выраженная анизотропия ментального ландшафта РФ связана именно с этноконфессиональными факторами (большой процент мусульманского населения суннитского толка), которые необходимо учитывать в политической практике.

Можно углубить анализ: исследовать анизотропию ментальных ландшафтов субъектов РФ, входящих в СКФО, по морфоскульптуре «Палестина» и найти связи этого показателя с другими важными характеристиками субъектов: региональная популярность запроса «Израиль», валовый региональный продукт на душу населения, процент мусульманского населения. В состав Северо-Кавказского федерального округа входят 7 субъектов РФ: Республики Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Ставропольский край, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская Республики. Региональная популярность темы «Палестина» по этим территориальным образованиям крайне неравномерна (Таблица 2, Рисунок 2).

Таблица 2 – Значения региональной популярности тем «Палестина» и «Израиль» для различных субъектов РФ, входящих в СКФО

Table 2 – Regional Popularity Values for the Topics “Palestine” and “Israel” Across Subjects in the North Caucasian Federal District of the Russian Federation

	Палестина, РП	Израиль, РП	ВРП н/дн, тыс.руб/чел ¹⁰	% мусульманского населения ¹¹
Ингушетия	4,36	1,14	106,8	96,0
Чеченская Республика	4,16	1,24	118,7	95,0
Республика Дагестан	3,76	1,32	197,1	83,0
Карачаево-Черкесская Республика	2,30	1,00	156,6	64,2

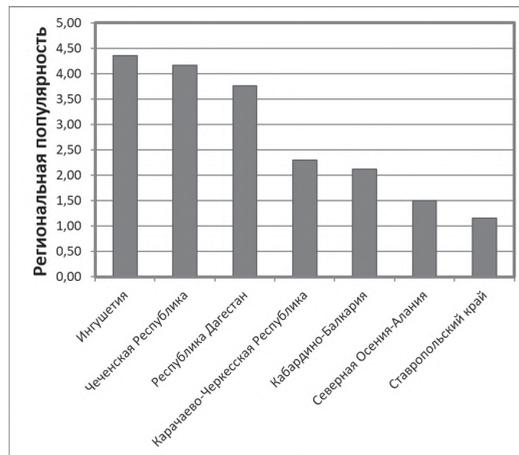

Рисунок 2 – Ранжировка субъектов РФ, входящих в СКФО, по уровню региональной популярности к теме «Палестина» (Система Яндекс, данные за период 23.09–23.10.2023)

Figure 2 – Ranking of the North Caucasian Federal District Subjects by Regional Popularity of the “Palestine” Topic (Yandex Data, 23 September – 23 October 2023)

¹⁰ Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах). Взято 13 января 2024, с https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/dusha98-16.xlsx

¹¹ Данные по количеству мусульманского населения в различных российских источниках расходятся. Для анализа авторы использовали статистику, представленную в Атласе «Исламское сообщество Российской Федерации» (Силантьев, 2018) (взято

Анизотропия ментальных ландшафтов российских регионов может быть изучена при помощи культурно-исторической габитоскопии (Николайчук и др., 2023, с. 85, 172–176.) с акцентом на социально-политическую направленность. В основе метода лежат расчетно-математические технологии распознавания образов на основе создания и сравнения своего рода цифровых портретов самого широкого класса объектов – от лица в толпе до *кластеризации государств по цивилизационным предпочтениям*. Мы попробовали найти корреляцию интереса интернет-аудитории СКФО к теме «Палестина» с некоторыми другими параметрами, характеризующими «портреты субъектов РФ, входящих в СКФО», а именно с региональной популярностью темы «Израиль», с данными по уровню валового регионального продукта на душу населения и с процентом мусульманского населения.

И пришли к выводу, что:

1. Значимая корреляция между рядами РП «Палестина» и РП «Израиль» отсутствует (всего 0,53): интерес к Израилю в рассматриваемых субъектах хаотичен и не связан с интересом к Палестине.

2. Имеется значимая антикорреляция между уровнем интереса к Палестине и ВРП на душу населения ($R = -0,70$). Чем выше интерес к Палестине, тем ниже ВРП для субъекта.

3. Имеется теснейшая связь между уровнем интереса к Палестине и процентом мусульманского населения в регионе ($R = 0,95$)¹².

Далее целесообразно совместить разъяснение особенностей методики с конкретным исследованием анизотропии ментальных ландшафтов субъектов РФ, входящих с Северо-Кавказский федеральный округ. Создадим их цифровые портреты на основе количественных данных, способных характеризовать анизотропию, как: 1) число упоминаний региона в ленте новостей «РИА Новости» за весь период существования сайта деленное на число жителей региона; сведения о позиционировании региона в таких общероссийских рейтинговых списках, как 2) отсутствие у населения склонности к вредным привычкам¹³,

13 января 2024, с https://samara.mgpu.ru/files/library_elektron/history_zr/guseva_un_atlas_islamskoe_soobsch.pdf), а также в материалах: *Процент мусульман в России к 2023 году: статистика и прогнозы*. Взято 13 января 2024, с https://investim.guru/faq/protsent-musulman-v-rossii-k-2023-godu-statistika-i-prognozy?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F; *Двадцатка самых исламизированных регионов России*. Взято 13 января 2024, с https://islam-today.ru/islam_v_rossii/dvadczatka_samyx_islamizirovannyx_regionov_rossii/

¹² В математической статистике коэффициент корреляции (R) – это показатель степени связи между двумя переменными или измерениями. Величина коэффициента корреляции по модулю показывает степень зависимости. Примеры использования поиска связей между переменными в медиагеографических исследованиях см. в: (Николайчук, Якова, Янглева, 2020, с. 650–653).

¹³ *Рейтинг российских регионов по отсутствию вредных привычек*. Взято 13 января 2024, с https://ria.ru/20231204/vrednye_privychki-1912947239.html

3) доля низкооплачиваемых работников¹⁴, 4) качество жизни¹⁵, 5) итоговый рейтинг регионов¹⁶; региональная относительная популярность в субъекте таких запросов в интернет как 6) «коррупция», 7) «беженцы», 8) «терроризм», 9) «кредит», 10) «Гагарин», 11) «Путин», 12) «этнографический диктант»¹⁷, 13) «приму ислам» (см. таблицу 3). Интерес к теме «этнографический диктант» мы рассматривали как один из маркеров степени формирования в регионе над-этнической общероссийской гражданской идентичности. Подчеркнем, что среди предлагаемых вопросов было достаточное число по культурной специфике субъектов РФ, входящих в СКФО. Всего получается семь портретов по тринадцати позициям (матрица 13×7).

Укажем здесь, что традиционно анизотропия ментальных ландшафтов трактуется как следствие вариации доли резидентов, которые считают себя мусульманами, т.е. исходя из религиозно-культурных факторов. Имеется тесная обратная связь ($R = -0,79$) между величиной этой доли и показателем валового регионального продукта для субъекта. Более того, количество мусульман, проживающих в субъекте, и численное значение региональной популярности показов по фразе «Палестина» очень сильно коррелируются ($R = 0,94$). Тесная линейная зависимость имеется также между долей мусульман в регионе и стремлением избегать вредных привычек ($R = 0,89$), уровнем зарплат ($R = 0,93$), желанием принять ислам ($R = 0,94$), интересом к проблеме беженцев ($R = 0,74$). Чем больше идентифицирующих себя в качестве последователей ислама в локации, тем меньше здесь интерес к такой фигуре, выступающей как общенациональный символ России и маркер советской эпохи как Юрий Гагарин ($R = -0,73$), которая, по сути, является одной из редких «консенсусных морфоскульптур» (Николайчук и др., 2020). С другой стороны, регистрируемая официальной статистикой неблагоприятная экономическая обстановка на фоне высокого процента мусульманского населения заставляет жителей некоторых республик СКФО проявлять инициативу к достижению богатства, поскольку тут бедность считается позором, а богатство – демонстрацией самореализации и высокого статуса. Подобный модус поведения совершенно не свойственен, например, столичным регионам. Дополнительно отметим следующее. Жители СКФО имеют максимальный среди других округов интерес к теме «богатство» и «миллиардер», минимальный – к теме «советские фильмы» (Николайчук и др., 2023). В то же время их ориентация на смыслы «деньги» и «власть» не является ярко выраженной (Янглева, 2023).

¹⁴ *Рейтинг российских регионов по зарплатам – 2023*. Взято 13 января 2024, с <https://ria.ru/20231120/zarplata-1910154567.html>

¹⁵ *Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022*. Взято 13 января 2024, с https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html

¹⁶ *Итоговый рейтинг регионов РФ – 2022*. Взято 13 января 2024, с <https://riarating.ru/regions/20221226/630235161.html>

¹⁷ С 3 по 8 ноября 2023 г. в России прошла Международная просветительская акция «Большой этнографический диктант», которая знакомит с культурой народов, проживающих в России, а также позволяет оценить общий уровень этнокультурной грамотности. В 2023 г. в акции приняло участие 3340121 человек из 89 регионов России.

Исламизация республик СКФО, под которой следует понимать процесс усиления влияния ислама в различных сферах государственной политики и общественной жизни, а также процесс увеличения количества людей, исповедующих ислам, может считаться причиной мультиколлинеарности, то есть наличия сильной корреляции между факторами в первую очередь макроэкономического плана. Можно говорить о сильном влиянии различий в региональной экономике на цивилизационные константы и характеристики самоидентификации. Однако мультиколлинеарность, «замкнутая» на хозяйственно-поведенческие особенности местной жизни, затрудняет построение и идентификацию моделей, пригодных для использования в политической практике и в первую очередь в тех из них, которые были бы полезны для выстраивания безопасности региона перед лицом внешних вызовов. Последнее является сегодня актуальной задачей.

Результаты исследования

Сравним цифровые портреты субъектов РФ, входящих в СКФО, на основе данных по 13 признакам-маркерам. Конкретные цифровые портреты субъектов, которые являлись исходными данными для необходимых вычислений, приводятся в таблице 3. Матрица парных корреляций строк, характеризующая совпадение портретов, приведена в таблице 4.

Таблица 3 – Цифровой портрет субъектов РФ, входящих в СКФО (по 13 маркерам)
 Table 3 – Digital portrait of the Russian Federation subjects, included in the North Caucasian Federal District (13 markers)

		уп/жит	Вредные привычки	коррупция	беженцы	терроризм	кредит	этнодиктант	Гагарин	Путин	Зарплата	приму ислам	Качество	Итог
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Республика Ингушетия	30,96	95,7	2,03	2,02	3,36	0,77	3,14	0,29	0,88	34,4	13,65	31,2	23,6
2	Чеченская Республика	26,86	100	1,1	2,74	1,56	0,76	1,5	0,26	1,05	35,6	9,65	43,8	32,6
3	Республика Северная Осетия – Алания	25,29	72,6	0,83	1,04	1,18	1,24	1,92	0,68	0,99	29,8	2,51	40,3	29,8
4	Кабардино-Балкарская Республика	12,43	82,6	1,39	1,09	2,04	1,19	0,9	0,78	1,08	29	5,51	44,2	31,3
5	Республика Дагестан	8,19	96,1	1,38	2,35	2,31	0,73	0,76	0,96	1,25	32,2	9,83	43,1	37,1
6	Карачаево-Черкесская Республика	6,60	72,2	1,59	0,89	3,41	1,31	2,84	0,55	1,15	30,8	6,14	35,1	26,3
7	Ставропольский край	5,33	67,7	1,53	1,05	1,25	1,09	1,3	1,17	1	20,9	2,09	57,4	49,3

Таблица 4 – Матрица парных корреляций значений признаков, характеризующих ментальные ландшафты субъектов РФ, входящих в СКФО

Table 4 – Pairwise Correlation Matrix of Features Characterizing the Mental Landscapes of the North Caucasian Federal District in the Russian Federation

	РИ	ЧР	PCO	КБР	РД	КЧР	СК
Республика Ингушетия (РИ)		0,47	-0,17	-0,70	-0,41	0,13	-0,85
Чеченская Республика (ЧР)			0,02	-0,56	-0,09	-0,63	-0,70
Республика Северная Осетия — Алания (PCO)				0,12	-0,67	-0,15	0,16
Кабардино-Балкарская Республика (КБР)					0,32	0,06	0,64
Республика Дагестан (РД)						-0,30	0,25
Карачаево-Черкесская Республика (КЧР)							0,02
Ставропольский край (СК)							

При всех оговорках об относительной случайности выбора признаков, можно видеть достаточно нетривиальную картину индивидуальной специфики субъектов РФ, входящих в СКФО. Прежде всего, отметим, что доминирование фактора исламизации практически не просматривается. С определенной натяжкой можно утверждать, что ментальный ландшафт Чеченской Республики и Республики Ингушетия в выбранной системе морфоскульптур совпадает. Очевидным является противопоставление пейзажа славянского Ставропольского края с Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия.

Вместе с тем видно, что многонациональная Республика Дагестан обладает неповторимым ментальным пейзажем. Дагестан ни на кого не похож. Это, можно сказать, уникальная «миницивилизация» со своими опорными морфоскульптурами для самоидентификации. Здесь интересно то, что портрет Дагестана плохо совпадает с портретом Северной Осетии–Алании. Ментальный пейзаж Северной Осетии отражает сложную проблему самоидентификации ее жителей, но в любом случае их цивилизационные предпочтения «не совпадают» с казальсь бы близким по конфессиональным признакам Ставрополем. Особо выделим Кабардино-Балкарскую Республику, которая, не смотря на значительный процент мусульманского населения (55,4%), очень похожа на Ставропольский край и буквально противопоставлена Чечне и особенно Ингушетии.

Впрочем, Чечне также в ментальном отношении противопоставлена и Карачаево-Черкесия с ее 64,3% мусульман. Неким промежуточным выводом в данном случае должно стать понимание того, что исламизация республик СКФО носит сложный и отличный от субъекта к субъекту характер. Так, если в ЧР и РИ процессы исламизации уже зашли очень далеко, и эти республики в координатах самоидентификации резидентов фактически размещены в мусульманском мире и лишь затем в России, то КЧР, КБР и, разумеется, Дагестан не склонны идентифицировать себя с этим миром и не очень туда стремятся, пока еще оставаясь духовно в «большой России», причем стихийно, в рамках советской модели дружбы народов.

Нельзя пройти мимо следующего факта. В последнее время в России, и в первую очередь в субъектах РФ, входящих в СКФО, популярность ислама растет, хотя этот процесс и нельзя назвать массовым.

Из рисунка 3 видно, что число запросов по фразе «приму ислам» в РФ с 2020 г. заметно подросло. В декабре 2023 г. появились даже запросы по мему «Дед Мороз принял ислам». Вариации интереса к теме «приму ислам» по регионам РФ показаны на рисунке 4.

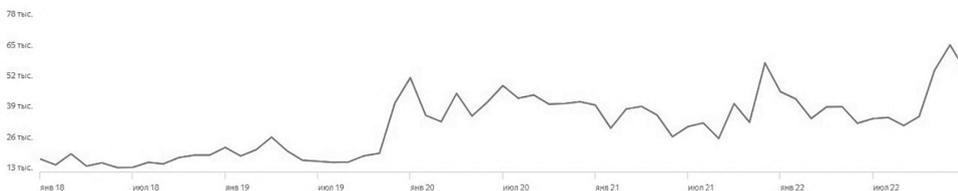

Рисунок 3 – Динамика числа показов по фразе «приму ислам» за последние пять лет (система Яндекс, группировка по месяцам, дата запроса 09.01.2024)

Figure 3 – Monthly Dynamics of Impressions for the Phrase “Convert to Islam” Over the Past Five Years (Yandex Data, Request Date: 1 September 2024)

Рисунок 4 – Относительная региональная популярность запроса «приму ислам» для ряда субъектов РФ (система Яндекс, период 16.10–16.11.2023, дата запроса – 17.11.2023)

Figure 4 – Relative Regional Popularity of the Query “Convert to Islam” Across Selected Constituent Entities of the Russian Federation (Yandex Data, 16 October – 16 November 2023, Request Date: 17 November 2023)

На рисунке 5 даны тренды роста интереса к исламу на Северном Кавказе в системе Google (Костромская область приведена для сравнения). Как видно, процессы исламизации в последние два года заметно ускорились. Особенно это характерно для Республики Северная Осетия-Алания.

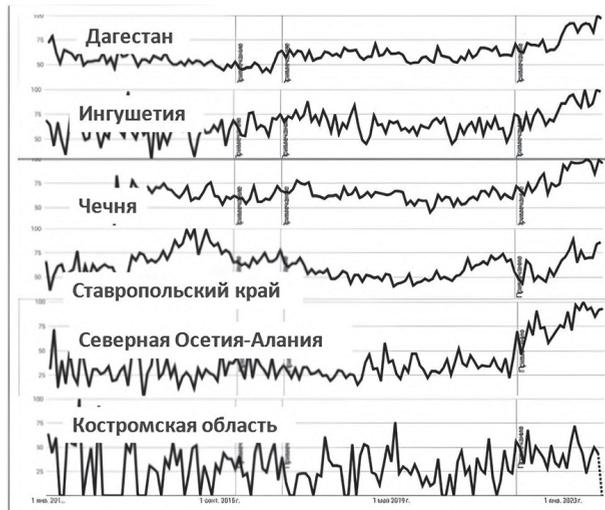

Рисунок 5 – Динамика интереса к теме ислама в СКФО (система Google, тема «Ислам-Религия», период 01.01.2012–16.11.2023)

Figure 5 – Dynamics of Interest in the Topic of Islam in the North Caucasian Federal District (Google Data, Topic: “Islam-Religion”, 1 January 2012–16 November 2023)

Представленные данные дают возможность утверждать следующее: привлечение населения «мусульманских республик» Северного Кавказа к важной и специфической внешнеполитической акции – демонстрации поддержки палестинского народа в его борьбе за свои права против государства Израиль без учета различий в их ментальных пейзажах, привело к нарушению стабильности в регионе и репутационным потерям как для Москвы, так и для руководства трех республик – Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии.

Трансформация угроз безопасности России в Северо-Кавказском ФО

Представители научного сообщества и политики-практики сходятся во мнении, что сегодня в регионе проблемы сепаратизма, терроризма и религиозного экстремизма уже не стоят так остро, как, например, в начале XXI в. Наиболее опасными стали попытки раскачать ситуацию в регионе в результате нарушения информационной безопасности. Утверждается, что «хотя экстремизм в настоящее время почти утратил этническое основание, гибридная война, развернувшаяся против России, одной из мишеней имеет этническое многообразие российского общества и нацелена на возобновление сепаратизма» (Авксентьев, Гриценко, 2023, с. 458).

В официальных документах Государственного департамента США, связанных с обсуждением программ финансирования системы внешнеполитической пропаганды говорится: «В последние годы пришло понимание того, что реальная российская история разворачивается далеко не как процесс развития монолитного

(единого. – авт.) государства. Поэтому Радио Свобода запустило региональные русскоязычные веб-сайты, ориентированные на местную аудиторию в Сибири («Сибирь. Реалии»), на Северо-Западе («Север. Реалии»), на Северном Кавказе («Кавказ. Реалии») и в Волго-Уральском регионе («Идель. Реалии»)»¹⁸. Если не брать во внимание редакцию «Север. Реалии», в задачи которой входит поощрение финского сепаратизма Карелии и Выборгского района Ленинградской области, то в остальных случаях ставка сделана на население, исповедующее ислам.

Для субъектов РФ, входящих в СКФО, пропагандисты США активно продвигают идею деколонизации (т.е. создание независимой от РФ светской федерации народов Кавказа по примеру Горской республики, которая существовала в 1918–20 гг. прошлого века) и дерусификации. При этом нажим на исламизацию или этнический экстремизм американцами не демонстрируется. Проводится линия на провокации – «разоблачение попыток российских властей подавить этнические меньшинства».

В рамках пресловутой гибридной войны Дагестан выбран главной мишенью для дестабилизации, в связи с чем используется разветвленная сеть медиа-ресурсов. В таблице 5 в качестве примера представлены данные о популярности двух наиболее известных ТГ-каналов.

Таблица 5 – Сведения о числе запросов (ЧЗ) и региональной популярности запросов (РП) для ТГ-каналов «Кавказ.Реалии» и «Утро Дагестана»¹⁹ в системе Яндекс за период 15.11–15.12.2023 для субъектов РФ, входящих в СКФО

Table 5 – Number of Requests (CHZ) and Regional Popularity (RP) of TG Channels “Kavkaz.Realii” and “Morning of Dagestan” in the Yandex System (15 November – 15 December 2023) for Subjects of the Russian Federation in the North Caucasian Federal District

	Кавказ.Реалии		Утро Дагестана	
	ЧЗ	РП	ЧЗ	РП
Республика Ингушетия	180	13,48	8	4,2
Чеченская Республика	126	37,78	3	0,7
Республика Северная Осетия — Алания	48	10,54	16	2,4
Кабардино-Балкарская Республика	44	9,82	11	1,7
Республика Дагестан	215	19,01	991	60,9
Карачаево-Черкесская Республика	50	24,48	10	3,4
Ставропольский край	95	4,43	80	2,6

¹⁸ FY2024 USAGM Congressional Budget Justification. Retrieved January 14, 2024, from https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2023/03/FY2024_CBJ_Final_3-14-23.pdf

¹⁹ «Утро Дагестана» (ТК и You Tube) принадлежит и финансируется бывшим российским бизнесменом Абакаром Абакаровым, создавшим сеть из 17 каналов,

По данным системы Яндекс интерес к ресурсу «Утро Дагестана» скачкообразно (фактически с нуля) вырос в неделю, когда произошли беспорядки в аэропорту Махачкалы, но быстро сошел на нет (Рис. 6). Этот факт связан не с антисемитским контентом канала под событие и интересом к нему потребителей информации, а с усиленным пиаром ресурса. В то же самое время интерес интернет-аудитории к ресурсу «Кавказ. Реалии» ровный, хотя и незначительный, что свидетельствует о планомерной подпитке этого ресурса его кураторами.

Рисунок 6 – История показов по фразам «Кавказ Реалии», «Утро Дагестана», «палестинцы» и «евреи». Система Яндекс. Группировка по неделям. Затенена неделя 29.10–04.11.2023

Figure 6 – History of Impressions for the Phrases “Caucasus Realities”, “Morning Dagestan”, “Palestinians”, and “Jews” in the Yandex system (Weekly Grouping). Week of 29 October – 4 November 2023 Highlighted with Grey.

Из таблицы 4 видно, что основная масса запросов шла с территории Республики Дагестан, что хорошо подтверждает гипотезу о спросе на информацию по каналу, а не на его контент. Примерно такие же результаты мы получили при исследовании материалов каналов «КАЙФ Дагестана» и «Тут Дагестан».

Отметим также, что, при всей незначительности влияния на региональный социум, просматривается разница интересов интернет-пользователей ЧР и РД (см. таблицу 5). Если первые больше интересуются перспективами создания независимого исламского государства Имамат Кавказа «от моря до моря», где

у которых от 500 до 20 тыс. человек подписчиков. Реально это может быть группа из 5-10 блогеров, создателей контента и модераторов (взято 15 января 2024, с <https://iz.ru/1567054/2023-08-31/opublikovano-video-obyskov-u-moderatorov-telegram-kanala-utro-dagestana>).

авторитетные чеченские духовные и светские лидеры могли бы претендовать на общекавказское руководство (помимо американского ресурса «Кавказ.Реалии» существует целая группа оппозиционных нынешней чеченской власти сайтов и каналов продвигающих эту тематику: «Имамат Кавказ», «Зона Кавказа», The Circassian Times, deoccupation, Rapcaucasian и др.), то основными темами узкодагестанских ресурсов является не сепаратизм, а возбуждение универсальных протестных настроений, причем мишенями является как Москва, так и местные власти любого уровня, вплоть до «управдомов и коммунальщиков».

Современная информационная ситуация как бы настойчиво подталкивает политиков исходить из того факта, что сегодня в России, и в первую очередь в республиках СКФО энергично продвигаются материалы антисемитского толка. Причиной популярности подобных материалов стали якобы события в секторе Газа. «Сегодня каналы и блогеры набирают себе множество подписчиков на основании такого контента, не отдавая себе отчет, к чему это может привести. Многие люди-де были уверены, что рейсами из Тель-Авива в Махачкалу прибудут евреи, цель которых – едва ли не захватить Дагестан. Это результат долгой обработки людей, которых убеждали, что во всем виноваты такие враги»²⁰. Утверждения о «долгой обработке людей» сомнительны. Как следует из рисунка 6, интерес к фразе «палестинцы» (именно «палестинцы», а не «Палестина») в Рунете вообще отсутствовал, однако с началом палестино-израильского конфликта число запросов молниеносно выросло до 150 тыс. в неделю. Сегодня этот показатель стабилизировался на уровне 5–10 тыс. в неделю и скоро совсем сойдет на нет. Отметим слабое влияние на интерес к теме событий в Махачкале. Примерно такая же картина свойственная и динамике показов по фразе «евреи». Интерес к евреям постоянно фиксировался в Рунете на уровне 200–250 тыс. показов в неделю, однако после 7 октября он быстро подскочил до гигантской цифры 700 тыс. Затем интерес явно сохранился (600 тыс.), в момент беспорядков слегка подрос (650 тыс.), а затем пошел на спад. Сегодня этот параметр стабилизировался на обычном уровне (200 тыс. в неделю).

Наши расчеты показывают (см. рис. 7), что интерес к еврейской теме в исламизированных субъектах РФ, входящих в СКФО, существенно ниже, чем в других регионах, где на информационном поле заметна тема еврейских общин.

Изучение всех имеющихся эмпирических материалов подводит к мысли, что жители СКФО стали реципиентами антиизраильской (отнюдь не антисемитской или антииудаистской) пропагандистской кампании, которая была вписана в более широкий контекст организации обещеисламской поддержки борьбы палестинского народа за свои права и создание собственного государства. Представляется, что сразу после начала конфликта радикально настроенные мусульманские лидеры общественного мнения на Кавказе и зарубежные смогли создать из числа молодежи виртуальные группы-эхокамеры «болельщиков за Палестину», которые типологически аналогичны группам агрессивных

²⁰ К погрому в аэропорту Махачкалы призывали дагестанские Telegram-каналы. Что о них известно и почему они так популярны? (2023, 30 октября). Взято 16 января 2024, с <https://lenta.ru/news/2023/10/30/channel/>

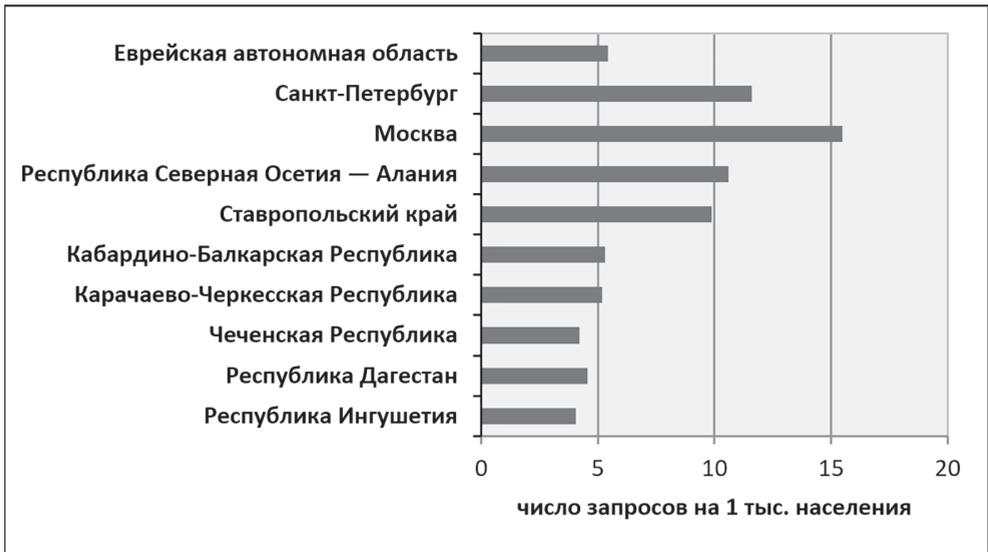

Рисунок 7 – Число запросов по фразе «евреи» на 1 тыс. жителей для субъектов РФ, входящих в СКФО, и некоторых других регионов РФ (система Яндекс, период 15.11–15.12.2023, дата запроса 16.12.2023, данные по численности населения за 2023 г., расчеты авторов)

Figure 7 – Number of Queries per 1,000 Inhabitants for the Phrase “Jews” across Russian Federation Subjects in the North Caucasian Federal District and Selected Other Regions of the Russian Federation (Yandex Data, 15 November –15 December 2023; Request Date: 16 December 2023; Population Data for 2023; Authors’ Calculations)

болельщиков за «Спартак» или «Ливерпуль» и склонны скорее к хулиганству, чем к осозанным политическим протестам. В таких группах, как говорят многочисленные исследования, интеллект индивида практически обнуляется, а возможность критического мышления блокируется.

Мы нигде не нашли (даже в материалах Центра информационно-психологических операций Сил специальных операций Украины) каких-либо призывов выходить на улицы с протестами против евреев. Генезис развертывания беспорядков в аэропорту Махачкалы можно проследить в «цифровой листовке»²¹, где предлагается организовать бойкот обустройства и бытового обслуживания мифических еврейских беженцев, а вовсе не устраивать «народные погранзаставы» для проверки этнической принадлежности прибывающих из Израиля авиапассажиров. В постах на соответствующих сайтах встречались экстремистские утверждения вроде «лучший сионист – это мертвый сионист», а в нашумевшем кейсе с поджогом покрышек на строительстве еврейского культурного центра в Нальчике в массмедиа обязательно приводилось фото надписи «Смерть яху-

²¹ ТГ «Утро Дагестана». Взято 16 января 2024, с t.me/tutdagestan/8540

дам!». Такие призывы очевидно укладываются в поведенческую модель «мусульмане Кавказа болеют за Палестину против Израиля».

К сожалению, российские массмедиа, как центральные, так и местные, в данном случае не смогли выступить в качестве миротворца, модератора конфликта или адекватного комментатора ситуации (Якова, 2018). Оппозиционные ресурсы продвигали провокационные нарративы «Еврейский погром в аэропорту Махачкалы», «Дагестан нуждается в денацификации», «В Дагестане атаковали не евреев, а русских». Основные официальные СМИ широко распространяли ньюсмейкинг высокопоставленных лиц, включая посла Израиля в Москве, и отечественных лидеров общественного мнения о недопустимости антисемитизма в российском обществе. Тем самым было эффективно и ненавязчиво продемонстрировано, что Россия «болеет и за Израиль», и успокоены еврейские общины.

Заключение

Информационная безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в момент резкого обострения палестино-израильского конфликта была нарушена. Проведенный анализ дает основания сделать вывод о том, что в публичной сфере доминирует поверхностный взгляд на причины дестабилизации обстановки в регионе, включая деструктивную деятельность «враждебных СМИ» и влияние социальных сетей на региональную интернет-аудиторию. Влияние этих факторов многократно усиливается эффективной пропагандой и призывами извне, обращенным к резидентам северокавказских республик, активно солидаризироваться с борьбой палестинского народа против Израиля.

Другой важный вывод нашего исследования заключается в том, что сегодня мусульманское население республик СКФО вследствие недостаточного внимания региональных властных структур к чувствительной сфере межконфессиональных отношений (как между собственно конфессиями, так и между сообществами приверженцев основных мировых религий) в контексте защиты государственных интересов РФ в большей степени считает себя принадлежащими к исламскому миру, а не к многонациональному гражданскому обществу Российской Федерации. Такая проблема не существует в других республиках с большим процентом мусульманского населения – Татарстане, Башкортостане, Крыму, где люди самоидентифицируют себя сначала как граждан РФ, а уже потом как последователей ислама.

При разработке программ информационного противодействия попыткам дестабилизировать ситуацию в субъектах РФ, входящих в СКФО, и нанести ущерб национальной безопасности России плохо учитывается анизотропия местных ментальных ландшафтов, иначе говоря, – специфика возможного политического поведения локальных социумов. В методическом плане это поведение целесообразно исследовать с применением анализа цифровых портретов субъектов РФ по различным маркерам, характеризующим их социально-политические, экономические, культурологические, этнографические и другие особенности.

Ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе в контексте продолжающегося палестино-израильского конфликта остается напряженной и неопре-

деленной, что требует постоянного активного мониторинга информационной обстановки и ее объективной оценки для принятия соответствующих решений, направленных на защиту национальных интересов России.

Список литературы

1. Абдулатипов, Р.Г. (2002). *Судьбы ислама: История и перспективы*. Москва: Мысль.
2. Абдулатипов, Р.Г., Дидириков, А.-Н.З. (Ред.) (2015). *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения*. Москва: Аспект-Пресс.
3. Абдулатипов, Р.Г., Михайлов, В. А. (2015). *Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос*. Москва: Этносоциум.
4. Абдулатипов, Р.Г., Баисова, Л. А., Бобровников, Я.О. и др. (2007). *Кавказ: история, народы, культура, религии*. Москва: Вост. лит.
5. Авксентьев, В. А., Гриценко, Г.Д. (2023). Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации. *Научный журнал Регионоведение*, 31(3), 442–458. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.442-458>. Взято 20 января 2024, с <http://regionsar.ru>
6. Беспалова, Т.В., Поцелуев, С.П., Расторгуев, В.Н. (2021). *Национальная память в эпоху перемен*. Москва: 1000 бестселлеров.
7. Коновалов, В.И., Цветоват, М. (2006). Геостратегические процессы в Кавказско-Каспийском регионе: системный подход и сетевые модели. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (4), 88–103. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2006-43-4-88-103> Взято 20 января 2024, с http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Konovarov_Cvetovat-2006-4.pdf
8. Кутилин, С. А. (2010). Региональная безопасность Северного Кавказа как подсистема национальной безопасности России: политологический аспект. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, (2), 155–158.
9. Николайчук, И. А., Янглева, М.М., Якова, Т.С. (2020). Управление прошлым и защита интересов государства. *Проблемы национальной стратегии*, (2), 186–203.
10. Николайчук, И. А., Якова, Т.С., Янглева, М.М. (2020). Поиск новой российской идентичности: медиагеографические исследования ментального ландшафта. *Вопросы теории и практики журналистики*, 9(4), 642–659. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(4\).642-659](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(4).642-659)
11. Николайчук, И. А., Янглева, М.М., Якова, Т.С. (2020). *Управление прошлым. Массмедиа. Мифотворчество. Идентичность*. Москва: ИКАР.
12. Николайчук, И. А., Янглева, М.М., Якова, Т.С. (2023). *Цифровое обществоведение. Медиа, метасмыслы, наука*. Москва: ИКАР.
13. Ожиганов, Э. Н. (2006). *Стратегический анализ политики. Теоретические основания и методы*. Москва: Аспект-Пресс.

14. Сердеров, Р.М. (2015). О внутренних и внешних угрозах России на Северном Кавказе. *Власть*, (6), 202–206.
15. Силантьев, Р.А. (Гл. ред.) (2018). *Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации»*. Москва: ИНКОТЭК.
16. Эмиров, Р.М. (2013). К вопросу о национальной безопасности России на Северном Кавказе. *Власть*, (4), 192–195.
17. Якова, Т.С. (2018). Массмедиа и конфликты современного мира. *Научный электронный журнал «Медиаскоп»*, (4). <https://doi.org/10.30547/mediascope.4.2018.6> Взято 21 января 2024, с <http://www.mediascope.ru/2488>
18. Якова, Т.С., Янгляева, М.М. (2020). Историческая память о Второй мировой войне: современный ментальный ландшафт Европы. *Научный электронный журнал «Медиаскоп»*, (3). <https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2020.9> Взято 21 января 2024, с <http://www.mediascope.ru/2652>
19. Янгляева, М.М. (2023). Метасмысл «власть» в зеркале политической медиагеографии. *Власть*, 31(3), 110–116. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9640>
20. Dunlop, J.B., & Menon, R. (2006). Chaos in the North Caucasus and Russia's future. *Survival*, 48(2), 97–114. <https://doi.org/10.1080/00396330600765484>
21. Trofino, St. A. (2011). Dagestan: Moscow's Risk Versus Gain. *International Journal of Intelligence and CounterIntelligence*, 24(2), 253–267. <https://doi.org/10.1080/08850607.2011.519249>

References

1. Abdulatipov, R.G. (2002). *Sud'by islama: Istoriya i perspektivy* [The fate of Islam in Russia: History and prospects]. Moscow: Mysl'.
2. Abdulatipov, R.G., & Mikhaylov, V.A. (2015). *Rossiya v XXI veke: obshchenatsional'nyy otvet na natsional'nyy vopros* [Russia in the 21st century: a national response to the national question]. Moscow: Etnosotsium.
3. Abdulatipov, R.G., Baisova, L.A., & Bobrovnikov, Ya.O. et al. (2007). *Kavkaz: istoriya, narody, kul'tura, religii* [The Caucasus: history, peoples, culture, religions]. Moscow: Vost. lit.
4. Abdulatipov, R.G., & Dibirov, A.-N. Z. (2015). *Rossiyskiy Kavkaz: problemy, poiski, resheniya* [Russian Caucasus: problems, searches, solutions]. Moscow: Aspekt-Press.
5. Avksentiev, V.A., & Gritsenko, G.D. (2023). Severnyy Kavkaz: faktornyy analiz i prognozy dinamiki regional'noy situatsii [Northern Caucasus: factor analysis and forecasts of the dynamics of the regional situation]. *Nauchnyy zhurnal Regionologiya*, 31(3), 442–458. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.442-458> Retrieved January 20, 2024, from <http://regionsar.ru>
6. Bepalova, T.V., Potseluev, S.P., & Rastorguev, V.N. (2021). *Natsional'naya pamyat' v epokhu peremen* [National memory in an era of change]. Moscow: 1000 bestsellerov.

7. Dunlop, J.B., & Menon, R. (2006). Chaos in the North Caucasus and Russia's future. *Survival*, 48(2), 97–114. <https://doi.org/10.1080/00396330600765484>
8. Emirov, R.M. (2013). K voprosu o natsional'noy bezopasnosti Rossii na Severnom Kavkaze [On the issue of Russian national security in the North Caucasus]. *Vlast'*, (4), 192–195.
9. Kononov, V.I., & Tsvetovat, M. (2006). Geostrategicheskie protsessy v Kavkazsko-Kaspiyskom regione: sistemnyy podkhod i setevye modeli [Geostrategic processes in the Caucasus-Caspian region: a systemic approach and network models]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, (4), 88–103. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2006-43-4-88-103> Retrieved January 20, 2024, from http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Kononov_Cvetovat-2006-4.pdf
10. Kutilin, S.A. (2010). Regional'naya bezopasnost' Severnogo Kavkaza kak podsystema natsional'noy bezopasnosti Rossii: politologicheskii aspekt [Regional security of the Northern Caucasus as a subsystem of Russian national security: political aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, (2), 155–158.
11. Nikolaychuk, I.A., Yanglyaeva, M.M., & Yakova, T.S. (2020). Upravlenie proshlym i zashchita interesov gosudarstva [Managing the past and protecting the national interest]. *Problemy natsional'noy strategii*, (2), 186–203.
12. Nikolaychuk, I.A., Yakova, T.S., & Yanglyaeva, M.M. (2020). Poisk novoy rossiyskoy identichnosti: mediageograficheskie issledovaniya mental'nogo landshafta [In search for a new russian identity: media-geographical studies of the mental landscape]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 9(4), 642–659. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(4\).642-659](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(4).642-659)
13. Nikolaychuk, I.A., Yanglyaeva, M.M., & Yakova, T.S. (2020). *Upravlenie proshlym. Massmedia. Mifotvorchestvo. Identichnost'* [Managing the past. Mass media, myth-making, identity]. Moscow: IKAR.
14. Nikolaychuk, I.A., Yanglyaeva, M.M., & Yakova, T.S. (2023). *Tsifrovoe obshchestvovedenie. Media, metamsly, nauka* [Digital social science. Media, metameanings, science]. Moscow: IKAR.
15. Ozhiganov, E.N. (2006). *Strategicheskii analiz politiki. Teoreticheskie osnovaniya i metody* [Strategic Policy Analysis. Theoretical foundations and methods]. Moscow: Aspekt Press.
16. Serderov, R.M. (2015). O vnutrennikh i vneshnikh ugrozakh Rossii na Severnom Kavkaze [Internal and external threats to Russia's national security on the North Caucasus]. *Vlast'*, (6), 202–206.
17. Silantiev, R.A. (Gen. ed.) (2018). *Atlas "Islamskoe soobshchestvo Rossiyskoy Federatsii"* [Atlas "Islamic Community of the Russian Federation"]. Moscow: INKOTEK.
18. Trofino, St. A. (2011). Dagestan: Moscow's Risk Versus Gain. *International Journal of Intelligence and CounterIntelligence*, 24(2), 253–267. <https://doi.org/10.1080/08850607.2011.519249>
19. Yakova, T.S. (2018). Massmedia i konflikty sovremennogo mira [Media and conflicts of the modern world]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal "Mediaskop"*, (4).

<https://doi.org/10.30547/mediascope.4.2018.6> Retrieved January 21, 2024, from <http://www.mediascope.ru/2488>

20. Yakova, T.S., & Yanglyaeva, M.M. (2020). Istoricheskaya pamyat' o Vtoroy mirovoy voyne: sovremennyy mental'nyy landshaft Evropy [Word war II and historical memory: the mental landscape of contemporary Europe]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal "Mediascope"*, (3). <https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2020.9> Retrieved January 21, 2024, from <http://www.mediascope.ru/2652>

21. Yanglyaeva, M.M. (2023). Metasmysl "vlast'" v zerkale politicheskoy mediageografii [Meta-sense of power in the mirror of political media geography]. *Vlast'*, 31(3), 110–116. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9640>

Информация об авторах

Игорь Александрович Николайчук, кандидат технических наук, эксперт в области международной безопасности, Центр специальных медиаметрических исследований (ЦСМИ), г. Москва, Россия. e-mail: ianiko@yandex.ru

Тамара Сергеевна Якова, кандидат филологических наук, доцент, факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5640-267X>, e-mail: t-yakova@mail.ru

Марина Михайловна Янглева, кандидат филологических наук, доцент, факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5689-3854>, e-mail: marinapavlikova@mail.ru

Information about the authors

Igor Aleksandrovich Nikolaychuk, Candidate Sciences (Engineering), Expert in International Security, Center for Special Mediametric Research (CSMR), Moscow, Russia, e-mail: ianiko@yandex.ru

Tamara Sergeevna Yakova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Faculty of Journalism, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5640-267X>, e-mail: t-yakova@mail.ru

Marina Mikhailovna Yanglyaeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Faculty of Journalism, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5689-3854>, e-mail: marinapavlikova@mail.ru

---

УДК 316.454.3

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_4_177

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССОВ И МЕХАНИЗМОВ ЦИФРОВОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ НА ГРАЖДАНСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ПОКОЛЕНИЯ Z (НА ПРИМЕРЕ Г. УФЫ, РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН)

Ирида Ирековна Еникеева,

Уфимский государственный нефтяной
технический университет, Уфа, Россия,
zekrist@mail.ru

Радик Зинатович Юлбаев,

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Россия,
yulbayev@mail.ru

Получена 24.01.2024.

Поступила после рецензирования 06.06.2024.

Принята к публикации 05.11.2024.

Для цитирования: Еникеева И.И., Юлбаев Р.З. Особенности влияния процессов и механизмов цифрового повествования на гражданскую идентичность молодежи поколения Z (на примере г. Уфы, Республика Башкортостан) // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 177–201. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_177

© Еникеева И.И., Юлбаев Р.З., 2024

Аннотация

В статье описываются возможности цифрового повествования в дискурсивном пространстве диспозиции критического мышления в поле гражданской идентичности молодежи с помощью рандомизированного контрольного исследования. Цель исследования – разработка и реализация проекта цифрового повествования, основанного на диалогическо-дискурсивной ориентации критического мышления с учетом этно-региональных особенностей социального развития молодежи для решения задач развития их гражданской идентичности. Республика Башкортостан является одной из самых многонациональных республик, на территории которой сегодня проживает более ста национальностей. Это накладывает свой отпечаток на специфику развития региональной культуры, в том числе электоральной. Особенностью Башкортостана является рост религиозного сектора, распространение новых религиозных движений, трансформация политических взглядов и убеждений, что является предпосылкой идентификации, отождествления граждан с той или иной социальной группой. *Методология исследования:* в рамках социологического эксперимента респонденты, представители поколения Z, проживающие в г. Уфа (Башкортостан), были рандомизированы в интервенционную и контрольную группы, в которых они создавали свои цифровые фотоистории. Межличностные диалогические дискурсы, поддерживаемые цифровыми медиа, открыли новые возможности формирования гражданской идентичности молодежи в дискурсивном пространстве критического мышления с помощью технологии цифрового повествования. *Основные выводы по работе:* исследовано, в какой степени цифровой нарратив может оказывать воздействие на гражданскую идентичность молодежи на примере поколения Z. Цифровое повествование представлено как практическая модель для производства цифровых медиа с целью развития критического мышления в пространстве гражданской идентичности молодежи. По итогам рандомизированного эксперимента среди участников интервенционной группы отмечается снижение их этноцентрических взглядов и повышение гражданской активности, что позволило им свободнее конструировать свою гражданскую идентичность. Участники контрольной группы остались на высоком уровне когнитивной закрытости.

Ключевые слова:

цифровое повествование (нарратив), гражданская идентичность молодежи, цифровые медиа, диалогический дискурс, диспозиция критического мышления, этническая идентичность региона

Источники финансирования:

статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», стратегический проект «Новая среда жизни», проект «Социогуманитарное конструирование будущего: мегаполис для поколения Z (цифровой сервис-технология “Mega-Z”）」 на базе созданной в УГНТУ

цифровой междисциплинарной лаборатории конструирования будущего Digital Future. Регистрационный номер НИОКТР 123050400001-6.

UDC 316.454.3 I.I.

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_4_177

CRITICAL THINKING IN CIVIC ENGAGEMENT OF GENERATION Z: RANDOMIZED CONTROL TRIAL (USING THE EXAMPLE OF THE CITY OF UFA, REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Irida I. Enikeeva,

Institute of Business Ecosystems and Creative Industries
Ufa State Oil Company Technical University,
Ufa, Russia,
zekrist@mail.ru

Radik Z. Yulbaev,

Scientific Research Center for Spiritual Development
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully,
Ufa, Russia,
yulbayev@mail.ru

Received 24.01.2024.

Revised 06.06.2024.

Accepted 05.11.2024.

For citation: Enikeeva, I.I., Yulbaev, R. Z. (2024). Critical Thinking and Civic Engagement Among Generation Z: A Randomized Control Trial in the City of Ufa, Republic of Bashkortostan (Russian Federation). *Discourse-P*, 21(4), 177–201. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_177

Abstract

The article describes the potential digital storytelling within the discursive framework of fostering critical thinking among youth, specifically focusing on civic identity development. The study aims to design and implement a digital storytelling project grounded in a dialogic-discursive approach to critical thinking, considering the ethno-regional charac-

teristics of youth social development to address challenges in shaping their civic identity. The Republic of Bashkortostan, known for its multicultural landscape with over a hundred nationalities, influences the unique development of regional culture, including electoral culture. Notable, the rise of the religious sector and the emergence of new religious movements have transformed political beliefs which affects how citizens identify with various social groups. The study employed a sociological experiment involving Generation Z respondents from the city of Ufa (Republic of Bashkortostan, Russian Federation). Participants were randomly assigned to intervention and control groups, where they created their digital photo stories. The incorporation of interpersonal dialogic discourses, supported by digital media, provided new opportunities for cultivating youth citizenship within the context of critical thinking through digital storytelling technology. The findings of the study explore how digital narratives can influence youth civic identity development among Generation Z. Digital storytelling serves as a practical model for digital production aimed at enhancing critical thinking within the realm of civic identity. Results from the randomized experiment indicated that participants in the intervention group exhibited decreased ethnocentrism and increased civic engagement, allowing for a more fluid construction of their civic identity. In contrast, participants in the control group showed persistent cognitive closure.

Keywords:

digital storytelling (narrative), civic identity of youth, digital media, dialogic discourse, disposition of critical thinking, ethnic identity of the region

---

Введение

Цифровое повествование – это практика повествования, нарратива, реализуемого в цифровом формате, включая изображения, тексты, звуки и другие элементы. *Digital Storytelling* – «естественное развитие традиции устного творчества на новом этапе; можно сказать, что устное творчество плюс технология равняется *Digital Storytelling*»¹.

С. Морра предлагает рассматривать *Digital Storytelling* как искусство рассказывать истории в XXI веке: цифровые технологии дали возможность каждому рассказать свою историю и поделиться ею со всем миром². Под этим углом зрения *Digital Storytelling* трактуется как личный нарратив в цифровом формате, размещенный в интернете³. Сегодня цифровое повествование или цифровой

---

¹ What is Digital Storytelling? *Educational Uses of Digital Storytelling*. Retrieved July 5, 2024, from <http://digitalstorytelling.coe.uh.edu/page.cfm?id=27>

² Morra, S. (2013, May 30). *8 Steps to Great Digital Storytelling*. Retrieved July 5, 2024, from <http://edtechteacher.org/8-steps-to-great-digital-storytelling-from-samantha-on-edudemic/>

³ Barret, H. (2006). *Researching and Evaluating Digital Storytelling as a Deep Learning Tool*. Retrieved July 5, 2024, from <https://www.semanticscholar.org/paper/Researching-and-Evaluating-Digital-Storytelling-as-Barrett/f8dd883b115173ab4acdce123f302ac89bbd900>

нарратив становится все более популярным, в особенности среди молодежи из числа представителей поколения Z, в образовании как комбинированное обучающее средство, которое синтезирует в себе визуальную, образную, музыкальную и словесную составляющие, в социальных услугах и даже в коммерческих секторах, таких как туризм, гостиничный бизнес и др.

Настоящее исследование использует такой подход к пониманию цифрового повествования, в котором *Digital Storytelling* представлено как практическая модель для производства цифровых медиа с целью развития критического мышления в пространстве гражданской идентичности молодежи. В этом отношении, наиболее продуктивным примером подобного исследования явился опыт работы с молодыми людьми из Гонконга (Chan, 2019). Данные практики обычно используют социальную конструктивистскую или нарративную перспективу для понимания себя и социальной реальности, и идентификации себя в них. Сегодня общепринятым является то, что человеческий опыт – это не просто факты, а история, в которых события отбираются и запечатлеваются для определенной аудитории (Маняйкина, Надточева, 2015).

Общая цель эксперимента предполагает вмешательство в естественный ход событий с тем, чтобы сконструировать ситуацию, позволяющую проверить теорию. Часто такая теория затрагивает вопросы причинно-следственных связей между отдельными переменными. Таким образом, одним из наиболее распространенных предполагаемых результатов вмешательства является диспозиционная способность, которую обычно называют критическим мышлением (КТ) – «склонность и навыки реализации умственной деятельности с рефлексивным скептицизмом, сосредоточенным на принятии решения, исходя из разных точек зрения» (Ennis, 1993).

Сформированность критического мышления является ключевым фактором, способствующим развитию различных сильных сторон, таких как, эффективное обучение, что важно для развития гражданской идентичности. Сегодня имеется достаточно широкое многообразие определений критического мышления, но большинство из них включает когнитивный критерий, а также социальное поведение личности в зависимости от состояний ее готовности к определенному способу действий (Якунина, 2019).

Когнитивный критерий включает в себя такие показатели, как уровень аналитического мышления, умения делать выводы, обобщать данные. Социальное поведение личности в зависимости от состояний ее готовности к определенному способу действий характеризуется использованием различных источников информации, гибкости в оценке тех или иных событий, широтой взглядов и беспристрастием. Когнитивное измерение включает в себя такие черты, как аналитические способности, аргументация и умение делать выводы. Диспозиционное измерение включает в себя такие черты, как привычка использовать различные источники информации, рефлексивная открытость и непредубежденность (Bailin et al., 1999; Facione, et al., 2000). Более того, нарративные практики адаптируют существующие методы консультирования, чтобы обеспечить рефлексивный внутриличностный и межличностный диалог

(Нестерова, 2022). Например, техника рефлексивного слушания из нарративной практики (White, 2007) предполагает, что история содержит два основных поля: поле действия и поле идентичности.

Тема исследования – гражданская идентичность. Поле идентичности относится к последовательности конкретных событий в рамках сюжета. Поле идентичности относится к отождествлению главного героя с полем действия. Экспериментаторы могут задавать вопросы о событиях, обстоятельствах, последовательности, времени и сюжетах на основе поля действия; они также могут задавать другие вопросы, чтобы выявить ценности, убеждения, стремления и обязательства на основе поля идентичности.

Отношения между этими двумя полями способны создать рефлексивную диалогическую структуру дискурсивной формы понимания, которая может или укрепить позицию индивида, или, напротив, разрушить ее. Данный факт объясняется тем, что некоторые события, которые потеряли свою значимость при определенных обстоятельствах могут быть снова актуализированы. Кроме того, цифровые медиа предлагают совершенно иные коммуникативные возможности, которые не могут быть использованы во время практики рефлексивного слушания или межличностного диалогического дискурса. Например, участники могут постоянно пересматривать и менять приоритеты своих выражений, использовать Интернет для сбора идей и информации для поддержки производства, обмениваться ресурсами онлайн между другими участниками группы, загружать медиаматериалы для поддержки производства, распространять истории и собирать отзывы через социальные сети (Young, 2019).

В настоящее время гражданская идентичность является весьма актуальным и сложным вопросом. Республика Башкортостан активно участвует в реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»⁴. Перед органами государственной власти Башкортостана стоит основная задача – поддержание баланса между процессами межэтнической интеграции, укрепления общегражданской идентичности и сохранения национально-культурной самобытности народов республики.

Социологический анализ идентичности актуален для диагностики положительных и отрицательных тенденций, профилактики развития межэтнических конфликтов, ксенофобии и экстремизма. Распространенность групповой идентичности среди населения, ее содержание (гражданско-государственное, этническое, религиозное, культурное, национальное), характер (его позитивная или негативная направленность) говорят и о целостности государства с точки зрения восприятия его гражданами страны, и об уровне согласия в обществе (Дробижева, 2013). Отметим, что такие термины, как этническая/культурная/ национальная/гражданская идентичность, используются взаимозаменяемо, а их границы размыты, что не может не отражаться на гражданском сознании молодежи, в особенности, из числа представителей поколения Z.

⁴ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Возникает исследовательский вопрос, может ли гражданская идентичность в настоящее время действительно соответствовать жизненному опыту большинства молодых людей, которые проживают на территории Башкортостана? Как известно, многие молодые люди идентифицируют себя с широким спектром символов культурной и этнической идентичности. По мнению исследователей в силу того, что Республика Башкортостан является одним из самых полиэтничных регионов России, актуализация социальной идентичности происходит в условиях противопоставления «мы» – «они». Именно поэтому в многонациональных регионах этническая идентичность выражена, как правило, сильнее, чем в мононациональных (Шайхисламов и др., 2015).

Призыв к чистой национальной идентичности иногда может быть опасным, поскольку он может легко стать призывом к воображаемому идеализированному эссенциализму. Так, в широком смысле этот термин определяется как не допускающий другие точки зрения, считающий свои собственные взгляды исключительными, не допускающий возможности различий и желающий навязать эту точку зрения другим любыми средствами, которые сочтут необходимыми. В этом смысле, риторика ненависти, моральный фундаментализм, культы, крайний национализм попадают куда-то в этот спектр. В контексте гражданского образования некоторые ученые предполагают, что наиболее эффективно принять более гибридную (смешанную) идентичность. Люди могут исследовать и признавать множественность, заложенную в их собственной идентичности. Например, человек может быть одновременно башкиром/кой, россиянином/кой, мужчиной / женщиной, музыкантом, нефтяником, педагогом и т. д.

На этом фоне представленный здесь проект был призван дать возможность молодым участникам рассказать о собственной гражданской идентичности. Проект был направлен на то, чтобы смягчить диспозиции критического мышления в поле гражданской активности молодежи.

Цифровое повествование – это практика повествования, нарратива, реализуемого в цифровом формате, включая изображения, тексты, звуки и другие элементы. В этом исследовании был специально разработан проект цифрового повествования, основанный на диалогическо-дискурсивной ориентации, и исследовано, в какой степени он может способствовать критическому и рефлексивному мышлению молодых людей в социальном пространстве гражданской идентичности. В данном исследовании рассматривается эффективность использования цифрового повествования для смягчения диспозиции критического мышления в поле гражданской активности молодежи из числа представителей поколения Z с помощью рандомизированного контрольного исследования. Поколение Z – это современное поколение молодых людей, которые родились после 1999 года, обладающее набором специфических социальных характеристик, ориентированные, прежде всего, на цифровые формы социализации и гражданской активности.

В данном исследовании рассматривается эффективность использования цифрового повествования для смягчения диспозиции критического мышления в поле гражданской идентичности молодежи с помощью рандомизированного контрольного исследования.

Процедура экспериментального исследования

Выборка и организация эксперимента

Используя феномен гражданской идентичности в качестве темы исследования, было проведено рандомизированное контрольное исследование в период с июня 2023 г. – по август 2023 г. Вероятностную выборку исследования составили молодые люди, в возрасте от 16 до 24 лет ($N = 142$), проживающие в г. Уфа (Башкортостан), большей частью являющиеся студентами Уфимского государственного нефтяного технического университета и Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Участники были рандомизированы в интервенционную группу, которая подвергалась вмешательствам и контрольную группу, которая не получила вмешательства. Все участники эксперимента делились фотографиями в социальных сетях, общались онлайн и оффлайн с экспериментаторами и создавали свои цифровые фотоистории. Методологическое и структурное наполнение данного исследования стало возможным благодаря имеющемуся международному опыту в работе с молодежью (Chan, 2019; Mennies et al., 2021).

Выборкой эксперимента стали молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет, которые были выбраны из общей обучающейся массы в течении 2 месяцев. Всего было выбрано 142 человека. Участники были приглашены присоединиться к группе в социальных сетях. Поскольку это была закрытая группа, участники должны были быть одобрены координаторами проекта, прежде чем они могли присоединиться к проектной группе. Только текущие участники могли видеть список участников в группе и просматривать, кто в ней публиковался.

В качестве социальной сети был выбран Телеграм-канал. Настройки контроля доступа Телеграм-канала позволили исследователям создать закрытую группу. Темой исследования стала гражданская идентичность молодых людей, проживающих на территории города Уфы.

Изучение фото-нарративов

В проекте был использован жанр фотоистории. Каждый участник делился фотографиями с подписью в течение двух недель в Телеграм-канале (на рисунке 1 приведен пример фото-истории с подписями). Исследователи работали в командах и общались с отдельными участниками, используя методы повторного редактирования разговора, то есть, они целенаправленно давали участникам возможность переключаться от абстрактной концептуализации к конкретным событиям. В конце каждой недели участнику, получившему наибольшее количество реакций в виде лайков и комментариев, была предложена символическая награда.

После четырех недель таких онлайн-взаимодействий участники проводили личную либо коллективную презентацию с одним из фасилитаторов. На этой презентации участник предоставлял все фотографии, размещенные им в Телеграм-канале, затем выбирал пять фотоисторий в соответствии с при-

Рисунок 1 – В Уфе можно найти места с уникальной башкирской кухней (фотоподборка на основании опроса)

Figure 1 – In Ufa you can find places with unique Bashkir cuisine (photo selection based on a survey)

оритетами. Свои решения по выбору и расстановке приоритетов на выбранные фотоистории участник комментировал устно и самостоятельно.

Создание медиаконтента и распространение его среди более широкой аудитории

Цифровые фотоистории могли быть опубликованы в Интернете, в зависимости как от желания участника, так и от качества фотоистории. Всем тем, кто завершил проект, были предложены награды, а те истории, которые получили широкий отклик были отмечены дополнительно – участники получали вознаграждение для дальнейшего совершенствования своих цифровых фотоисторий. Участники знали, что выбранные истории могут быть опубликованы на веб-сайте факультета, и что преподаватели и обучающиеся могут использовать эти истории в обучении и преподавании.

Методы

Рандомизированное контролируемое исследование является одним из самых надежных форм научных доказательств в социальных исследованиях. Тем не менее, обзор литературы по цифровому повествованию не содержит эмпирических доказательств исследований рандомизированного контролируемого исследования. В рандомизированном контролируемом исследовании участники эксперимента случайным образом распределяются либо в группу с исследуемым вмешательством, либо в группу без него. Хотя рандомизированное контролируемое иссле-

дование имеет свои собственные ограничения (например, оно может неадекватно решать проблему неоднородности среди населения), оно позволяет получить эмпирические данные, которые не могут быть легко получены другими проектами.

Схема рабочего процесса рандомизированного контролируемого исследования представлена на рисунке 2.

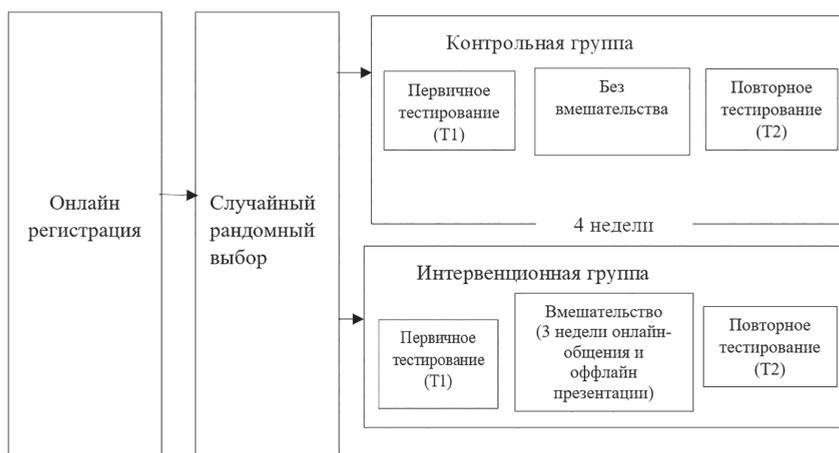

Рисунок 2 – Схема рабочего процесса исследования
Figure 2 – Study Workflow Diagram

Участники рандомизированного контролируемого исследования

Эксперимент был направлен на привлечение 80–150 молодых людей, проживающих на территории Уфы (Башкортостан) на постоянной основе в период с июня 2023 г. – по август 2023 г. через Интернет. Участники должны были дать согласие на участие в экспериментальном исследовании. Они были случайным образом распределены либо в группу вмешательства, либо в контрольную группу. Поскольку зачисление проходило случайно в течение двух месяцев, участники также были рандомизированы на постоянной основе.

Стратифицированная заблокированная рандомизация использовалась и проводилась аспирантом через компьютеризированный процесс. Эта стратегия использовалась для того, чтобы избежать диспропорций в количестве субъектов в гендерном распределении. Каждый раз, когда в исследование добавлялись два или четыре новых участника, проводилась рандомизация. Равное количество участников (то есть, четное количество молодых людей) способно гарантировать, что и в контрольной, и в интервенционной группах будут своевременно выполняться групповые задания сразу после того, как небольшое количество участников будет включено в эксперимент.

Вмешательство

Эксперимент состоял из трех этапов (рисунок 2).

Координация в экспериментальной работе была реализована по следующим направлениям:

а) обучение: аспирант и три студента-помощника работали в качестве фасилитаторов; все прошли обучение методам беседы, основанным на практике рефлексивного диалога;

б) контроль: команда исследователей собиралась еженедельно в ходе экспериментального исследования, чтобы следить за динамикой и проверять, все ли тексты соответствовали протоколам беседы на основе доступных текстовых материалов (например, ответы в группе Телеграм, стенограммы офлайн-презентаций);

с) инструкция: определенный набор навыков ведения дискурса, основанных на повествовательной практике, подчеркивался и использовался на протяжении всего проекта.

Сбор данных

Участники как группы вмешательства, так и контрольной группы участвовали в двух этапах тестирования. На этапе первичного тестирования (T1), который проводился сразу после подтверждения зачисления в экспериментальную группу, участники самостоятельно заполняли онлайн-анкету. На втором этапе тестирования (T2), который проводился через четыре недели после первичного тестирования, участники заполняли ту же онлайн-анкету.

Отдельные данные были собраны во время онлайн-зачисления перед первичным тестированием по следующим показателям: пол, возраст, уровень образования. Также были проведены устные беседы с участниками.

Методики экспериментального исследования

Уровень развития критического мышления измерялся посредством методологии *Evidence-Centered Design*. Она позволяет выстроить цепочку аргументов, обосновывающих вывод об уровне развития критического мышления у респондента, и, тем самым, обеспечить справедливость процесса оценки. Высокие баллы респондентов указывают на высокий уровень развития критического мышления участников эксперимента.

Уровень самооценки измерялся по шкале самооценки Розенберга (Rosenberg, 1965). Шкала самооценки Розенберга – это мера самооценки, широко используемая в социальных исследованиях. В ней используется шкала от 0 до 30 баллов, где балл менее 15 может указывать на проблемную низкую самооценку. Шкала RSES разработана аналогично анкетам социальных исследований. Высокие баллы по шкале самооценки респондентов указывают на высокий уровень развития самооценки участников эксперимента.

Диагностику потребности в когнитивном закрытии мы выявляли с помощью методики *Need for Closure Scale (NFC)* Roets, A. & Van Hiel, A⁵. Уровень когнитивной закрытости представляют: толерантность к неопределенности, ориентация на определенность, стремление к простой когнитивной структуре, догматизм, фундаментализм, ригидность мышления.

Высокий показатель когнитивной закрытости указывал на более сильный уровень когнитивной закрытости у участников эксперимента.

Уровень этнической идентичности измерялся по шкале оценки социальной установки, соответствующую типу шкал Лайкерта и оценивающую установку по отношению к собственной этнической идентичности (Likert, 1932). Участники экспериментальных групп должны были ответить на следующие вопросы-утверждения: «Людей из разных этнических групп можно четко узнать по физическим признакам». Более высокий балл подразумевал высокий уровень этнической идентичности.

Этноцентрические взгляды участников измерялись утверждением: «Большинство других культур отстали по сравнению с моей культурой». Данное утверждение было взято из контекстуальной циклической модели Джеймса У. Нейлипа для изучения коммуникации в рамках культурных, микрокультурных, экологических, социально-реляционных, перцептивных контекстов, а также вербальных и невербальных кодов (Neuliep, 2002). Точно так же более высокий балл подразумевал более высокий уровень этноцентризма.

В-третьих, уровни согласия участников с различными идентичностями измерялись с помощью четырех пунктов вопросов, адаптированных из исследования этнической идентичности молодых людей, проживающих на территории города Уфы (Республика Башкортостан). В этом исследовании измеренными идентичностями являются: этническая, региональная и глобальная гражданская. Более высокие баллы указывали на более высокий уровень согласия.

Результаты ответов по всем шкалам были скорректированы до 10 баллов, где 1 = совершенно не согласен, а 10 = полностью согласен. Они были скорректированы, чтобы соответствовать системе отсчета участников и, следовательно, повысить валидность полученных результатов исследования. Поскольку целевыми участниками были молодые люди, то они были знакомы с системами оценивания по рейтинговой системе, где: 90–100% – отлично, 75–89% – хорошо; 50–74% – удовлетворительно; 49% и ниже – неудовлетворительно. Поэтому предполагалось, что 10-балльная шкала будет больше соответствовать предыдущему опыту обучающихся, чем другие диапазоны числовых шкал. Все шкалы, измеряющие психометрические свойства, показали надежность повторного тестирования от хорошей до отличной

($N = 44$): СТД, $r = 0,84$; НФК, $r = 0,90$; СЭ, $r = 0,92$; $p < 0,01$.

Вопросы, измеряющие взгляды участников на идентичность, также продемонстрировали надежность результатов повторного тестирования: $r > 0,90$; $p < 0,01$.

---

⁵ Модификация Ситяевой С.М., Яремчук С.В. в монографии: Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи. – Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2019. – 166 с. ISBN 978-5-85094-653-1.

Гипотезы рандомизированного контролируемого исследования

Практика цифрового повествования для облегчения диспозиции критического мышления в гражданской идентичности молодежи. Таким образом, были сформулированы три основные гипотезы:

Гипотеза 1 – показатели уровня самооценки увеличатся с T1 до T2;

Гипотеза 2 – показатели склонности к критическому мышлению увеличатся с T1 до T2;

Гипотеза 3 – показатели потребности в когнитивном закрытии снизятся с T1 до T2.

В экспериментальном исследовании, которое представлено в этой статье, использовалась исследовательская тема, касающаяся гражданской идентичности молодых людей, проживающих на территории города Уфы (Башкортостан). Предполагалось, что участники группы вмешательства будут лучше осведомлены о различных культурных ценностях, и ожидалось, что после завершения своих цифровых историй уровень их этноцентризма снизится. На основе этого были сформулированы две направленные гипотезы:

Гипотеза 4 – баллы по пункту, которые отражают степень этнической установки в идентичности («Люди разных этнических групп должны быть четко узнаваемы по физическим признакам»), будут уменьшаться от T1 до T2;

Гипотеза 5 – Баллы по пункту, отражающему этноцентрический взгляд («Большинство других культур отстали по сравнению с моей культурой»), снизятся с T1 до T2.

В этом экспериментальном исследовании предполагалось, что будут зафиксированы изменения (независимо от направления) в уровнях согласия участников вмешательства с различными идентичностями. На основании этого была выдвинута гипотеза:

Гипотеза 6 – Уровни согласия хотя бы с одной из четырех идентичностей (четыре независимых вопроса) изменятся с T1 на T2.

Анализ данных

Для оценки результатов вмешательства были проанализированы результаты группы вмешательства и контрольной группы. Различия в показателях между двумя группами оценивались с помощью критерия хи-квадрата.

Различия в исходных показателях участников между двумя группами оценивались с помощью двухвыборочных t-тестов. Внутригрупповые первичные и вторичные различия в каждой группе оценивали с помощью парных t-тестов. Анализы проводились с использованием MS Excel, а также статистического пакета PSPP для социальных наук.

Результаты

Первоначально в программе зарегистрировалось 142 участника.

После начала программы по объективным причинам (отсутствие интереса и недостаточность времени) выбыли 44 человека (28 из группы вмешательства и 16 из контрольной группы). Существенной разницы между группой участников, которые принимали участие в исследовании, и выбывших из него по полу ($\chi^2 = 0,14$, $p = 0,69$), уровню образования ($\chi^2 = 9,01$, $p = 0,11$) и профессиональной области ($\chi^2 = 10,77$, $p = 0,05$).

Средний возраст группы участников составил 20,04 лет, а средний возраст группы выбывших – 20,6 лет. Это незначительное различие было статистически значимым ($t(119) = -2,06$, $p = 0,03$), но им можно было пренебречь, поскольку они обоснованно представляют молодых людей одного возраста.

В целом эти социально-демографические профили показали, что те, кто выбыл из исследования, были сопоставимы с теми, кто остался в исследовании. Такой высокий уровень отсева обусловлен простотой онлайн-регистрации: участники могли легко зарегистрироваться онлайн без серьезного рассмотрения и позже могли обнаружить, что проект не соответствует их интересам после первых нескольких дней. Метод онлайн-зачисления, который был использован в экспериментальном исследовании, значительно повысил эффективность набора испытуемых. В итоге, 98 участников завершили исследование. Все участники, завершившие исследование, были в возрасте от 16 до 24 лет, 61 женского пола и 37 мужского пола.

Таким образом, не было существенной разницы между интервенционной и контрольной группами по полу, уровню образования, предметной области или возрасту (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Различия в выбранных социально-демографических характеристиках между интервенционной группой ($n_1=41$) и контрольной группой ($n_2=57$)

Table 1 – Differences in Selected Sociodemographic Characteristics Between Intervention Group ($n_1=41$) and Control Group ($n_2=57$)

Социально-демографический профиль		Результаты группывмешательства	Результаты контрольной группы	Результаты
		n (%)	n (%)	
Пол	Женский	27 (65,83)	34 (59,6)	$\chi^2(1) = 0,14$, $p = 0,71$
	Мужской	14 (34,14)	23 (43,35)	
Уровень образования	Степень магистра	17 (41,45)	19 (33,33)	$\chi^2(5) = 2,22$, $p = 0,82$
	Степень бакалавра	5 (12,19)	10 (17,54)	
	Среднее профессиональное	14 (34,14)	15 (23,31)	
	Незаконченное высшее	3 (7,31)	8 (14,03)	
	Средняя школа	1 (2,43)	0 (0)	
	Нет данных	1 (2,43)	5 (8,77)	

Социально-демографический профиль		Результаты группывмешательства	Результаты контрольной группы	Результаты
		n (%)	n (%)	
Предметная область	Туризм и гостиничный и ресторанный сервис	7 (17,07)	9 (26,31)	$\chi^2(5) = 3,37$, $p = 0,64$
	Проектный менеджмент и экономика	9 (21,95)	5 (8,77)	
	Международные отношения	13 (31,70)	18 (31,57)	
	История и право	2 (4,87)	11 (19,28)	
	Обществознание	10 (24,39)	14 (24,56)	
	Нет данных	27 (65,83)	34 (59,6)	
Возраст		20,6 (1,47)	19,78 (1,77)	$t(85) = 1,07$, $p = 0,28$

Также не было существенной разницы в исходных показателях между двумя группами (см. таблицу 2). Однородность обеих групп служит основанием для проведения внутригрупповых и/или межгрупповых сравнений после вмешательства.

Вывод 1. Уровень самооценки в группе вмешательства увеличился (+0,49, $p < 0,01$, $d = 73$), в то время как уровень самооценки контрольной группы не указывал на значительные изменения. Динамика результатов показателей самооценки показала наибольший прирост среди других измеряемых показателей.

Вывод 2. Уровень развития критического мышления в группе вмешательства увеличился (+0,33, $p = 0,02$, $d = 40$), в то время как уровень развития критического мышления контрольной группы не указывал на значительные изменения. Этот вывод свидетельствует о том, что участники группы вмешательства стали лучше осведомлены о различных источниках информации.

Вывод 3. Уровень склонности к когнитивной закрытости в группе вмешательства не снизились, как прогнозировалось, в то время как уровень склонности к когнитивной закрытости контрольной группы значительно увеличился (+0,32, $p = 0,01$, $d = 47$).

Вывод 4. В группе вмешательства показатели, отражающие уровень этнической установки к идентичности, снизились (-0,81, $p = 0,05$, $d = -34$), в то время как показатели контрольной группы остались без изменений.

Вывод 5. В интервенционной группе показатели, отражающие уровень этноцентризма, значительно снизились (-0,76, $p = 0,03$, $d = -37$), в то время как уровень этноцентризма в контрольной группе значительно возросла (+0,55, $p = 0,02$, $d = 33$).

Таблица 2 – Различия в исходных показателях между группой вмешательства (n1 = 36) и контрольной группой (n2 = 57)

Table 2 – Differences in baseline scores between intervention group (n1 = 36) and control group (n2 = 57)

Показатель	Результаты группы вмешательства	Результаты контрольной группы	M-различия	t-независимый	p
	M (SD)	M (SD)			
Склонность к когнитивной закрытости	6,14 (1,05)	6,40 (1,34)	-0,26	-0,97	0,32
Склонность к критическому мышлению	7,26 (1,12)	7,21 (1,04)	0,05	0,18	0,87
Уровень самооценки	5,80 (1,47)	5,48 (1,56)	0,31	0,93	0,36
Этническая установка	4,96 (2,33)	4,72 (2,34)	0,25	0,47	0,62
Этноцентрический взгляд	4,16 (1,83)	3,74 (1,84)	0,42	1,04	0,31
Гражданская идентичность	9,10 (1,13)	9,26 (1,45)	-0,16	-0,57	0,59
Региональная идентичность	5,35 (2,69)	5,93 (2,86)	-0,59	-0,96	0,33
Культурная идентичность	8,80 (1,64)	8,97 (1,41)	-0,17	-0,52	0,59
Этническая идентичность	8,32 (2,06)	8,40 (2,06)	-0,18	-0,18	0,88

Таким образом, участники, которые не участвовали в программе, со временем стали более этноцентричными.

Вывод 6. У участников группы вмешательства наблюдается динамика в степени отождествления с тремя из четырех идентичностей, в то время как у участников контрольной группы показатели остались на прежнем уровне.

В группе вмешательства степень принадлежности участников с общей гражданской идентичности увеличились (+0,64, $p < 0,05$, $d = 0,41$), их уровни согласия с региональной идентичностью снизились (-0,62, $p = 0,02$, $d = -0,43$).

Уровни согласия с тем, что они являются носителями этнической идентичности, также снизились ($-0,63$, $p = 0,05$, $d = -0,34$).

Обсуждение

Полученные результаты подтвердили верность гипотезы рандомизированного контролируемого исследования, что указывает на потенциальную эффективность практики цифрового повествования для облегчения диспозиции критического мышления в гражданской идентичности молодежи. Ниже опишем, каким именно образом цифровое повествование оказало влияние на получение данных результатов.

Как уже было отмечено в начале этой статьи, критическое мышление включает в себя когнитивный критерий, а также социальное поведение личности в зависимости от состояний ее готовности к определенному способу действий. В этом случае, развитие критического мышления может рассматриваться только на когнитивном уровне. Например, некоторые коллективные действия повышают внутригрупповой фаворитизм, что приводит к преимуществам определенных поведенческих черт и к предубеждениям (или даже враждебности) по отношению к идеям, которых придерживаются иные группы. Внутригрупповой фаворитизм часто является предпосылкой возникновения конфликтов, но одновременно выполняет необходимую для группы функцию создания или поддержания позитивной групповой идентичности.

Недавние исследования выявили так называемый «эффект эхо-камеры». Данное явление породила цифровая эпоха и социальные сети, посредством которых люди регулярно делятся своими цифровыми рассказами, фотоисториями и получают информацию. Создание цифровых рассказов о личном опыте, истории своей семьи, о своем родном крае и т. п. представляет собой, по сути, передачу «общечеловеческого» опыта. Данный социальный феномен демонстрирует, какое значение могут иметь голоса отдельных людей для реализации позитивных изменений в обществе (Горохова, 2016).

Рассказы других людей позволяют нам увидеть себя в зеркале, обнаружить, что мы не одиноки, и в то же время узнать больше о тех ситуациях и обстоятельствах, которых мы никогда не переживали сами. Цифровые рассказы в открытом доступе формируют когнитивную закрытость, позволяя сохранять у индивида наиболее устойчивые и неизменные убеждения, не подвергаемые сомнению. Между тем, проект цифрового повествования, основанный на диалогической ориентации, способен оказывать воздействие на гражданскую активность молодежи с позиции формирования конструктивного критического мышления, повышающего уровень толерантности к неопределенности, позволяющей принять и понять отличие и непохожесть чужих субъектов общности, развивать гражданскую идентичность через отождествление себя к общим для социума социальным ценностям и целям.

Контекст диалога, предполагаемая аудитория и открытая культура

Проект цифрового повествования предполагает, что можно использовать цифровые средства связи для установления определенного контекста диалога. В данном эксперименте в качестве контекста выступало интернет-сообщество, организация контроля доступа, через создание закрытой группы в социальных сетях Телеграм-канала, которая поддерживала среду, демонстрирующую различные ценности и идентичность.

Для современного Башкортостана региональная и этническая идентичности являются весомым фактором их самоидентификации. Важность региональной идентичности определяется той эмоционально-ценностной оценкой, которая придается ими своей принадлежности к республике, особенно национально-территориальному статусу региона.

Реализация данного проекта предоставила объективную социальную сеть для совмещения гражданской (государственной) и этнической идентичности. В онлайн-группе поддерживалась атмосфера открытости. Таким образом, участников не призывали занять чью-либо сторону, и большинство отметило, что им понравился весь процесс. Некоторые результаты программы косвенно отражали такую направленность. Например, участники группы вмешательства, как правило, рассматривали различные источники информации (см. Вывод 2) и не были когнитивные закрытыми (см. Вывод 3). Полученные результаты указывают на то, что участники интервенционной группы способны воспринимать различные точки зрения после создания и представления своих цифровых историй. Более того, участники в целом продемонстрировали высокую отдачу от проекта цифрового повествования. Диагностика уровня самооценки показала самую большую динамику в показателях, а это означает, что участники в целом имели очень положительную самооценку по завершении проекта. Это также подразумевало, что участники должны иметь положительный опыт участия в проекте.

Часть участников решили оставить свои цифровые сообщения доступными для группы, а другая часть – решили остаться в качестве участников группы. Эти наблюдения перекликаются с недавними исследованиями, в которых в целом отмечалось, что предполагаемая аудитория может существенно влиять на самовыражение пользователей социальных сетей в Интернете.

В сторителлинге рассказчики создают контекст общения через вопросы и обращения к своим читателям (подписчикам). Поскольку коммуникативный аспект цифрового повествования не может быть нейтральным, то рассказчику необходимо предварительно определить цель и контент.

*Межличностные диалогические дискурсы,
поддерживаемые цифровыми медиа*

Цифровое повествование подразумевает, что можно использовать цифровые средства связи для развития рефлексии посредством цифрового общения. Так, после завершения эксперимента представители поколения Z были более склонны

к размышлениям, поскольку они больше знали о своих сильных сторонах (см. Вывод 1) и больше знали о различных источниках информации (см. Вывод 2).

Поскольку исследование проводилось на территории Башкортостана, особенности данного региона оказывали влияние на формирование общегражданской идентичности в силу уже сложившейся этнической и региональной идентичности, которая транслировалась высоким уровнем когнитивной закрытости группы. Поэтому закономерно, что показатель когнитивной закрытости в контрольной группе значительно увеличился при средней величине эффекта (+0,32, $p = 0,001$, $d = 0,47$), а показатель когнитивной закрытости в группе вмешательства существенно не изменился (см. Вывод 3).

Цифровое повествование было реализовано в социальных сетях: цифровые истории были визуализированы и легко извлекались, что позволяло участникам постоянно пересматривать свои фото, подписи к ним, добавлять новые фотоистории. Такая деятельность способствовала переоценке и уточнению своих первоначальных взглядов. Как отмечалось ранее, основным жанром, применяемым в практике цифрового повествования, было повторное создание фотоисторий, которое позволяло облегчить диспозиции критического мышления в гражданской активности молодежи в соответствии с полем действия и полем идентичности.

В этом исследовании извлекаемые диалоги и фотографии с подписями помогли фасилитаторам (и самим участникам эксперимента) переосмысливать фотоистории и рефлексировать. Кроме того, цифровые истории в социальных сетях были асинхронными. Данный факт позволял фасилитаторам использовать временные промежутки, чтобы задавать больше вопросов для размышлений, и предоставлять участникам больше фактической информации. Были случаи, когда такие беседы помогали участникам лучше узнать о тех примерах, когда культурное слияние и этническое смешение выходили за рамки этнокультурных символов, встроенных в некоторые из их постов.

Например: фотографии памятников Уфы, среди которых памятник Салавату Юлаеву, которые стал не только главной городской достопримечательностью, но и символом всей Башкирии; архитектурно-скульптурный комплекс – памятник Герою России, генерал-майору Минигали Шаймуратову на Советской площади. Или фотография памятника Михаила Нагого как основателя Уфы. Но здесь существует большая проблема. Среди историков нет однозначного мнения, кого можно считать основателем города. Вот цитата из книги «История Уфы» издания 1976 года:

«Начиная с Рычкова, все исследователи считали основателем и первым воеводой Уфы Ивана Нагого. Это утверждение основано на народной легенде. Между тем, в разрядных книгах первым уфимским воеводой указан Михаил Александрович Нагой»⁶.

⁶ Справочная книга г. Уфы с приложением плана / составлена чинами Уфимской городской полиции. – 3-е изд. – Уфа : Электр. тип. Уф. Гор. Пол., [1913]. – VIII, 259.

К примеру, фотография-коллаж показала продукты разных культур, которые можно найти в Башкортостане, который позиционируется как дом, объединяющий разные культуры. Эти асинхронные временные промежутки позволили фасилитаторам тонко раскрыть историю гибридности города и формировать представления об общегражданской идентичности, независимо от того, является ли эта идентичность этнической или региональной. Эти наблюдения перекликаются с недавними исследованиями, предполагающими, что общение в социальных сетях может быть целенаправленно использовано для достижения определенных эффектов, таких как предоставление пользователям возможности быть более активными и формировать собственное мнение о событиях и явлениях.

Ограничения рандомизированного контрольного исследования

Во-первых, в эксперименте размер выборки был небольшим, а коэффициент отсева был высоким, что повлияло на силу статистического анализа. Во-вторых, необходимы дополнительные гипотезы и оценки для изучения того, в какой степени результаты проведенного воздействия являются значимыми. В-третьих, эксперимент был ограничен выбранной темой исследования – «гражданская идентичность». Поэтому необходимы дополнительная практика и исследования, чтобы увидеть, как можно эффективно применять цифровое повествование к другим темам гражданского образования. Также не было рассмотрено воздействие на макроуровне (например, как медиатексты влияют на аудиторию поколения Z).

Заключение

Как отмечалось в начале этой статьи, исследований, сообщающих об эмпирических результатах использования цифрового повествования, немного.

Это исследование предлагает некоторые начальные эмпирические данные и доказательства, раскрывающие потенциальную эффективность цифрового повествования в гражданской идентичности молодежи. Это особенно ярко проявляется в самой диалоговой основе цифрового повествования, которое использует нормативные практики и цифровые медиа для облегчения рефлексивных диалогов.

Как уже было отмечено, цифровое повествование способно:

- 1) обеспечивать диалог с предполагаемой аудиторией;
- 2) поддерживать определенные контексты межличностных диалогов;
- 3) формировать личностную рефлексивность.

Такой подход расширил сферу нарративной практики и дал дальнейшее развитие применению цифрового повествования. Кроме того, это исследование предлагает некоторые первоначальные данные, показывающие, что

цифровое повествование можно использовать для облегчения диспозиции критического мышления в гражданской идентичности молодежи. Это подразумевает возможность использования так называемых «мягких навыков» для преподавания достаточно сложных или трудных тем.

Проблема гражданской идентичности современной молодежи сегодня является актуальной. Именно поэтому наш проект функционировал на социальном фоне Башкортостана, насыщенном политическими, религиозными и национальными взглядами, которые могли фокусировать те или иные взгляды молодых граждан. Тем не менее, исследование прошло успешно, что продемонстрировало полученные результаты интервенционной группы, которые смогли повысить уровень самооценки, склонность к критическому мышлению и снизить когнитивную закрытость, что позволило участникам, представителям поколения Z, свободнее конструировать свою гражданскую идентичность. У участников интервенционной группы вырос уровень склонности к критическому мышлению, уровень личной идентификации, и межличностных взаимоотношений с различными культурными идентичностями. Среди участников интервенционной группы отмечается снижение их этноцентрических взглядов и повышение гражданской идентичности. Участники контрольной группы продемонстрировали высокий уровень когнитивной закрытости, их результаты не подверглись изменениям.

Хотя этот проект является лишь конкретной и упрощенной версией практики цифрового повествования в конкретном социокультурном контексте, он имеет теоретическую и методологическую значимость. В дальнейшей перспективе – применение критического дискурс-анализа к исследованию кейсов, с использованием методологии Ю. Хабермаса, представленной в работе А. Н. Линде (Линде, 2019), который будет реализован в аспекте молодежной гражданской идентичности.

Результаты настоящего исследования утверждают, что цифровое повествование представляет собой подход к вмешательству, который использует возможности цифровых медиа для совершенствования способности воспринимать новые разнообразные сведения, а также умений интегрировать противоположные точки зрения и находить компромиссы, оно адаптирует методы консультирования и помогает развивать критическое мышление участников в социальном пространстве гражданской идентичности. Как показывает анализ литературы по теме исследования, сегодня малочисленны исследования об эмпирических результатах использования практики цифрового повествования, которые бы целенаправленно изучали эффективность цифрового повествования в формировании гражданской идентичности молодежи.

Подводя итоги, отметим, что идея использования цифрового повествования в качестве подхода к развитию гражданской идентичности молодежи не нова. Однако она все еще находится в зачаточном состоянии, отчасти из-за отсутствия экспериментальных исследований в этой области. Таким образом, данное исследование является новым шагом в восполнении этого научного пробела.

Список литературы

1. Горохова, Л.А. (2016). Технология digital storytelling (цифровое повествование): социальный и образовательный потенциал. *Современные образовательные технологии и IT-образование*, (3), 40–49.
2. Дробижина, Л.М. (2013). *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет*. Москва: Новый хронограф.
3. Линде, А.Н. (2019). Обоснование нового подхода к критическому дискурс-анализу: кейс публичных слушаний в РФ. *Дискурс-Пи*, (3), 63–77. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10305>
4. Маняйкина, Н.В., Надточева, Е.С. (2015). Цифровое повествование: от теории к практике. *Педагогическое образование в России*, (10), 60–64.
5. Нестерова, И.А. (2022). Нарративная практика: история сопротивления эмоциональным качелям. *Психология и психотерапия семьи*, (1), 5–20. <https://doi.org/10.24412/2587-6783-2022-1-5-21>
6. Ситяева, С.М., Яремчук, С.В. (2019). *Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи*. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Амур. гуманитар.-пед. гос. ун-та.
7. Шайхисламов, Р.Б., Садретдинова, Э.В., Коровкина, Н.В. (2015). *Этническая и гражданская идентификация в коммуникативном пространстве полиэтничного региона*. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та.
8. Якунина, Н.А. (2019). Критическое мышление: аналитическое осмысление понятия. *Гаудеамус*, 18(4), 21–26. [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-4\(42\)-21-26](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-4(42)-21-26)
9. Bailin, S., Case, R., Coombs, J.R., & Daniels, L.B. (1999). *Conceptualizing critical thinking*. *Journal of Curriculum Studies*, 31(3), 285–302. <https://doi.org/10.1080/002202799183133>
10. Chan, Ch. (2019). Using digital storytelling to facilitate critical thinking disposition in youth civic engagement: A randomized control trial. *Children and Youth Services Review*, (107), 285–302. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104522>
11. Ennis, R.H. (1993). Critical Thinking Assessment. *Theory into Practice*, 32(3), 179–186. <https://doi.org/10.1080/00405849309543594>
12. Facione, P.A., Facione, N.C., & Giancarlo-Gittens, C.A. (2000). The disposition toward critical thinking: Its character, measurement, and relationship to critical thinking skill. *Informal logic*, 20(1), pp. 61–84. <https://doi.org/10.22329/il.v20i1.2254>
13. Likert, R. (1932). *A technique for the measurement of attitudes*. New York.
14. Mennies, R.J., Stewart, L.C., & Olino, T.M. (2021). The relationship between executive functioning and repetitive negative thinking in youth: A systematic review of the literature. *Clinical Psychology Review*, 88. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2021.102050>

15. Neuliep, J.W. (2002). Assessing the reliability and validity of the generalized ethnocentrism scale. *Journal of Intercultural Communication Research, 31*(4), 201–215.
16. Rosenberg, M. (1965). *Society and the adolescent self-image*. Princeton: Princeton Univ. Press.
17. White, M. (2007). *Maps of narrative practice*. New York: WW Norton & Co.
18. Young, K. (2019). Reflections on narrative, neuroscience and social engagement. *International Journal of Narrative Therapy and Community Work, 3*(3), 54–57.

References

1. Bailin, S., Case, R., Coombs, J.R., & Daniels, L.B. (1999). Conceptualizing critical thinking. *Journal of Curriculum Studies, 31*(3), 285–302. <https://doi.org/10.1080/002202799183133>
2. Chan, Ch. (2019). Using digital storytelling to facilitate critical thinking disposition in youth civic engagement: A randomized control trial. *Children and Youth Services Review, 107*, 285–302. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104522>
3. Drobizheva, L.M. (2013). *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiyskoy Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Experience 20 years]. Moscow: Novyy khronograf.
4. Ennis, R.H. (1993). Critical Thinking Assessment. *Theory into Practice, 32*(3), 179–186. <https://doi.org/10.1080/00405849309543594>
5. Facione, P.A., Facione, N.C., & Giancarlo-Gittens, C.A. (2000). The disposition toward critical thinking: Its character, measurement, and relationship to critical thinking skill. *Informal logic, 20*(1), pp. 61–84. <https://doi.org/10.22329/il.v20i1.2254>
6. Gorokhova, L.A. (2016). Tekhnologiya digital storytelling (tsifrovoe povestvovanie): sotsial'nyy i obrazovatel'nyy potentsial [Social and educational potential of digital storytelling]. *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii i IT-obrazovanie, 3*(3), 40–49.
7. Likert, R. (1932). *A technique for the measurement of attitudes*. New York.
8. Linde, A.N. (2019). Obosnovanie novogo podkhoda k kriticheskomu diskursu-analizu: keys publichnykh slushaniy v RF [Justification of a new approach to critical discourse analysis: the case of public hearings in Russia]. *Diskurs-Pi, 3*(3), 63–77. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10305>
9. Manyaykina, N.V., & Nadtocheva, E.S. (2015). Tsifrovoe povestvovanie: ot teorii k praktike [Digital storytelling: from theory to practice]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, 10*(10), 60–64.
10. Mennies, R.J., Stewart, L.C., & Olino, T.M. (2021). The relationship

between executive functioning and repetitive negative thinking in youth: A systematic review of the literature. *Clinical Psychology Review*, 88. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2021.102050>

11. Nesterova, I.A. (2022). Narrativnaya praktika: istoriya soprotivleniya emotsional'nym kachelyam [Narrative practice: a history of resistance to emotional swing]. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i*, (1), 5–20. <https://doi.org/10.24412/2587-6783-2022-1-5-21>

12. Neuliep, J.W. (2002). Assessing the reliability and validity of the generalized ethnocentrism scale. *Journal of Intercultural Communication Research*, 31(4), 201–215.

13. Rosenberg, M. (1965). *Society and the adolescent self-image*. Princeton: Princeton Univ. Press.

14. Shaykhislamov, R.B., Sadretdinova, E.V., & Korovkina, N.V. (2015). *Etnicheskaya i grazhdanskaya identifikatsiya v kommunikativnom prostranstve polietnicheskogo regiona* [Ethnic and civil identification in the communicative space of a polyethnic region]. Ufa: Izd-vo Bashkir . gos. un-ta.

15. Sityaeva, S.M., & Yaremchuk, S.V. (2019). *Sub'ektivnye i ob'ektivnye prediktory ekstremistskikh ustanovok molodezhi* [Subjective and objective predictors of youth extremist attitudes]. Komsomolsk-on-Amur: Izd-vo Amur. gumanit.-ped. gos. un-ta.

16. White, M. (2007). *Maps of narrative practice*. New York: WW Norton & Co.

17. Yakunina, N.A. (2019). Kriticheskoe myshlenie: analiticheskoe osmyslenie ponyatiya [Critical thinking: analytical understanding of concept]. *Gaudeamus*, 18(4), 21–26. [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-4\(42\)-21-26](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-4(42)-21-26)

18. Young, K. (2019). Reflections on narrative, neuroscience and social engagement. *International Journal of Narrative Therapy and Community Work*, (3), 54–57.

Информация об авторах

Ирида Ирековна Еникеева, доктор философских наук, профессор кафедры Международных отношений, истории, востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2116-1375>, e-mail: zekrist@mail.ru

Радик Зинатович Юлбаев, директор НИЦ духовного развития, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия, e-mail: yulbayev@mail.ru

Information about the authors

Irida I. Enikeeva, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technological University (USPTU), Ufa, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2116-1375>, e-mail: zekrist@mail.ru

Radik Z. Yulbaev, Director of the Research Center for Spiritual Development, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia, e-mail: yulbayev@mail.ru

---

МОДЕЛЬ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И АСПЕКТЫ МЕДИАТИЗАЦИИ

Рецензия на книгу: Медиатизированная модель советского общества в журналах «Пионер» и «Костер» (1970–1980-е гг.): монография / Т.В. Дубровская, О.А. Мусорина, Я.А. Блохина, Н.Ю. Видинеева; под общ. ред. Т.В. Дубровской. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. – 400 с.

Екатерина Григорьевна Грибовод,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
gribovod_kate@mail.ru

Получена 04.10.2024.

Поступила после рецензирования 06.11.2024.

Принята к публикации 27.11.2024.

Для цитирования: Грибовод Е.Г. Модель советского общества: контуры исследования и аспекты медиатизации // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 202–213. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_202

Аннотация

В настоящее время значительно возросла необходимость в комплексном переосмыслении наследия СССР, места и роли советских практик и системы ценностей в структуре официальной исторической политики. Настоящая статья посвящена аналитическому обзору коллективной монографии «Медиатизированная модель советского общества в журналах «Пионер» и «Костер» (1970–1980-е гг.)», подготовленной под руководством доктора филологических наук, профессора Т.В. Дубровской.

© Грибовод Е.Г., 2024

В рецензируемой монографии авторы раскрыли многогранность модели советского общества и проанализировали социокультурную специфику и политико-правовые аспекты медиaprостранства в СССР. На примере журналов «Пионер» и «Костер» исследователи выявили и рассмотрели особенности медиатизации внутренней и внешней политики страны в позднесоветский период, а также определили лингвистические инструменты, аксиологические основания и нравственные установки, посредством которых конструируется и репрезентуется модель советского общества в детской прессе. Отдельно освещены дискурсивные тактики и языковые средства, с помощью которых актуализировалась и транслировалась официальная политика памяти о Великой Отечественной войне на страницах детских периодических изданий. В ходе анализа содержания монографии было установлено, что журналы «Пионер» и «Костер» могут рассматриваться в качестве мнемонических акторов, которые формировали и реализовывали официальный дискурс политики памяти о Великой Отечественной войне, адаптированный для подрастающей аудитории. Можно сделать вывод, что отечественная детская пресса не только выполняла функции информационного и образовательного ресурса, но и способствовала конструированию концептуального поля советской идентичности, а также укреплению исторического и культурного суверенитета СССР.

Ключевые слова:

медиатизация, медиалингвистика, дискурсивная модель, советское общество, журнал «Пионер», журнал «Костер», политика памяти, ценности

UDC 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_4_202

OUTLINING A MODEL OF SOVIET SOCIETY: MEDIATIZATION ASPECTS

Book review: *Mediatized Model of Soviet society in the Magazines Pioneer and Koster (1970–1980s): a monograph* / T. V. Dubrovskaya, O. A. Musorina, Ja. A. Blohina, N. Yu. Vidineeva; ed. by T. V. Dubrovskaya. Penza: PSU Publishing House, 2023. 400 p.

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
gribovod_kate@mail.ru

Received 04.10.2024.

Revised 06.11.2024.
Accepted 27.11.2024.

For citation: Gribovod, E.G. (2024). Outlining a Model of Soviet Society: Mediatization Aspects. *Discourse-P*, 21(4), 202–213. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_202

Abstract

In recent years we have been experiencing a pressing need for a comprehensive reevaluation of the USSR legacy and a reassessment of the role that Soviet practices and value systems play in the realm of official historical policy. The article has been designed to present an analytical review of the collective monograph titled “Mediatized Model of Soviet Society in the Magazines ‘Pioneer’ and ‘Koster’ (1970–1980s)”, prepared under the guidance of Tatyana V. Dubrovskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor. The authors of this monograph explore the multifaceted nature of the Soviet society model, focusing on the socio-cultural specifics, as well as political and legal aspects of the media landscape in the USSR. By examining the magazines *Pioneer* and *Kostyor*, the researchers identify and analyze the features of mediatization in both internal and foreign policy during the late Soviet period. They also define the discursive strategies, linguistic tools, axiological foundations and moral guidelines used to construct and represent the model of Soviet society within the context of children’s media. Particular attention is given to the discursive tactics and linguistic means employed to actualize and disseminate the official policy regarding the memory of the Great Patriotic War within these children’s periodicals. The analysis reveals that *Pioneer* and *Koster* can be regarded as mnemonic actors that shaped and implemented the official discourse surrounding the memory of the Great Patriotic War, specifically adapted for a young audience. In conclusion, the Soviet children’s press of that time served not only as an informational and educational resource, but also contributed to formulating the conceptual field of Soviet identity, as well strengthening the historical and cultural sovereignty of the USSR.

Keywords:

mediatization, media linguistics, discursive model, Soviet society, children magazines, *Pioneer*, *Koster*, politics of memory, values

Введение

Осмысление советского прошлого, разных его аспектов, политических и социальных практик, форм и дискурсов остается востребованным в научных и общественных кругах. Прошедшие круглые даты, связанные с советской эпохой (в 2021 году – 30-летие распада СССР, в 2022 году – 100-летие образования

СССР и др.), усилили интерес к проблематике феноменов «советскость» (Орлов, 2022) и «советское» (Скоробогатая, Скоробогатский, 2020). Согласно данным ВЦИОМ, в 2022 г. 51 % респондентов (каждый второй россиянин) отметили, что в СССР было больше хорошего, чем плохого. Кроме того, 58 % граждан выразили сожаление о распаде СССР¹. Поэтому поиск стратегий понимания советского прошлого, анализ дискурсивных практик и аксиологических констант необходим при изучении советского образа жизни и общества, когда, как сказал П. Рикер, «история событий сменила историю интерпретаций» (цит. по: Зарецкий, 2011, с. 87).

В фокус внимания ученых часто попадают разные исторические события и феномены, которые исследуются на материалах кинематографа и периодики советской эпохи. На основе художественного кино определяются методологические аспекты репрезентации советской повседневности и городского образа жизни (подробнее см.: Кочухова, 2022). Особое место занимает жанр советского «школьного кино» (Михайлин, Беляева, 2020). Октябрьская революция рассматривается на материалах журналов «Огонек» (Сабурова, 2018), «Мурзилка» и «Смена» (Головашина, 2015). Анализируются визуальные образы «советскости», представленные в журнале «Мурзилка» (Рыжкова, 2018), а также образы Великой Отечественной войны и Победы, созданные на страницах советских газет «Правда», «Уральский рабочий», «Советская Сибирь», «Магнитогорский металл» (Клинова, Трофимов, 2021). Комплексный анализ модели советского общества на материалах периодической печати позднесоветского периода провел коллектив исследователей Пензенского государственного университета (О. А. Мусорина, Я. А. Блохина, Н. Ю. Видинеева) под руководством доктора филологических наук, профессора Т. В. Дубровской.

В монографии «Медиатизированная модель советского общества в журналах “Пионер” и “Костер” (1970–1980-е гг.)» научный коллектив поставил следующую ключевую задачу – «выявление принципов моделирования советского общества в детской прессе» (Дубровская и др., 2023, с. 61). Отличительной особенностью рецензируемой монографии, с одной стороны, становится конструирование дискурсивной модели советского общества, а, с другой – рассмотрение детской периодики советского времени не только как образовательного и воспитательного ресурса для подрастающего поколения советских граждан, но и как инструмента формирования государственной идентичности. Несмотря на то, что исследовательский интерес авторов монографии ограничился только советским периодом издания данных журналов, стоит отметить, что «Костер» до сих пор остается всероссийским детским ежемесячным журналом. Подробнее остановимся на ключевых теоретико-методологических принципах и практических аспектах исследования, а также на инструментарии медиатизации модели советского общества, представленном в рецензируемой монографии.

¹ ВЦИОМ. (2022, 30 декабря). *100 лет СССР: забыть нельзя вернуться?* Взято 26 августа 2024, с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>

Результаты исследования

Согласно современным исследованиям (подробнее см.: Мазур, 2019; Мацкевич, 2023) у россиян фиксируется повышенный интерес к позднесоветскому периоду. Связано это с рядом факторов. Во-первых, с ностальгией. В частности, у поколения, чье детство и молодость прошли в «период застоя» в значительной мере отмечается ностальгия по брежневскому периоду как «золотому веку» советской эпохи. Во-вторых, это связано с идеализацией и мифологизацией 1970–1980-х годов в СССР с помощью инструментов и акторов политики памяти, особенно в медиапространстве (Мазур, 2019; Мацкевич, 2023). В-третьих, как отмечает М.Г. Мацкевич, в связи с «противопоставлением брежневского периода трансформациям 1990-х годов, которые оцениваются преимущественно негативно как теми, кто ощутил на себе тяготы того времени, так и более младшими поколениями» (Мацкевич, 2023, с. 115–116). Обращение к последним двум десятилетиям перед распадом СССР, то есть к этапу «развитого социализма», в монографии обосновывается необходимостью проведения исследования в «едином историко-идеологическом контексте», объединяющем указанный период (Дубровская и др., 2023, с. 6).

В первой главе «Социополитический контекст 1970–1980-х гг. и детская пресса» авторы с помощью теоретического анализа внутренней и внешней государственной политики СССР выделили основные особенности регулирования советского общества в указанный период. При этом акцент сделан на ключевых идеологических принципах и дискурсивных практиках, заложенных в правовом политическом поле (Конституции СССР, Программе КПСС и др.) и транслируемых через официальный партийный нарратив. Однако, как отмечают исследователи, «содержательное ядро детских журналов все-таки было образовано не идеологическими материалами, а жанрами и форматами, которые были бы интересны читательской аудитории, в то время как материалы идеологического характера образовывали своего рода мета-рамку для основного контента» (Дубровская и др., 2023, с. 36). Кроме того, в первой главе подробно проведен обзор научных работ и академических исследований, посвященных проблематике советской системы, в первую очередь молодежной политики в сфере образования и воспитания, а также медийным и социальным практикам трансляции ценностных констант и образов культуры в СССР на примере детской периодики. Согласимся с авторами монографии, что «советская печать играла существенную роль в реализации культурной политики советского общества» (Дубровская и др., 2023, с. 34). Особый интерес вызывает периодизация отечественной детской прессы тесно взаимосвязанная с историческими и политическими реперными точками. Таким образом, определение значимых практик и аспектов советской социальной, культурной, спортивной и экономической реальности, особенностей системы образования и специфики детской публицистики в исследуемый период позволило авторам монографии четче определить социополитические рамки и концептосферу, в данном случае «язык эпохи», регламентирующий медиапространство СССР, в частности, детской журналистики.

При анализе медиатизированной модели советского общества необходимо определиться с номинативным полем концепта «медиатизация». Как отмечают Н. И. Клушина, Д. О. Байгожина и С. Ш. Тахан, не стоит «унифицировать и единообразно толковать» феномен медиатизация и смежные понятия. При осмыслении данной категории целесообразно учитывать предметную область ее применения и содержательно ее раскрывать в соответствии с научным профилем (Клушина и др., 2019, с. 58). В рамках концепции медиастилистики медиатизация определяется, с одной стороны, как «социальный процесс, связанный с экстралингвистическими особенностями медиакommunikации, когда практически все сферы социальной жизни представлены в том или ином виде в пространстве медиа через сайты, СМИ и соцсети». С другой стороны – «как стилистический вектор современного развития языка и культуры в медиа» (Клушина и др., 2019, с. 61).

Проблематика медиатизации советского прошлого может рассматриваться как в контексте политических решений и практик на примере государственной политики памяти и символической политики в СССР, так и в практической плоскости – с позиции коммуникативных стратегий, лингвистических средств и стилистических приемов, конструирующих советскую эпоху в медиапространстве. В монографии дискурсивная модель советского общества определяется как «набор принципиальных содержательных характеристик объекта действительности (общества), транслируемых в медиа посредством совокупности типичных прагмалингвистических, языковых и мультимодальных ресурсов (жанров, тем, стратегий, лексических и грамматических средств, иллюстраций)» (Дубровская и др., 2023, с. 7). В соответствии с логикой разработанного авторского определения «дискурсивной модели советского общества» выстроены оставшиеся две главы рецензируемой монографии.

В советское время детская периодика выступала в качестве одного из медиаторов во взаимодействии социума и государственных институтов. Как справедливо отмечено в монографии, «одной из реалий советского образа жизни были тотальная грамотность населения и вовлеченность в процесс чтения» (Дубровская и др., 2023, с. 33). Определению компонентов и принципов организации детского журнала как инструмента репрезентации и контекстуализации модели советского общества в позднесоветский период, а также выявлению общегосударственного ценностного контекста, формируемого печатными органами ЦК ВЛКСМ, посвящена вторая глава «Структурно-содержательная и тематико-ценностная организация советских детских журналов “Пионер” и “Костер”». С позиции аксиологической лингвистики исследователи проанализировали тематическое содержание данных журналов, сгруппировали его по темам и подтемам, а также выявили репрезентуемые ключевые ценностные установки. Всего было выявлено и проанализировано десять взаимосвязанных тематических блоков, характеризующих модель советского общества. К ним относятся: «история, образование и воспитание, труд, наука, межличностные отношения, физическая культура и спорт, культура, природа, международные отношения, межэтнические отношения»

(Дубровская и др., 2023, с. 370). По мнению авторов монографии, на страницах детских журналов транслировалась идеальная картина мира, которая не всегда соответствовала реальности, но при этом «репрезентации ценностей в детской периодике представляли отражение продвигаемых во взрослом мире ценностей и социальных практик» (Дубровская и др., 2023, с. 115) в соответствии с государственной политикой СССР.

В рамках исследования взаимодействия «государство – детские СМИ – детская аудитория» сделан акцент на диалогические коммуникативные формы, поскольку именно они эксплицировали передачу государственных установок и ценностей подрастающему поколению (Дубровская и др., 2023, с. 134). В монографии данная текстовая категория анализируется в трех измерениях: выбранного жанра (беседа, интервью и др.), языковых и мультимодальных средств и в аспекте интертекстуальности. Исследователи резюмируют, что на страницах детской периодики принцип диалогичности реализуется, с одной стороны, как диалог формальный, «обусловленный самой риторикой советской политической системы» между институциональными акторами, а с другой – как межличностный диалог, транслирующий детской аудитории значимые жизненные ценности (Дубровская и др., 2023, с. 134–151).

Стоит отметить, что в рецензируемой монографии при рассмотрении массовой печати и детской периодики в СССР затрагивается аспект «идеологизации советской прессы и ее пропагандистского характера» (Дубровская и др., 2023, с. 37). Поэтому особый интерес вызывает раздел, посвященный анализу ключевых идеологем, представленных на страницах журналов «Пионер» и «Костер» (подробнее см.: Дубровская и др., 2023, с. 151–174). Обобщая, авторы монографии отмечают, что как «взрослые» (Ленин, коммунист, комсомолец), так и «детские» идеологемы (пионер, Артек) конструируют единое социально-идеологическое пространство в детской прессе в соответствии с вектором государственной политики СССР, направленным на построение коммунистического общества.

При помощи анализа языковых и коммуникативных средств в третьей главе «Грани советского общества в детской периодике» авторы очертили контуры «семиотического пространства советского общественно-политического дискурса» (Дубровская и др., 2023, с. 179) и ключевые аспекты репрезентаций СССР, транслируемые в журналах «Пионер» и «Костер». В данном разделе теоретически обобщается место и роль антропонимов как инструментов репрезентации социально значимых акторов советского общества (Дубровская и др., 2023, с. 175–206), топонимов как средств конструирования пространственного, темпорального (общности истории СССР), ценностного единства страны, актуализируется география страны и достижения советского народа (Дубровская и др., 2023, с. 207–236) в детской журналистике. Отдельно на материалах детских СМИ проанализированы репрезентации советского человека в контексте его трудовой деятельности, а также определены особенности медиатизации труда как социальной практики и ценности. Кроме того, многогранно освещена тематика науки и экспертного знания, исследована

дискурсивная модель женщины в советских детских печатных СМИ, рассмотрена специфика медиатизации взаимоотношений СССР и зарубежных стран. Как отмечают исследователи, за массмедиа «закреплена роль ретранслятора внешнеполитических событий, а также в СМИ конструируются репрезентации международных отношений» (Дубровская и др., 2023, с. 339).

Важный момент, на котором хотелось бы остановиться, связан с тем, что исследователи рассмотрели дискурс официальной политики памяти о Великой Отечественной войне, транслируемый в советской детской периодике с 1970 по 1989 годы, с позиции лингвистического анализа. Стоит обозначить, что в процессе медиатизации память становится «вневременной», так как сохраняется сразу в нескольких темпоральных состояниях: «время появления, медиатизация и воспроизводство» (Грибовод, 2018, с. 45). Авторы монографии определяют основные дискурсивные тактики (апелляция к чувствам, ретрансляция военно-исторических событий, апелляция к долгу и др.) и языковые средства (антропонимы, лексемы и др.) для репрезентации образа Великой Отечественной войны в журналах «Пионер» и «Костер». Они выделяют исторический нарратив, в рамках которого рассматривают «тематические блоки, конструирующие события Великой Отечественной войны: начало войны, вера в победу, трагические события и тяготы войны, важные сражения, образы героев», а также коммеморативный нарратив, связанный с мемориальной деятельностью пионерских организаций и коммеморативными практиками (например, увековечивание Дня Победы) (Дубровская и др., 2023, с. 264–281). В работе неоднократно в разных тематических разделах затрагивались практики коммеморации, характерные для советской эпохи, например, коммеморативное наименование и переименование (Дубровская и др., 2023, с. 177). Обращение к советской периодике с целью определения характерных черт советского общества и анализа официального дискурса о советском прошлом связано с тем, что СМИ в СССР оперативно реагировали на изменение вектора государственной политики памяти. Кроме того, в связи с институциональным контролем за содержанием советской печати со стороны органов власти, «в текстах журнальных статей представлена не столько точка зрения авторов, сколько официальный исторический нарратив» (Головашина, 2015, с. 15).

Таким образом, в контексте исследований памяти и исторической политики советские детские СМИ можно рассматривать в качестве институциональных мемориальных акторов, поскольку журналы «Пионер» и «Костер» «задействовали дискурсивные ресурсы, которые позволяют не только представить строгую фактическую информацию, но и донести оценочные смыслы, определяемые как официальной политикой памяти, так и спецификой журналов, ориентированных на детскую аудиторию» (Дубровская и др., 2023, с. 279). Подчеркнем, что сохранение памяти о Великой Отечественной войне и коммеморация советского пантеона героев были важными инструментами в функционировании и поддержании исторического и культурного суверенитета советской системы в целом и символической политики в частности, а также значимыми аспектами модели советского общества.

Заключение

Проведенное коллективом ученых под руководством доктора филологических наук Т.В. Дубровской исследование выполнено в рамках единой концепции. В рецензируемой работе авторы рассмотрели специфику семиотического пространства советского общества, сконструированного на страницах журналов «Пионер» и «Костер». Она заключается в том, что медиатизировались разные советские практики (пионерия, комсомол), акторы и ресурсы официальной политики памяти (общая память о победе в Великой Отечественной войне, пантеон советских героев и др.), аспекты внутренней политики и принципы международного сотрудничества и др.

На страницах детских журналов была воссоздана модель «советского общества в миниатюре» с помощью определенного набора прагмалингвистических, языковых и мультимодальных средств и стилистических приемов в соответствии с государственной политикой, проводимой СССР. Детская периодика не только выполняла функции информационного и образовательного инструмента, но и способствовала укреплению исторического и культурного суверенитета страны, а также формированию концептуального поля советской идентичности, адаптированного для подрастающего поколения советских граждан.

Одним из главных достоинств работы стал обширный методологический аппарат. Анализ модели советского общества проведен исследователями как с позиции аксиологической лингвистики, так и с применением базовых методологических подходов – категориального метода, дискурс-анализа, а также частного правового метода (например, метод юридического толкования) и других методов. В работе проанализирован значительный объем нормативно-правовых актов (Конституция СССР, Устав и Программа КПСС, материалы партийных съездов, а также советские правовые документы, регламентирующие деятельность молодежных и детских организаций и др.), которые регулировали основные институты и механизмы советского общества. В тоже время в монографии недостаточно подробно рассмотрен понятийный аппарат, формирующий теоретическую рамку исследования. В частности, зонтичное понятие «медиатизированная модель советского общества» в работе раскрыто только через оптику дискурсивной модели.

В России 2024 год был официально объявлен Годом семьи². В связи с этим полученные на основе анализа советской детской периодической печати выводы и результаты в рецензируемой монографии приобретают особую актуальность и практическую пользу. Проведенное исследование может послужить содержательной основой для издательских коллективов, ориентированных на детскую целевую аудиторию, так и для научного сообщества, а также представителей органов государственной власти, в ведении которых находятся вопросы молодежной политики, социальной защиты детства, сферы образования. Кроме того, монография будет интересна специалистам, занимающимся проблематикой

---

² О проведении в Российской Федерации Года семьи: Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 года (№ 875) (Россия). Взято 26 августа 2024, с <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013>

советского периода в целом и детской периодики в частности. Надеемся, что исследовательская работа будет продолжена авторским коллективом, поскольку затронутая тематика приобретает все большую актуальность на фоне кризисных явлений в мировой политике, в условиях которых важным оказывается сохранение исторической памяти и укрепление культурного суверенитета страны.

Список литературы

1. Головашина, О.В. (2015). Октябрьская революция: история образа (по материалам советских журналов). *Ineternum*, (1), 13–31.
2. Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики национальной памяти в современном цифровом обществе. В П.П. Трескова (Ред.), *VI Информационная школа молодого ученого: сб. науч. тр. по итогам Информ. шк. молодого ученого (3–7 сент. 2018 г., Екатеринбург, ЦНБ УрО РАН)* (с. 42–47). Екатеринбург. <https://doi.org/10.32460/ishmu-2018-6-0005>
3. Дубровская, Т.В., Мусорина, С.А., Блохина, Я.А., Видинеева, Н.Ю. (2023). *Медиатизированная модель советского общества в журналах «Пионер» и «Костер» (1970–1980-е гг.): монография*. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та.
4. Зарецкий, Ю.П. (2011). *Стратегии прошлого: Теория, история, историография*. Москва: Новое лит. обозрение.
5. Клинова, М.А., Трофимов, А.В. (2021). Великая Отечественная война: коммеморативные практики и образы в газетной периодике (1946–1965 гг.). *Уральский исторический вестник*, (2), 36–45. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2\(71\)-36-45](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2(71)-36-45)
6. Клушина, Н.И., Байгожина, Д.О., Тахан, С.Ш. (2019). Медиатизация: стилистический вектор. *Верхневолжский филологический вестник*, (2), 57–62. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10386>
7. Кочухова, Е.С. (2022). Городской образ жизни в советском художественном кино: к вопросу о методе исследования. *Идеи и идеалы*, 14(1–2), 392–407. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-392-407>
8. Мазур, Л.Н. (2019). Ностальгия по СССР: память – мифы – политика? *Документ. Архив. История. Современность*, (19), 180–206. Взято 15 сентября 2024, с <http://elar.urfu.ru/handle/10995/77980>
9. Мацкевич, М.Г. (2023). Времена выбирают: образы желаемого прошлого глазами россиян. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (4), 113–140. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-113-140>
10. Михайлин, В., Беляева, Г. (2020). *Скрытый учебный план. Антропология советского школьного кино начала 1930-х – середины 1960-х годов*. Москва: Новое лит. обозрение.
11. Орлов, И.Б. (2022). Феномен советскости в отечественной историографической традиции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 21(4), 597–607. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-597-607>

12. Рыжкова, О.В. (2018). Визуальные образы «советскости» в детском журнале «Мурзилка» 1920–1930-х годов. В О.В. Горбачев, Л.Н. Мазур (Ред.), *Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр.* (с. 98–103). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

13. Сабурова, Т.А. (2018). «Тени исчезают в полдень» или «С праздником, товарищи!»: визуализация памяти и забвения революции 1917 года в фотографиях журнала «Огонек». *Международный журнал исследований культуры*, (2), 137–151.

14. Скоробогачкая, Н.А., Скоробогачкий, В.В. (2020). Советское: историко-культурный контекст феномена. *Антиномии*, 20(2), 33–74. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10202>

References

1. Dubrovskaya, T. V., Musorina, S. A., Blokhina, Ya. A., & Vidineeva, N. Yu. (2023). *Mediatizirovannaya model' sovetskogo obshchestva v zhurnalakh "Pioner" i "Koster" (1970–1980-e gg.): monografiya* [Mediatized model of the Soviet society in the magazines "Pioneer" and "Koster" (1970–1980s): a monograph]. Penza: Izd-vo Penz. gos. un-ta.

2. Golovashina, O. V. (2015). Oktyabr'skaya revolyutsiya: istoriya obraza (po materialam sovetskikh zhurnalov) [The october revolution: story of the image (based on the soviet journals)]. *Ineternum*, (1), 13–31.

3. Gribovod, E. G. (2018). Mediatizatsiya politiki natsional'noy pamyati v sovremennom tsifrovom obshchestve [Mediation of the politics of national memory in the modern digital society]. In P. P. Treskova (Ed.), *VI Informatsionnaya shkola molodogo uchenogo: sb. nauch. tr. po itogam Inform. shk. molodogo uchenogo (3–7 sent. 2018 g., Ekaterinburg, TsNB UrO RAN)* (pp. 42–47). Ekaterinburg. <https://doi.org/10.32460/ishmu-2018-6-0005>

4. Klinova, M. A., & Trofimov, A. V. (2021). Velikaya Otechestvennaya voyna: kommemorativnye praktiki i obrazy v gazetnoy periodike (1946–1965 gg.) [The Great Patriotic war: commemorative practices and images in newspaper periodicals (1946–1965)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, (2), 36–45. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2\(71\)-36-45](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2(71)-36-45)

5. Klushina, N. I., Baigozhina, D. O., & Takhan, S. Sh. (2019). Mediatizatsiya: stilisticheskiy vektor [Mediatization: a stylistic vector]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*, (2), 57–62. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10386>

6. Kochukhova, E. S. (2022). Gorodskoy obraz zhizni v sovetskom khudozhestvennom kino: k voprosu o metode issledovaniya. [Urban lifestyle in soviet feature films: development of research methodology]. *Idei i idealy*, 14(1–2), 392–407. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-392-407>

7. Matskevich, M. G. (2023). Vremena vybirayut: obrazy zhelaemogo proshlogo glazami rossiyan [Times can be chosen: images of desirable past in the eyes of Russians]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, (4), 113–140. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-113-140>

8. Mazur, L.N. (2019). Nostal'giya po SSSR: pamyat' – mify – politika? [Soviet nostalgia: memory – myths – politics?]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*, (19), 180–206. Retrieved September 15, 2024, from <http://elar.urfu.ru/handle/10995/77980>
9. Mikhaylin, V., & Belyaeva, G. (2020). *Skrytyy uchebnyy plan. Antropologiya sovetskogo shkol'nogo kino nachala 1930-kh – serediny 1960-kh godov* [Hidden curriculum. Anthropology of Soviet school cinema in the early 1930s – mid 1960s]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
10. Orlov, I.B. (2022). Fenomen sovetskosti v otechestvennoy istoriograficheskoy traditsii [Phenomenon of sovietness in russian historiographical tradition]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 21(4), 597–607. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-597-607>
11. Ryzhkova, O. V. (2018). Vizual'nye obrazy “sovetskosti” v detskom zhurnale “Murzilka” 1920–1930-kh godov [Visual Representations of “Sovietness” in “Murzilka” in the 1920s and 1930s]. In O. V. Gorbachev, & L.N. Mazur (Eds.), *Sovetskiy proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sb. nauch. tr.* (pp. 98–103). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
12. Saburova, T.A. (2018). “Teni ischezayut v polden' ” ili “S prazdnikom, tovarishchi!”: vizualizatsiya pamyati i zabveniya revolyutsii 1917 goda v fotografiyakh zhurnala “Ogonek” [“Shadows disappear at noon” or “Congratulations, comrades!”: visualization of memory and forgetting of the Revolution of 1917 in the photographs of “Ogonek”]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*, (2), 137–151.
13. Skorobogatskaya, N. A., & Skorobogatsky, V. V. (2020). Sovetskoe: istoriko-kul'turnyy kontekst fenomena [The soviet: historical, cultural and philosophical contexts of the phenomenon]. *Antinomii*, 20(2), 33–74. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10202>
14. Zaretsky, Yu.P. (2011). *Strategii proshlogo: Teoriya, istoriya, istoriografiya* [Strategies of understanding the past: theory, history, historiography]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

Информация об авторе

Екатерина Григорьевна Грибовод, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Information about the author

Ekaterina Grigorievna Gribovod, Candidate of Sciences (Political Sciences), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Все поступающие в редакцию материалы проходят проверку на плагиат. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <https://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисуночные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
-----------------------------	---

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-ОЗ) ст. 5 (Россия). Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/</i> <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018 (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/</i>
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	<i>Драбинко, А. (2018, 18 октября). И вновь о разрыве общения с Константинополем. Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328</i> <i>Oxford Electric Bell (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell</i>
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/</i> <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574</i>

- При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
- К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
- В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
- Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002. Размер шрифта (кегель) табличного текста – 12–14. Заголовки граф (в головке) и заголовки строк (в боковике) таблицы следует писать с прописной буквы, а подзаголовки граф – со строчной буквы, если они составляют одно предложение с заголовком, или с прописной буквы, если они имеют самостоятельное значение. Головка таблицы должна быть отделена сплошной линией от остальной части таблицы. Разделять заголовки и подзаголовки боковика и граф диагональными линиями не допускается. Если строки или графы таблицы выходят за поля страницы, таблицу делят на части, помещая одну часть под другой или рядом, при этом в каждой части таблицы повторяют ее головку и боковик. На все таблицы должны быть приведены ссылки в тексте статьи.
- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуночную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуночные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. На все иллюстрации должны быть приведены ссылки в тексте статьи. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуночными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т. д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т. п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
13. **Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию, следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.
При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
- References** (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.
14. **Информация об авторе**
Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.
15. **Information about the author**
Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовообразженное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhtentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте https://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

Requirements to the Articles Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. All submitted materials are checked for plagiarism. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <https://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.
13. When using quotation marks in the text, the version “ ” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
14. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
15. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
16. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002. The font size of the tabular text is 12–14. Column headings (in the header) and row headings (in the sidebar) of the table should be started with a capital letter, and column subheadings should be started with a lowercase letter if they form one sentence with the heading, or with a capital letter if they have independent meaning. The table heading should be separated from the rest of the table by a solid line. Diagonal lines are not allowed to separate sidebar headings and subheadings and columns. If the rows or columns of the table extend beyond the page margins, the table is divided into parts, placing one part under or next to another, with the heading and sidebar repeated in each part of the table. All tables must be referenced in the text of the article.

Requirements to the Articles Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

17. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. All figures must be referenced in the text of the article. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

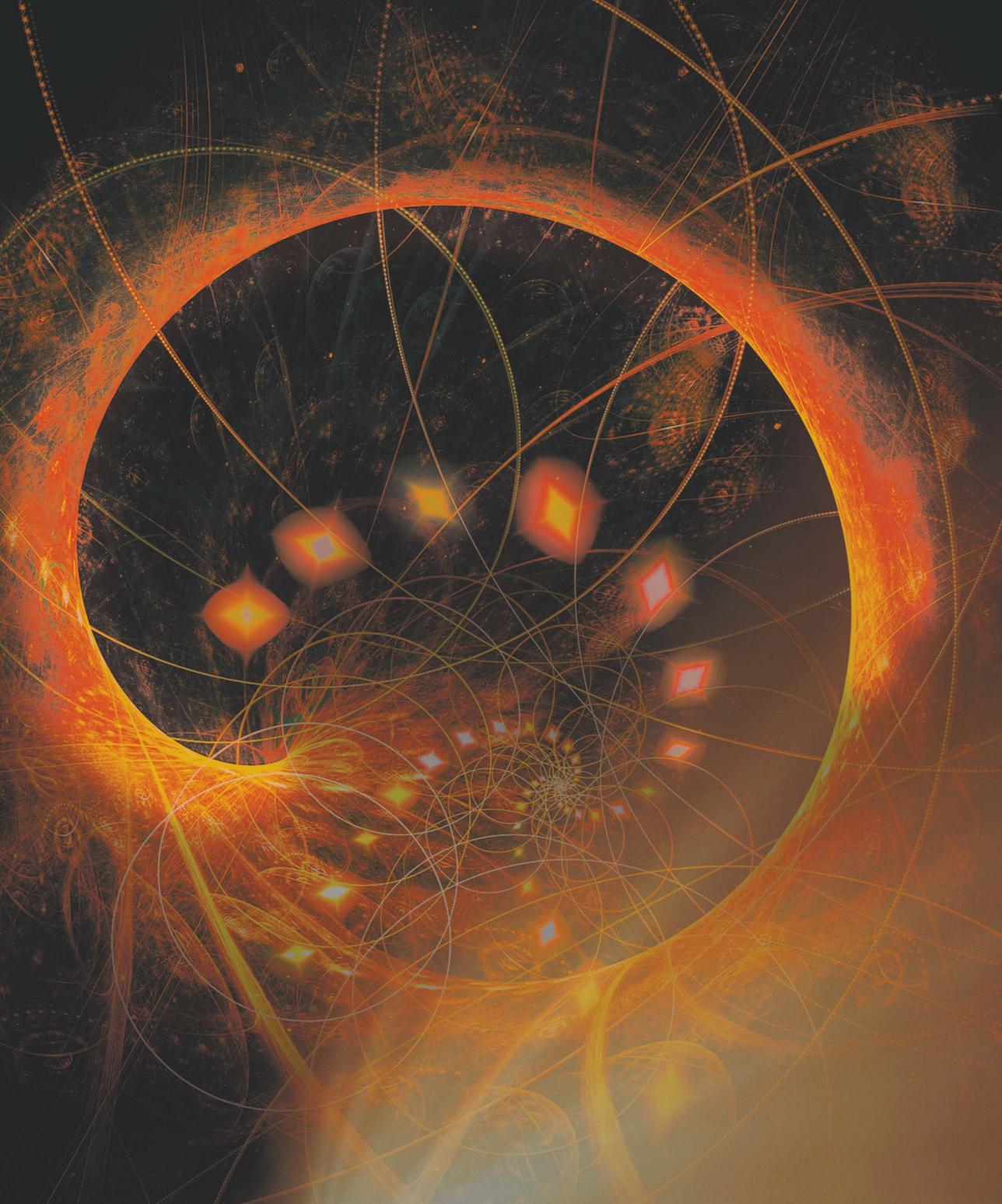
1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date.
The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Requirements to the Articles
Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title</i> , volume(issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) https://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2024

